

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2014

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2014 — 3(36)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Песня Сольвейг и бригадинское сказание: Кнут Гамсун и феномен норвежской литературы рубежа XIX и XX веков..... 3
К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КНУТА ГАМСУНА (1859—1952)

Кнут Гамсун. Рабы любви. Сын солнца..... 11
К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ (ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ) ВОЙНЫ (1914—1918)

От главного редактора..... 19
Фотографии Соколова-Калишского, его семьи и пропагандистские русские открытки
1914-го года..... 20

Ксения Абкович. Калиш..... 23

Тихон Чурилин. Песенка..... 23

Николай Фольбаум. Беглецы..... 24

Владимир Чайкин. Калишане в когтях у варваров-пруссиков: Драма из современной войны..... 26

Алексей Яшин. Последний граф Империи: Повесть..... 58

КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН

Яков Шафран, Андрей Каретников. Круг замкнулся: Главы из романа..... 69

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Вячеслав Михайлов. Погоня..... 86

Сергей Овчинников. Турция..... 93

Сергей Крестьянкин. Двенадцать километров..... 102

Сергей Одинокое. Кастинг..... 111

Елена Гаденова. Ради самой жизни..... 116

Татьяна Рогожина. Из цикла «Одного дня мало»..... 125

Тамара Булевич. Отец..... 129

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов. Я советский, как есть, наяву и во сне..... 135

Владимир Корнилов. «Позади грозная эпоха...»..... 140

Владимир Сапожников. Бабье лето..... 146

Алексей Скарёдов. От Бога к року..... 149

Вячеслав Тычков. Жизнь, как дистанция атлета.....	153
Дмитрий Степанов. Снегири.....	156
Елена Барткевич. Спящая принцесса.....	158
Изоolda Агibalова. В джунглях оконных прячется кто-то.....	162
Вера Абакумова. Старая аптека.....	166
Елена Родченкова. Звездная страна.....	168
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Игорь Карлов. В «зеленом» каньоне.....	173
Михаил Серебро. Миссия: актуальное интервью.....	179
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»	
Василий Попов. Дороги неба и земли.....	184
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Адриан Топоров. Мозаика (предисл. Игоря Топорова).....	187
Валерий Есипов. Черновики тоже полезны.....	192
Сергей Лебедев. Запомни нас, небо России (О русских летчиках Первой мировой войны).....	196
Евреи — герои Первой мировой войны.....	202
Елена Оленич. Тройной юбилей музея.....	204
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	207

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются (кроме поэзии).

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)
Зам. главного редактора Наталья КВАСНИКОВА (Москва)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск), зав. отделом международных связей
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент Академии российской литературы
Яков ШАФРАН (Тула) — отв. секретарь

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Голос эпохи» (Москва)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— Общеписательская литературная газета (Москва)
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тулская правда»
— газета «День литературы» (Москва)
— журнал «Золотая Ока» (Калуга)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

*Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info*

© «Приокские зори», 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ И БРИГАНТИНСКОЕ СКАЗАНИЕ: КНУТ ГАМСУН И ФЕНОМЕН НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ

...Хотя некоторые маститые литературные критики и упрекают автора этих строк, что-де «Колонка...» литературного журнала должна быть не столь пространной, отстраненной от личностных взглядов главного редактора... и так далее, но мы ответим прямо, по военно-морскому: кораблем управляет капитан; на то он и назначен командиром, чтобы выбирать наиболее правильный курс. Мы уже убедились за девять лет издания «Приокских зорь», что наш курс абсолютно верный. У нас не спутаешь норд-ост с норд-вестом, ибо журнал — сугубо русский классический, следующий заветам Пушкина с его «Современником» и «Отечественными записками» Некрасова. На том и стоим.

Это все к слову. Но читатели «Приокских зорь» все же несколько удивятся заглавию настоящей «Колонки...». Оно и верно; мы впервые обращаемся к зарубежной литературе, тем более — норвежской рубежа XIX и XX веков. Во-первых, далеко нелишним будет сказать (напомнить для литературно просвещенных читателей) о феномене этой литературы. Ведь вся читающая Россия в то далекое время, что, говоря словами Поэта, «от Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды», с нетерпением ждала очередной номер подписной «Нивы» с приложением «тетрадей»* нескольких полных собраний сочинений классикой русской и зарубежной литературы, в том числе Гамсуна.

Во-вторых, наш журнал является не только всероссийским, но де-факто и международным. Поэтому должны уделять внимание и писателям русского Зарубежья, творящим не «стыке» русской и иностранной литератур. Итак, феномен скандинавской, особенно норвежской литературы, во временном ареале охватывающий примерно последнюю четверть XIX века и столько же начала XX века. И не только литературы, но и музыки, и всей общей культуры. В определенном смысле и, конечно, масштабировании феномен скандинавской литературы иногда сравнивают с великим подъемом русской литературы, музыки и общей же культуры, начавшейся в первой трети XIX века, перешедшей в веке двадцатом в советскую культуру. Не менее, но, скорее, и более великую.

Подчеркиваем слово «м а с ш т а б и р о в а н и е», ибо даже по численности населения на рубеже веков Российская Империя превосходила ту же Норвегию в 70 раз (!). Не говоря уже об историческом и культурном «долголетии» нашей страны...

Итак, песня Сольвейг из «Пер Гюнта» Эдварда Грига по произведению Генрика Ибсена и драма Кнута Гамсуна с подзаголовком «Бригантинское сказание» — вот апофеоз короткого, но столь значимого и яркого периода феномена норвежской литературы, музыки и общей культуры. Почему именно акцентируются эти два име-

* В то время массовая литература издавалась в «тетрадах», то есть сброшюрованных нескольких печатных листов (п.л. — типографский термин) во временной бумажной обложке, неразрезанных (отсюда и такое архаичное сейчас понятие, как нож для резки бумаги). Все это потом переплеталось по вкусу (и деньгам) читателей.

ни: Григ и Гамсун? Ведь не меньшими талантами были в то время финский — по национальности швед — композитор Ян Сибелиус и многие норвежские и датско-норвежские писатели: основоположник собственно норвежской литературы Бьёрн-стьерне Бьёрнсон, тот же Генрик Ибсен, Неруп, критик Георг Ибсен... А петербургские символисты горячо обсуждали «Сны и явь леди Градивы». И сейчас не только литературоведам знакомы имена: К. Колет, А. Кьелланд, Ю. Ли, А. Скрам, С. Унсет и многие другие.

Одно пояснение к сказанному в предыдущем абзаце. Это о датско-норвежском языке. Напомним, что к собственно скандинавским, исторически сложившимся государствам относятся Норвегия, Швеция (уже без Финляндии, в 1807 году «подаренной» Наполеоном России — по итогам Тильзитского мира...), Дания и Исландия. Да еще малочисленное — потомки викингов — пришлое население Гренландии. Еще заметим, что архипелаг Шпицберген до 1920-го года де-факто являлся русским со времен Новгородской республики. Языки всех скандинавских народов относятся к северной ветви германских и достаточно близки друг другу.

Древненорвежский язык происходит от исландского, но со времен норманнов-викингов норвежский язык очень сблизился с датским, как следствие, в числе прочего, тесного соседства (взгляните на географическую карту!). Более того, до начала последней трети XIX века датский язык являлся общепризнанным литературным языком Норвегии.* И на титульных листах выходивших в России до конца этой трети века книг норвежских писателей стояла чаще всего: «Перевод с датско-норвежского...».

...И все же Григ и Гамсун стали музыкально-литературной вершиной норвежского феномена рубежа веков. «В мелодиях Грига такая нега...» — это лейтмотив одной из поэм Игоря Северянина, но мы вернемся к главному предмету нашего рассмотрения феномена: литературе окраинной европейской страны, в то время не имевшей никакой промышленности и кормившейся исключительно селодкой и вяленой треской-ворванью. А, так сказать, количественная сторона феномена просто потрясает: на рубеже веков в Норвегии на триста жителей приходился «свой» писатель! Конечно, среди них были и буквально «свои», так сказать, уездной известности, но ведь были и названные выше, с всеевропейской известностью, был и нобелевский лауреат (1920 год) Кнут Гамсун?

В том-то все и дело, что сама природа тогдашней патриархальной Норвегии, недавно отъединившейся от Швеции и обретшей национальную самоиндефикацию, довела над характером социума, малочисленно разбросанного по большой территории, во многом сохранявшего хотя бы и внешние, но традиции «страны королей в каждом фиорде» норманнских времен VIII—XI веков.

...О специфической природе Норвегии, особенно северной, откуда родом Гамсун и где происходит действие основных его произведений, природе, которая, если так можно сказать, при всей ее дикости и скудности властвует над человеком, мы судим не умозрительно, ибо автор этих строк родился и вырос совсем недалеко от селения Гамсунд, откуда родом Кнут Педерсен, впоследствии взявший имя Гамсун, «потеряв» последнюю букву названия своей малой родины. Естественно — по другую сторону советско-норвежской границы, в маячных окрестностях города воинской славы Полярного.

* «Отделившись» от датского, к концу XIX века современный литературный норвежский язык существует в двух формах: риксмол (букмол) — результат смешения датского языка и говора столицы Осло (ранее — Христиания) и лансмол (новонорвежский) — искусственный язык из синтеза различных норвежских диалектов... Это как нынешний «украинский» (государственный) язык, то есть галицийское наречие (язык Грушевского) — польского и немецкого (австрийского) языков.

Но вырос на тех же голых, обросших лишь лишайником, скалах на берегу выходящего в Баренцево море фиорда Кольский залив. И вообще говоря, географически Кольский полуостров суть восточное окончание Скандинавии. И коренное население нашего кольского Севера и Норвегии одно и то же: малочисленные лопари — финское племя саамов. И так же как герои романов Гамсуна, выходили мы, пацаны, на шлюпке на стрежень Кольского залива ловить «на поддев», подгребая-увертываясь от проходящих крейсеров, эсминцев и подводных лодок, идущих на плаву, а также от стай кувыркающихся касаток. Потом эту треску, только обезглавленную и ошкуренную, вялили на щедром летнем, незаходящем солнце, как белье, развесив на веревках, пристегнутую к ним прищепками... А на селедку ставили неводы артели из прибрежных рыбхозов. Так что, исключая крейсера, эсминцы и подводные лодки, картина окружающего нас была такой же, как ее видели герои романов Гамсуна без малого сотню лет назад. — И чуть западнее от наших мест. И за Полярным кругом: «ребята семидесятой широты».

Книги его в СССР не печатались до 1970 года, когда стотысячным тиражом был издан двухтомник лучших романов норвежского классика, написанных им на рубеже веков, а том числе знаменитые «Голод» и «Пан». Поэтому Гамсуна для себя открыл по переезду с севера в Тулу в начале второй половины 60-х годов. — Благодаря местной «Буккниге», очень богатой в те годы на староизданные раритеты. В изобилии имелись и нивские «тетради» дореволюционного пятитомного полного собрания сочинений Гамсуна (Издательство А. Ф. Маркса 1910 года). На синесахарной бумаге обложек присутствовал один и тот же рисунок: викинг пристально смотрит вдаль, опираясь на скалу и держась за ветвь дерева.

Я не поэт, никогда им не был и не стремился стать... но в юности все мы помаленьку отдавали незрелую дань музе Каллиопе. Так и у вашего покорного слуги выразилось описание этой обложечной иллюстрации:

До горизонта тянется фиорд
И ломаная цепь нагих березок,
Скрученная в бореях и морозах.
Тяжело дышит стужей синий норд.

Над фьордом, над пучиною седой,
Вцепившись в березы ствол крученный,
Куда-то смотрим викинг, удрученный:
Невзятою добычей иль бедой?

Могучий стан, а волосы в косу.
Бедна одежда, но несет красу
Узор рубахи ромбом у норманна.

Лихою славой он оваян был;
Приник к скале и навсегда застыл.
Он и скала. Два гордых великана.

...Помнится, все хотел вставить строку с «бригантинским сказанием» — подзаголовком к гамсуновой драме «Мункен Вендт», но не получалось: не позволяла невеста почему выбранная сонетная форма стиха, очень строгая к «архитектурному излишеству». А в школе на уроках литературы Гамсуна называли не иначе как носи-

телем идеи антисоциального индивидуализма. Но к этому мы еще вернемся. Заметим только, что родной (это пишем без всякой «ухмылки») советский Агитпроп, делая в целом полезную работу, слишком резковат был. Прямо-таки по-маяковски. И здесь понять можно: несомненно, Гамсуна можно смело характеризовать как сугубого художника-индивидуалиста. Опять же над Агитпропом висел дамоклов меч — опозоренная старость великого мастера слова... Им же самим опозоренная.

Но вот в период расцвета таланта Гамсуна на рубеже веков его слава в России — и особенно в России, где тогда восторгом «антисоциального индивидуализма» категорически отрицался, полагалась бесспорной. Достаточно перечислить имена переводчиков на русский язык его романов, пьес и стихов, более чем известных наших литераторов: Александр Блок, Ю. К. Балтрушайтис, Осип Дымов, К. М. Жихарева, Константин Бальмонт, Сергей Городецкий. И. И. Ясинский, Л. Василевский. Пожалуй, только один Лев Николаевич не одобрял творчество Гамсуна, но — попутно заметим — он Шекспира более не одобрял... А под конец долгой жизни и все собственное творчество, исключая две-три свои притчи и небольшой рассказ «Сурайская кофейня». А его «Хаджи Мурат» — апофеоз все того же «антисоциального индивидуализма» (!).

Чтобы закончить воспоминания о первом знакомстве с произведениями Гамсуна, остановимся на горькой ноте. Это уже традиционное современное «нечитательство». Когда сорок с небольшим лет назад вышел первый советский двухтомник Гамсуна, это было воспринято в нашей литературной жизни, а на черном книжном рынке спекулянты, предтечи нынешнего «предпринимательства», спрашивали за него месячную зарплату инженера... правда, рядового, не главного. А пару месяцев тому назад зашел во всю ту же тульскую «Буккнигу» и приобрел пяти томник все того же «нивского» издания Полного собрания сочинений 1910-го года норвежского классика, причем добротного переплета и в золотом тиснении — и всего-то за одну кредитку с видами города Ярославля. Причем продавица по своей инициативе еще и скидку сделал: «билет в Большой театр». Дескать, залежались у нас эти книги... Дабы не повторяться, по этому поводу отсылаем читателя к «Колонкам» журнала за 2012—2014 гг.

Как у всякого большого таланта, жизненный путь Гамсуна был более чем нелегким. Принесший ему мировую славу первый роман «Голод», во многом автобиографический, тому подтверждение. Приведем характерные купюры из критико-биографического очерка А. А. Измайлова, открывающего «нивский» пяти томник, рисующие начало творческой жизни Гамсуна.

«Родина Кнута Гамсуна — м. Лозн, в Гудбрандстане, в северном департаменте Норвегии, дикая местность, лесистая и горная... Это бедное местечко, где крона — большие деньги, где жители едят мясо только по праздникам. Во времена детства Гамсуна здесь, случалось, голодала вся община. Ей приходилось плохо, если промышленник не соглашался дать муки и соли в счет охоты и улова... Маленький Кнут, проживший детские годы на Лофотенских островах, был мальчиком у сапожника в Бодё, ходил одновременно в школу учиться и к сапожнику обучаться ремеслу. «Пожалуй, и теперь я был бы недурным мастером», — сказал он однажды интервьюеру.

Это было еще ничто в сравнении с тем, что пришлось ему пережить позже. Сбежав от сапожника, он много мытарствовал и, как высший пост в жизни, занимал должность писца у деревенского констебля.

Здесь-то, «будучи на государственной службе, в качестве ближайшего помощника сельской власти», он начал писать.

Произведения свои Гамсун долго прятал от нескромных глаз и от заслуженных насмешек.

В этой выдержке была своя хорошая сторона. Всякое тайное занятие разжигает творца. Если б Гамсун тогда же получил поощрение, быть может, оно погубило бы его. Но тайное писание, дрожание ночью над бумагой, рой мыслей, робкие начинания — все это, по его словам, заставляло думать и... любить тот «порок», которому предавался... Лишившись службы в волости, Гамсун сделался каменщиком. «Таскать булыжники и мостить улицы, — подлинные слова писателя: «Совсем уже не плохое занятие... По крайней мере, честное. Но руки грубеют от работы, невозможно держать перо в руках».

А бросить это перо он не хотел ни за что, видя в этом свое назначение. Не без препятствий Педерсен разыскал Бьёрнстjerne Бьёрнсона. Знаменитый писатель, узнав, что молодой человек собирается в Америку, дал ему рекомендательное письмо к капитану Моэстуэ» (окончание цитирования).

И так далее — начались странствия Гамсуна по свету: нелегкая трудовая жизнь в Америке: Эльрое, Миннеаполис. Чикаго, Техас. Именно здесь он пережил многое из того, что описано им в «Голоде». И тема сугубого одиночества — все это от американской жизни. Непосильный, тяжелый физический труд и постоянный голод привели Гамсуна в 1885 году к тяжелой болезни; излечила его только родина, с трудом смог добраться до Норвегии. Через год он снова в Америке, но уже в качестве фельетониста от детской газеты «Verdensgaang». Далее жизнь в Копенгагене; а в Америку его больше не пустили (и тогда уже в США существовала «система санкций»!) за злостатирические очерки «Духовная жизнь Америки». В Копенгагене вышел «Голод», сделавший Гамсуна мировой литературной знаменитостью. Еще один отрывок из очерка А. А. Измайлова: «...Переведен он на четырнадцать языков. Известность его должна быть признана мировой. В России первая восторженная статья (по поводу «Пана») появилась в «Сев. Вестнике» и принадлежит поэту К. Льдову.

В настоящее время Гамсун живет в скромном, занесенном снегами, горном местечке, в 5-ти милях (55-ти верстах) от Христиании. Он женат. Имя его маленькой дочери — Виктория.

Популярность его огромна у себя и за границей. Многие едут в Норвегию только для того, чтобы побывать на родине Гамсуна. Особенно любят его русские.

...Любопытную характеристику его, как человека, дает одна русская переводчица автора «Голода». «Существует,— пишет она,— собственно два Гамсуна. Один — всецело поглощенный тем своим произведением, которое он в данное время задумывает и пишет, крайне нелюдимый, живущий где-нибудь на чердаке, так, чтобы его невозможно было отыскать, и строго-настрого запрещающий своему издателю сообщать кому бы то ни было его адрес.

Другой Гамсун — по окончании работы — таков, каким он изобразил себя в повести «Под осенними звездами», пьющий вино, виски, — много виски.

В это время Гамсуна можно встретить во всех ресторанах в компании местной художественной и литературной богемы.

Ни тот, ни другой Гамсун не может быть доступным и общительным собеседником, тем больше для иностранной публики, так как он говорит почти исключительно на норвежском языке».

...Однако, достаточно о биографии норвежского классика. Внешне она маловпечатлительная, да и не в ней суть нашего рассмотрения.

Согласно концепции Льва Гумилева, феномен в этногенезе, в частных его проявлениях, в той же общей культуре, искусстве, литературе есть проявление пассионарности нации. С этим можно, даже нужно согласиться. Но (далеко) не всегда. Да, был у скандинавов, прежде всего норвежцев, исландцев и датчан период высочайшей военно-грабительской пассионарности — викинги VIII—X веков. И кто сей-

час, спустя тысячу с лишним лет, узнает в тишайших народах Европы — норвежцах и датчанах, не говоря уже о забытой всеми, кроме НАТО, Исландии,* викингов, некогда наводивших страх и ужас на всех живущих от северных морей и до моря Средиземного? И литература соответствовала тому пассионарному взрыву: прежде всего исландские саги.

Нет, конечно, в нищей и полуголодной Норвегии на рубеже веков никакого, кроме как культурного, всплеска пассинарности и быть не могло. Просто система всеобщего школьного образования, сложившаяся ко второй половине XIX века в северном тихом королевстве, а главное — дикая, но такая чарующая природа Скандинавии, в практическом отсутствии культурного общения с бурлящей Европой и призвала к жизни всем доступный способ самосознания и самовыражения: литературное творчество.

И еще позволим себе сказать, избегая модного сейчас обвинения в «русском имперском мышлении», что норвежский феномен, равно как возникновение и становление в конце XIX века национальных литератур входящих в Российскую империю Финляндии, Латвии и Эстонии, во многом обязан русской литературе. Как и в музыке: не зря же музыку Эдварда Грига, но особенно — Яна Сибелиуса музыковеды ассоциируют с творчеством Чайковского и Римского-Корсакова?

Читая внимательно романы и повести (сам он их не «распределял» по жанрам) Гамсуна, постоянно натываемся на имена русских классиков XIX века: пасторская дочь читает Достоевского; захворавшему никудышному трудяге-мужичку приносят почитать тургеневского «Рудина», а на именинах у местного торговца небольшого села тамошний «бомонд» горячо спорит «на десерт стола» о Льве Толстом. Это при том, что во всех произведениях Гамсуна другие европейские писатели почти не упоминаются...

Благо, что в то время действовала очень активная система взаимных переводов датской (датско-норвежской) и русской литературы, у истоков которой стоял датский европейски известный литературный критик и литературовед Георг Брандес. В 1910-е годы в России вышло его 20-томное собрание сочинений. Имена знаменитых русских переводчиков уже были названы выше.

Кнут Гамсун стал классиком норвежской литературы, «возглавив» на многие десятилетия ее феномен. При всем том, что за ним не числилось ни литературных скандалов, ни чьего-либо высокого покровительства... ничего кроме данного природой безудержного таланта, весьма своеобразного, сугубо индивидуального и, еще непременно добавим, той дикой, величественной, внешне спокойной природы Северной Скандинавии. И жизненные мытарства детства, юности и взросления писателя не следует сбрасывать со счетов.

Но все же именно роман «Голод» дал миру известного писателя Гамсуна, доселе никем не знакомого — кроме редакций малотиражных газет, пыльные пороги которых обивал будущий нобелевский лауреат.

Голод — он и в Африке, и в Норвегии конца XIX века голод. Точнее — в столице ее Христиании, затем ставшей Осло. Собственно роман и начинается словами: «Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, этому удивительному горо-

* В советское время на Земле Франца-Иосифа располагалась усиленная дивизия воздушного и морского десанта — дивизия первого удара по НАТОвским базам в Исландии, которая далее рассматривалась как атлантический плацдарм наступления на Западную Европу «с морей».

** Тот же Л. Н. Гумилев, умевший порой находить простейшие разгадки вроде необъяснимых коллизий мировой истории, очень просто объяснял неистовую ярость и безумную храбрость норманнов в сражениях: они жевали перед битвой сушеный мухомор — сильнейший галлюциноген. То есть «сто граммов перед атакой».

ду, который навсегда накладывает на человека свою печать... Временами, когда везло, мне удавалось получить пять крон за статейку в какой-нибудь газете».

И так далее весь полторастраничный роман. Возможно, каждый из нас (речь, конечно, не идет об исключительных временах навроде военного лихолетья...) в силу тех или иных обстоятельств испытывал чувство голода. Опять же мы не о сиюминутном ощущении, что называется, «между обедом и поздним ужином». Тот же студенческий, экспедиционный — туристический экстраординарный пустой желудок. Но постоянный голод, как в романе Гамсуна, это нечто другое. Здесь голод становится «царем-голодом», и вся сущность человека — от бродяги до героя Гамсуна, пишущего для газет статьи об искусстве Возрождения, тонкостях мастерства кисти Корреджо или Брунелески — меняется полностью: даже соблюдая внешние приличия и подобие человеческого достоинства, постоянно голодающий превращается в животное, того самого «антисоциального индивидуалиста», к каковой категории относили Гамсуна-писателя официальные советские литературоведы агитпроповского толка...

Даже женщины для голодного не существуют: «— Вы, конечно, идете к другой,— сказала она.— Нет,— ответил я. Ах, у меня не было никакой охоты к этому, девушки стали для меня почти все равно что мужчины, нужда иссушила меня. Но я чувствовал, как жалок я в глазах этой странной девушки...».

То ли в голодном полубреду, а может и наяву герой Гамсуна создает себе все же образ-облик вечной незнакомки, которую нарекает звучащим именем Ила я ли. То ли в бреду, то ли наяву он встречается постоянно с ней, но, как и все другие люди — женщины, прежде знакомые мужчины, видя его пошатывающимся, дескать, старина, опять засиделся в «Гранде», * тотчас оставляют его же, узнав, что он просто-напросто голодает.

Так разве Гамсун и его герои антисоциальны, если мир вокруг таков, что выпивший человек стоит на две-три ступени выше, нежели просто голодный? Нет, Кнут Гамсун был не антисоциальным, но просто ненавидел надвигающееся на его родную Норвегию мурло капитализма-империализма с его — в том числе — социальным лицемерием.

После принесшего Гамсуну всеевропейскую славу «Голода» один за другим появляются его романы «Мистерии», «Пан», «Виктория», «Под осеней звездой», «Странник играет под сурдинку», пьесы, рассказы, стихи. Место действия большинства романов и пьес — родная его Северная Норвегия, многие их герои — переходящие из произведения в произведение: с первых ролей на вторые-третьи и наоборот. Как в романах «Бенони» и «Роза», как Мункен Вендт — то упоминаемый в других произведениях, то выходящий на главную роль в стихотворной драме «Мункен Вендт. Бригантинское сказание в восьми действиях». Так на протяжении десятилетий создается своеобразный «мир Гамсуна», сущность и содержание которого можно передать его стихотворением «Юность» (в современной орфографии):

Как здесь, у пьанино, повеяло вдруг
Цветущей, далекой весной!..
То запах от девственной кожи твоей,
Кода ты клонишься головкой своей,
Встает ароматной волною.

Плывет золотистый туман предо мной,
С мелодией нежной сливаясь.

* Самый престижный ресторан в тогдашней Христиании (Осло).

*Не знаю,— уйти ли, остаться ли мне?
Весенняя молодость манит к себе,—
Стоял я перед нею, смущаясь.*

*О, вечная молодость, твой я слуга,
Твой раб за одно позволение
Коснуться губами ботинки твоей!..
И вдруг из-под розово-бледных ногтей
Смолкает струн тихое пенье...*

*Ну, что же теперь? Дверь открылась за ней,—
Так просьба моя испугала.
Но странно устроено сердце мое:
Я всем остальным предпочел бы — ее,
Которая мне отказала...*

(Пер. Г. Галиной; Т. 5 «нивского»
издания Собр. соч. Гамсуна).

Любовь в произведениях Гамсуна, как правило, мучительная взаимно, без всяких «хэппи-энд»», обычно трагически завершающаяся, разделяет «первую скрипку» с полной подчиненностью человека природе. Вершиной такого слияния является роман «Пан» — в образах лейтенанта Глана и Эдварды — одной из переходящих героинь в романах Гамсуна; она же появляется в «Бенони» и других произведениях уже вдовой финского барона. Кстати, отметим, что любовь у Гамсуна покрыта ореолом таинственности, никакого даже намека на натурализм. Единственная сцена, хоть как-то намекающая на него — это в «Бенони» купание вдовой баронессы Эдварды с лопарем Гильбертом ночью, голыми при луне в лесном озере у капища древних язычников...

Но вернемся к «Пану»: «Эдварда глянула на меня, и я на нее. Тут сердце мое дрогнуло, как от нежного привета. Это все весна, все яркий день, мне запомнилась та минута. И потом у Эдварды были такие восхитительные, дугами выгнутые брови».

Едва успев завязаться, взаимная приязнь разрушается по непонятной обоим причине. Эдварда в бешенстве бросает Глану гневные слова: «Нет, нет, он не ничтожество! — кричит она, и голос ее срывается от гнева. — Он совсем не такой, как ты воображаешь, лесной дикарь! Вот погоди, он еще с тобой потолкует, я попрошу его! Ты думаешь, я не люблю его, так ты скоро увидишь, что ошибся. Я пойду за него замуж, я день и ночь буду думать о нем. Запомни, что я сказала: я люблю его. Пускай приходит твоя Ева, ох, господи, пускай ее приходит, до чего же мне это все равно. Мне бы только поскорей уйти отсюда...— Она пошла прочь от сторожки, сделала несколько быстрых шажков, обернулась белая, как полотно, и простонала:

— И не смей попадаться мне на глаза».

Казалось бы, вечная любовная коллизия: уже опытный в жизни Глан, совсем юная Эдварда — непонимание возрастов в таком тонком, чувственном деле, невольная ревность и поддразнивание... но не это есть главная сюжетная линия романа. Языческий бог природного устройства Пан довлеет над всем живым и косным в этом северном мире, еще не захваченном Молохом нивелирующей души людей капиталистической «цивилизации».

К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА НОРВЕЖСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КНУТА ГАМСУНА (1859—1952)

Кнут Гамсун

РАБЫ ЛЮБВИ^{*}

I

Это написано мной собственноручно. Написано сегодня, чтобы облегчить душу. Я потеряла работу, потеряла радость жизни. Потеряла все. А служила я в кафе «Максимилиан».

Молодой человек в сером костюме каждый вечер приходил к нам вместе с двумя друзьями, и они садились за один из моих столиков. В кафе бывало так много посетителей, и у всех у них находилось доброе слово для меня — только не у него. Он был высок, худощав, с мягкими черными волосами и голубыми глазами, которые иногда останавливались на мне. Едва заметный легкий пушок пробивался над его верхней губой.

Видно, он с самого начала не был ко мне расположен.

Он приходил каждый вечер в течение недели. Я привыкла к нему, и, когда его не было, мне словно чего-то не хватало. И вот однажды он совсем не пришел. Я места себе не находила, обошла все кафе и вдруг увидела его за столиком позади одной из больших колонн, у другого входа. Он сидел за столиком вместе с актрисой из цирка. На ней было желтое платье и длинные перчатки выше локтя. Она очень молода, и у нее прекрасные карие глаза, а у меня глаза голубые.

Я постояла немного, стараясь уловить, о чем они говорят. Она в чем-то упрекала его, говорила, что он ей надоел, просила его уйти. Мать божия, молилась я, хоть бы он пришел ко мне!

^{*} Печатается в переводе Н. Крымовой («Сын солнца» — в переводе С. Тархановой) по изданию: Кнут Гамсун. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2 / Пер. с норвежск.— М.: Изд-во «Художественная литература», 1970.— С. 449—461. Однако первый перевод «Рабов любви» принадлежит Александру Блоку («Сына солнца» — И. И. Ясинскому) — см. книгу: Полное собрание сочинений Кнута Гамсуна. Т. 4.— СПб: Издание Т-ва А. Я. Маркс, 1910.— С. 333—344 (приложение к журналу «Нива» на 1910 г.).

На другой день он появился вечером, как обычно, со своими друзьями, и они сели за один из моих столиков. А всего у меня их пять. Я не бросилась к нему тотчас же, как бывало прежде, я покраснела и сделала вид, что не заметила его. Тогда он подозвал меня.

Я сказала:

— Вас не было здесь вчера.

— Обратите внимание,— сказал он своим друзьям,— как стройна наша официантка, как она прелестна.

— Пива? — спросила я.

— Да,— ответил он.

Я не шла, я летела за тремя кружками.

II

Прошло несколько дней.

Как-то раз он протянул мне визитную карточку и сказал:

— Отнесите ее той...

Не дослушав, я взяла карточку и отнесла желтой даме. По дороге я прочла его имя: Владимир Т***.

Когда я снова подошла к его столику, он вопросительно взглянул на меня.

— Я отдала ей,— сказала я.

— Ответа нет?

— Нет.

Он дал мне марку и, улыбнувшись, сказал:

— Когда нет ответа — это тоже ответ.

Весь вечер он сидел, не сводя глаз с этой дамы и ее спутников. Часов в одиннадцать он встал и подошел к ее столику. Она встретила его холодно, но двое ее спутников, наоборот, разговаривали с ним, задавали ему издевательские вопросы и хохотали. Он вернулся очень скоро, через несколько минут, и я обратила его внимание на то, что один из карманов его весеннего пальто промок от пива. Он тут же снял пальто, резко повернулся и гневно посмотрел на столик дамы из цирка. Я, как могла, привела пальто в порядок, и он улыбнулся мне:

— Спасибо, раба.

Я помогла ему надеть пальто, украдкой погладила его по спине.

Он сидел, глубоко задумавшись. Один из его друзей заказал еще пива, и я взяла кружку. Хотела взять и кружку Т***.

— Нет,— сказал он и положил свою руку на мою.

От его прикосновения моя рука бессильно повисла, он заметил это и сразу же отдернул руку.

Вечером я молилась за него, стоя на коленях у кровати. И, счастливая, целовала свою руку, к которой он прикоснулся.

III

Однажды он подарил мне цветы, целую охапку цветов. Он купил их у цветочницы сразу, как только вошел в кафе, они были свежие, пунцовые — огромный букет, почти вся ее корзина. Он завалил ими столик, за который сел. На этот раз он был один. Как только выпадала свободная минутка, я стояла, притаившись, за колонной, все смотрела на него и думала: его зовут Владимир Т***.

Так прошло довольно много времени. Он беспрестанно глядел на часы.

Я спросила:

— Вы кого-нибудь ждете?

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и вдруг ответил:

— Нет, я никого не жду. Кого мне ждать?
— А я подумала, что, быть может, вы кого-нибудь ждете,— опять сказала я.
— Подойдите,— сказал он в ответ.— Это вам.
И он дал мне всю охапку цветов.
Я хотела поблагодарить, но голос изменил мне, и я лишь прошептала «спасибо».
Задыхаясь от счастья, я стояла у буфета, и не помнила, что мне надо заказать.
— Что вам? — спросила буфетчица.
— А вы не знаете? — ответила я вопросом.
— Откуда мне знать? Вы что, рехнулись?
— Вы не знаете, от кого я получила эти цветы? — спросила я.
Мимо прошел управляющий. Я услышала, как он сказал:
— Вы забыли подать пиво господину с деревянной ногой.
— Мне подарил их Владимир,— сказала я и поспешила с пивом к столикам.
Т *** не ушел. Когда он, наконец, поднялся, я снова поблагодарила его. Он остановился и сказал:
— Собственно, я купил их не вам.
Ну что ж. Может быть, он и купил их для другой. Но подарил-то мне. Цветы получила я, а не та, которой он их купил. И он разрешил мне поблагодарить его. Спокойной ночи, Владимир.

IV

На другое утро шел дождь.
Какое платье мне надеть сегодня — черное или зеленое? — думала я. Зеленое. Оно новое, поэтому я надену его. Я была так счастлива.
У остановки трамвая под дождем стояла женщина. У нее не было зонта. Я предложила ей свой, но она отказалась. Тогда я закрыла его. «Пусть она мокнет не одна»,— подумала я.
Вечером Владимир пришел в кафе.
— Благодарю вас за вчерашние цветы,— гордо сказала я.
— Какие цветы? — спросил он.— Не говорите об этих цветах.
— Я только хотела поблагодарить вас,— сказала я.
Он пожал плечами и сказал:
— Я люблю не вас, раба.
Он любит не меня, ну что ж. Я это знала и не страдала от этого. Но я видела его каждый вечер, он садился за мой, а не за другой столик, и я, я подавала ему пиво. Добро пожаловать, Владимир!
На следующий вечер он пришел поздно. И спросил:
— У вас есть деньги, раба?
— Нет, к сожалению,— ответила я,— я бедная девушка.
Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал:
— Вы меня не поняли. Мне нужно немного денег до завтра.
— Дома у меня есть сто тридцать марок.
— Дома, не здесь?
Я ответила:
— Подождите четверть часа, кафе закроется, и я их вам принесу.
Он подождал четверть часа, и мы вышли вместе.
— Дайте мне только сто марок,— сказал он.
Он, не стеснясь, шел все время рядом со мной, не впереди меня, не сзади, не то что другие важные господа.
— У меня крохотная каморка,— сказала я, когда мы подошли к моему дому.
— Я не поднимаюсь к вам,— сказал он.— Я подожду здесь.

Он ждал меня.

Когда я вернулась, он сосчитал деньги и сказал:

— Здесь больше сотни. Я даю вам десять марок на чай. Да, да, слышите, я хочу вам дать на чай десять марок.

Он протянул мне десять марок, сказал «спокойной ночи» и ушел. Я видела, как он остановился на углу и подал шиллинг старой хромой нищенке.

V

На следующий вечер он сказал, что сожалеет, но не может вернуть мне долг. Я поблагодарила его за то, что он не отдает мне денег. Он откровенно признался, что прокутил их.

— Ничего не поделаешь, раба! — сказал он. — Вы же знаете — желтая дама!

— Почему ты называешь нашу официантку рабой? — спросил один из его друзей. — Ты больше раб, чем она.

— Пива? — спросила я и прервала их разговор.

Вскоре вошла желтая дама. Т*** встал и поклонился. Поклонился так низко, что волосы упали ему на лицо. Она прошла мимо и села за пустой столик, но прислонилась к нему спинками два стула, показывая тем самым, что весь столик занят. Т*** сразу же подошел к ней и сел на один из стульев. Через несколько минут он встал и громко сказал:

— Хорошо, я ухожу. И никогда больше не вернусь,

— Спасибо, — сказала она.

Я не чувала под собой ног от радости, я побежала к буфету и стала что-то рассказывать. Наверное, — что он больше никогда не вернется к ней. Мимо прошел управляющий и сделал мне резкое замечание, но я не обратила на него никакого внимания.

Когда кафе закрылось, Т*** проводил меня до дому.

— Дайте мне пять марок из тех десяти, что я дал вам вчера, — сказал он.

Я хотела, чтобы он взял все десять, и он взял их, но дал мне из них пять на чай. И не пожелал слушать моих возражений.

— Я так счастлива сегодня, — сказала я, — Если бы я осмелилась пригласить вас к себе. Но у меня такая крохотная каморка.

— Я не поднимусь к вам, — сказал он. — Спокойной ночи.

Он ушел. Старой нищенке, которая опять стояла на углу, он забыл подать милостыню, хотя она и поклонилась ему. Я подбежала к ней, дала ей монету и сказала:

— Это от того господина в сером, который только что прошел мимо.

— От господина в сером? — спросила нищенка.

— Да, от того господина с черными волосами. От Владимира.

— Вы его жена?

Я ответила:

— Нет, я его раба.

VI

Несколько вечеров подряд он говорил, что сожалеет, но не может вернуть мне деньги. Я просила его не обижать меня. Он говорил это так громко, что все вокруг слышали, и многие смеялись над ним.

— Я негодай, я мерзавец, — сказал он. — Я взял у вас деньги и не могу их вернуть. За пятьдесят марок я дал бы отрубить свою правую руку.

Мне становилось страшно от этих слов, и я ломала себе голову, как бы мне раздобыть ему денег, но мне нигде было их взять.

Немного погодя он снова заговорил со мной:

— А если вы спросите, что случилось, то извольте: желтая дама уехала со своим цирком. И я ее забыл. Даже не вспоминаю о ней.

— И все-таки сегодня ты ей снова написал,— сказал один из его друзей.

— В последний раз,— ответил Владимир.

Я купила розу у цветочницы и хотела воткнуть ее в петлицу его пиджака. Но я почувствовала его дыхание на своей руке и долго никак не могла найти петлицу.

— Спасибо,— сказал он.

Я попросила в кассе те несколько марок, которые мне еще причитались, и отдала их ему. Но это была такая малость.

— Спасибо,— снова сказал он.

Я была счастлива весь вечер, пока Владимир не сказал:

— На эти марки я уеду. Я вернусь через неделю, и вы получите тогда свои деньги.

Заметив мое движение, он вдруг добавил.

— Я люблю вас! — И взял мою руку.

Я совсем растерялась оттого, что он уезжает и не говорит даже, куда, хотя я его и спросила. Кафе, люстры, многочисленные посетители — все поплыло передо мной, я не выдержала и схватила его за руки.

— Я вернусь к вам через неделю,— сказал он и резко поднялся.

Я слышала, как управляющий сказал:

— Вам придется искать другое место.

«Ну что ж,— подумала я.— Какая разница! Через неделю Владимир вернется ко мне!» Я хотела поблагодарить его за это, обернулась, но он уже ушел.

VII

Через неделю, вернувшись вечером домой, я нашла от него письмо. Он был в таком отчаянии, писал, что поехал за желтой дамой, что никогда не сможет вернуть мне деньги, что впал в нищету. Снова бранил себя, называл низким человеком, а внизу приписал: «Я раб желтой дамы».

Я плакала круглые сутки. Ничего не могла с собой поделать. Через неделю меня уволили, и я начала искать новое место. День-деньской я обивала пороги других кафе и гостиниц, звонила и частным лицам, предлагая свои услуги. Все напрасно.

Поздно вечером я покупала за полцены газеты и, придя домой, старательно читала все объявления. Я думала: может быть, я все же найду что-нибудь и спасу нас обоих, и Владимира, и себя...

Вчера вечером я наткнулась в газете на его имя и прочитала то, что было о нем написано. Я сразу же вышла из дому, ходила по улицам, домой вернулась утром. Быть может, я где-то спала, а быть может, сидела на лестнице, не в силах сдвинуться с места. Не помню.

Сегодня я снова это прочитала. Но впервые я это прочитала вчера вечером. Я заломила руки и опустилась на стул. А потом почему-то села на пол, прислонившись к стулу. Била по полу руками и думала. А может быть, и не думала. В голове было совсем пусто, и я ничего не помню. Потом я, должно быть, встала и вышла. На углу, это я помню, я дала монету старой нищенке и сказала:

— Это от господина в сером, вы его знаете.

— Вы что, его невеста? — спросила она.

Я ответила:

— Нет, я его вдова...

До утра я бродила по улицам. А сейчас снова прочла это. Его звали Владимир Т***.

СЫН СОЛНЦА

Ночью выпал снег. Густым белым покровом оделась земля.

Он проснулся с радостной мыслью о письме, которое вчера получил, об этой неожиданной благодной вести; почувствовав себя молодым и счастливым, он стал тихо напевать. Затем, подойдя к окну, приподнял штору и увидел снег. Песня его мгновенно оборвалась, душу захлестнула тоска, и он пугливо передернул узкими покатыми плечами.

С приходом зимы для него всякий раз начиналась злая пора, мука, ни с чем не сравнимая и никому другому, кроме него самого, не понятная. Один лишь вид снега навевал мысли о смерти и разрушении. Наступали долгие вечера с их потемками, с их отупляющей, бессмысленной тишиной; он не мог работать в своей мастерской — его оцепеневшая душа была нема. Как-то раз летом ему привелось поселиться в маленьком городке в большой светлой комнате, где нижние стекла окон были замазаны белой краской. Белое стекло походило на лед, и, глядя на него, он испытывал непреодолимую муку. Он хотел пересилить себя, прожил в этой комнате несколько месяцев и изо дня в день твердил себе, что на взгляд очень многих людей лед тоже прекрасен и что зима и лето суть разные воплощения одной и той же вечной идеи бога и им сотворены, — все было тщетно, он по-прежнему не прикасался к работе, и эта кажодневная пытка снедала его.

Позднее ему довелось жить в Париже. Когда в городе кипел веселый праздник, он любил, прогуливаясь по бульварам, созерцать открывающуюся его взору картину. Чаще всего это случалось в разгаре светлого лета, теплыми вечерами, когда в город притекали из больших парков запахи листьев и цветов; улицы сверкали в электрическом свете, и взад и вперед по ним сновали смеющиеся, ликующие люди, кричали, пели, разбрасывали конфетти, и все вокруг дышало радостью. Сколько раз он выходил на улицу, мечтая смешаться с толпой и веселиться вместе с ней, но не проходило и получаса, как он брал фиакр и возвращался домой. Отчего? Издалека приплывало воспоминание: в свете электрических ламп кружились и оседали у его ног конфетти, точно снежинки...

Из года в год повторялось одно и то же. Где же обитала его душа? Быть может, в стране солнца, в стране пальм. Быть может, на берегах Ганга, где никогда не увядает лотос...

Ночью выпал снег. Он подумал, как, должно быть, холодно птицам в лесу и какую смертную муку терпят в земле, умирая, корни фиалок. И чем только кормится теперь заяц?

Он больше не мог выходить из дому. Месяц за месяцем он почти не покидал своей комнаты и то шагал по ней из конца в конец, то недвижно сидел на каком-нибудь стуле и размышлял. Никто не понимал, как жестоко он страдает от этого заточения. Он был еще молод и мог бы окунуться в жизнь, да и сил у него было вдоволь, но любая случайная прихоть мороза, внезапная перемена погоды обрекала его на заточение и одинокие раздумья. В такие дни жене лучше было запира́ть в шкафу на ключ горстку фруктов, купленных ею для детей, — не то муж доставал их оттуда и, поставив перед собой тарелку с двумя-тремя яблочками да жалкой кистью винограда, долго любовался ими, — потому что это ведь были плоды юга и лета, — и в конце концов поедал их.

Перемена совершалась в нем удивительно быстро. Обычно он не любил отвечать на письма, теперь же он кидался к своему столу и писал одно за другим уйму писем, даже тем, кому вовсе не был обязан писать, спрашивал их о чем-нибудь или сообщал

какой-нибудь малопримечательный факт. У него было смутное ощущение, будто его уже подстерегает смерть, и этим потоком писем, рассылаемых во все концы страны, он надеялся хоть ненадолго укрепить нить, связывающую его с жизнью. И другие перемены происходили с ним: он совсем утратил душевное равновесие; оставшись один, он часто принимался рыдать, а по ночам часами лежал без сна с полузакрытыми глазами.

Этот хилый, нескладный человек летом всегда бывал в самом веселом расположении духа. Но в мрачную зимнюю пору им овладевала отчаянная тоска. Его порывы были резки и стремительны, как ненастье, налетающее среди ясного дня,— сколько раз, упав на колени перед младшим сыном и обливаясь жаркими слезами, он молился за него богу! Он страстно желал, чтобы мальчик, в отличие от него самого, никогда не вкусил известности. У всех известных людей замутнены родники души, и сами эти люди испорчены вниманием, славой, выделившей их из ряда других, любопытством толпы. Эта вечная жизнь напоказ искажает их взгляд, походку, все их поведение... А сын его — пусть лучше он сеет хлеб и собирает с поля урожай. Превыше всех тот, кто сам сеет хлеб и пожинает плоды своего труда. И еще одно: только бы господь уберег его от жизни на чужбине. Сколько лишних мук принимает человек, вынужденный искать себе прибежище, кров в чужом краю! К тому же он не понимает чужой речи, и чужих взглядов, и улыбок. Небо на чужбине другое и другое расположение звезд, так что их и не узнаешь. Взглянешь на цветы — а у них непривычные краски, и птицы в чужом краю тоже подчас совсем другие. И другой флаг развевается на флагштоке.

Чутьем он угадывал, что судьба безжалостно вырвала его из родной среды: быть может, когда-то, много лет назад, он обитал в ином, далеком и жарком краю.

—32 градуса по Цельсию

Он с ужасом замечает, что мороз усиливается и все живое в полях коченеет. В окно его виден лес и широкая дорога, по которой люди ездят в город и обратно. Ни один листок теперь не шелохнется, ельник оцетинился иглами, и все деревья покрыты инеем. Самая погода для любителей спорта. Несчастная синица еле шевелит крыльями, и за ней по воздуху вьется тоненькая струйка пара. Природа замерла, всюду морозно и тихо. И даже ветерок не всколыхнет воздуха. Кругом словно одно белое застывшее сало.

Снизу с дороги доносится звон бубенцов — мимо проезжают сани, в которых сидят мужчина и женщина. Над лошадью и над седоками плывет, непрерывно обновляясь, легкое белое облачко. Этот мужчина и эта женщина, наверное, никогда не видели, как растет виноград, а может, они даже ни разу в жизни его не пробовали.

По лицам их не заметно, чтобы погода вызывала у них какое-либо неудовольствие, они преспокойно едут в город по своим мелким делам и лишь изредка понукают лошадь, когда она, на их взгляд, слишком вяло пробивается сквозь это жуткое сало. Пришелец из солнечного края при виде этой картины умер бы от смеха. А мужчина и женщина невозмутимо, без тени удивления оглядывают страшное, таинственное царство стужи, которое обступило их со всех сторон, и нисколько не задумываются над этой тайной, потому что сами они тоже дети стужи и выросли среди снегов. Они сидят в санях, словно два моржа. На бороде у мужчины — сосульки...

Несчастный, вконец измученный стужей художник видит сквозь окно, как во дворе играет его дочурка. Она с головы до ног закутана в теплые шерстяные вещи, только толстые чулки из козьей шерсти подшиты кожаными подметками. Девочка возит по снегу санки, и ее шаги отдаются в ушах отца мучительным скрипом. Плечи его вздрагивают, он словно в изнеможении закрывает глаза, и от странного недуга на лбу его выступает холодный пот. Девочка окликает его, запрокинув кверху румяное

личико, и жалуется, что веревка на санках оборвалась. Поспешно сойдя вниз, он связывает концы веревки, на нем нет ни шляпы, ни зимней одежды. «Ты не замерзнешь?» — спрашивает дочка. Нет, он не замерзнет, руки у него теплые, только ледяной воздух больно обжигает горло. Но он никогда не мерзнет.

Он заметил, что высокая старая береза у подъезда как-то осела и ствол ее треснул. «Это все мороз», — содрогнувшись, подумал он.

За ночь вдруг переменилась погода. Сев на кровати, он стал ждать тепла, хотя знал, что зима еще возвратится и потом не скоро уйдет. Все же в его душе вспыхнула надежда.

Мороз с каждым днем убывал, и под конец закапало с крыш, а в небе словно загудели могучие океанские волны.

Надежда в его сердце крепла и росла, и шум, разлившийся в воздухе, волновал его, точно музыка, — быть может, это уже весна тронула свой золотой барабан!

Как-то раз ночью что-то вдруг застучало по окну; вскочив с постели, он прислушался — это был дождь! Неизъяснимая радость охватила его, торопливо одевшись, он помчался в свою мастерскую и зажег там все огни. Его тоска по лету вдруг обратилась в светлое вдохновение, все силы, дремавшие в нем, вырвались наружу, и в ту же самую ночь он с жаром принялся за работу. Нахлынули видения и звуки из теплых краев и завладели им, перед глазами с необычайной, чарующей отчетливостью возник пейзаж — сказочная долина, и в центре ее человек — юный, прекрасный бог, только что появившийся на свет и в первый раз оглядывающий мир.

Бог, повелитель земли, любит зрелищем утра жизни. Вокруг — пышная, щедрая природа, пальмы и тропические цветы, лианы с крупными, похожими на куски кровавого мяса и словно дышащими листьями; индигоноски, рожь, кукуруза, виноград. По дну долины бродят звери, человек чувствует их близость и слышит, как они едят; вверху, на скале, галдя, сгрудилась стайка огромных птиц, перья у них жесткие, точно сабли, а глаза — зеленые огоньки. Вдалеке последняя цепочка пальм убегает за горизонт...

Над этим пейзажем загорелся первый нежный луч утреннего солнца, озарив человека с головы до ног...

Он работал до утра. Поспал час и снова взялся за кисть. Ничто не остановило бы его, какая-то необычайная сила захлестнула его и увлекла. Пять дней лил дождь — и за эти дни художник закончил эскиз картины «Сын солнца».

Маленький смуглый человечек, без бороды, с лысым, унылым черепом, совершенно неприметный на вид. Он тихо сидит на стуле, слушая, как разглагольствуют другие. Временами он покашливает, смущенно прикрывая рот рукой. Когда кто-нибудь заговаривает с ним, он нервно вздрагивает и с минуту недвижно глядит на собеседника. Примостившись в каком-нибудь углу, он уже весь вечер не покидает его, он так неловок и невзрачен, что никто не считает нужным дарить его своим вниманием. Кажется, будто он очутился в этом обществе по чистому недоразумению.

Спустя несколько недель смуглый человечек послал на выставку свою картину. И с этого дня все узнали его.

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ (ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ) ВОЙНЫ (1914 — 1918)

От главного редактора: Наши достославные СМИ где-то между днем Парижской коммуны и православной Пасхой, совпавшей в этом году с пасхой католической и армянской (монофизитская христианская церковь), как по команде — а кто в этом сомневается? — вплотную обратились к теме начала первой мировой бойни XX века. Уже не настораживает и не поражает идеологема этой радиотелевизионной кампании, проводимой непонятно для какого контингента слушающих-смотрящих: воспитанные и обученные в СССР сами близки к пониманию истинной причине войны, а новым и новейшим поколениям все это мало интересно. Даже студентам гуманитарных специальностей, у которых и программы по истории к такой дате, наверное, подкорректированы, да и по телеканалу «Культура» — есть такая передача — вроде как матерые профессора, получившие степени и звания в советское время, с даты Парижской коммуны читают лекции по Первой мировой войне. Извиняюсь, может, им уже наскучила жизненная профессия «преподов-училок», но плохо читают, даже путаются: был ли Джордж Кеннан послом в царской России или в СССР?.. Но это к слову. Ведь и «властитель дум» современной популярной политологии, слова которого даже обычный утюг воспроизводит (надеюсь, догадались о ком речь — слушайте «Радио России» по воскресеньям пополудни...), на вопрос слушателя отвечает: «Разве румыны православные? Не знаю... надо в энциклопедии справиться». — И это на всю страну!

Но — вернемся к Первой мировой войне в интерпретации нынешних СМИ и профессоров с канала «Культура». Получается... нуль абсолютный получается: для чего воевали, кто инициировал войну? — Не изучавший историю в СССР ровным счетом ничегошеньки не поймет. А как им иначе быть, чтобы допустили к микрофону и телекамере? Ведь кто им позволит, особенно сейчас, когда из-за событий на Украине и без того отношения России с Западом обострены донельзя? Говорить же правду о той далекой войне — значит становиться на позицию, абсолютно верную, адекватную советской историографии. А правда такова, что Германию с Россией (как и позже Третий Рейх с СССР), вообще говоря, не имевших почти никаких противоречий, искусственно столкнули, использовали «в темную», атлантисты, то есть Антанты, «англичанка», как писали и говорили (без кавычек) в России во второй половине XIX веков. — Для своих целей европейского, а с США и мирового, политического и экономического господства.

...Наш журнал является классическим русским изданием, сугубо художественно-литературным, не zaangażированным политически. Потому мы настоящую рубрику и даем в литературном отображении. Конечно, было бы неразумно на столь малом печатном объеме дать сколь-либо широкую картину Первой мировой войны в литературных образах. Для этого есть шолоховский «Тихий Дон» и сотни, тысячи книг художественных, мемуарных и пр. Это же относится и к литературе противоборствовавшей стороны, тот же Ремарк.

Поэтому столь важную, столь печальную дату мы сузили до одного эпизода войны — самого начального, сосредоточившись на приграничном с Германией губернском городе Калише Царства Польского и фигуре калишского казначея Соколо-

ва, действительного статского советника — **первого русского героя** «германской» войны, как ее именовали в России. Ведь никто кроме нашего журнала об этом знаковом, начальном периоде войны не напишет! Только в нынешнем польском Калише инициативой тамошнего историка Аркадиуша Станиславовича Блащыка готовится к изданию книга о тех кровавых событиях. Главное — в эпизоде захвата немцами Калиша и подвига Соколова-Калишского уже проявился весь последующий ход войны на Восточном фронте!

Редколлегия «Приокских зорь» сердечно благодарит польского историка за присланные фотографии, иллюстративные материалы, стихи и пьесу, посвященные Калишу и Соколову.

...И еще один существенный момент: так получилось, что автор этих строк знаком с некоторыми потомками Соколова-Калишского. Отсюда и наш рассказ «Последний граф империи» — художественное обобщение слышанных их семейных преданий.

Фото Соколова-Калишского и его семьи из журнала «Нива», 1914, № 36

Казначей калишского губернского казначейства Соколов, замученный и расстрелянный немцами за отказ выдать русские деньги, заблаговременно, до вступления немцев, уничтоженные им по приказу начальства.

Семья казначея калишского губернского казначейства Соколова, замученного немцами. Вдова его, Елизавета Николаевна Соколова, с пятью детьми

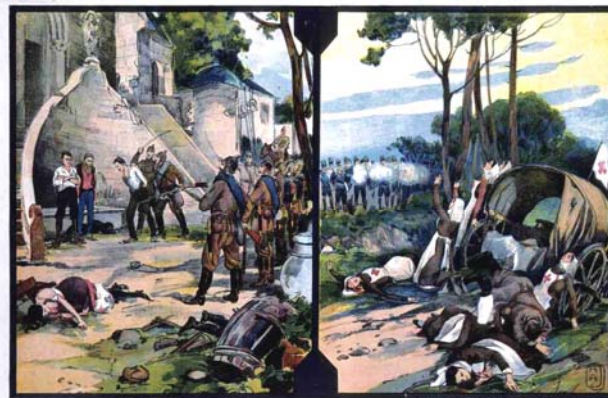
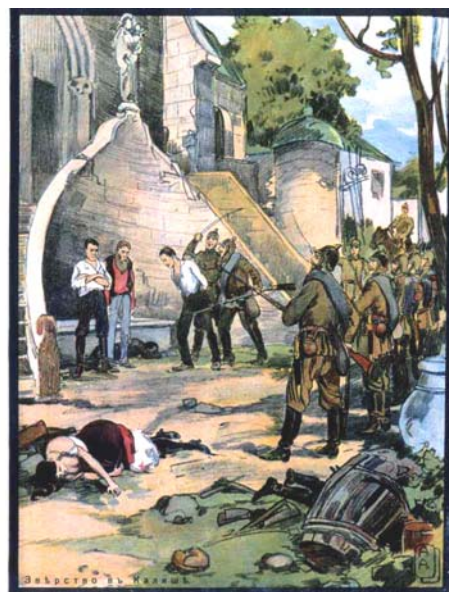

(И польской газеты «Картечь»)

Пропагандистские русские открытки 1914-го года, показывающие зверства немцев в Калише и расстрел Соколова-Калишского

Жертва долга, губернский назначен г. Налиша—Соколовъ

[illegible][illegible]

Нормы расхода на единицу веса и 2-х размеров. Нормы нахлесточных, стыковых швов и фланцев и
отрабатываются.

Ксения Абкович

КАЛИШ*

В кошмарных грезах ночи
Я вижу мертвых очи:
В них столько страшной муки!
В мольбе скрестились руки...
Я слышу женщин крики
И немцев грозных клики...
А там вот ждут расстрела
Старик и дети смело,
Сверкают дула ружей
И кровь зловещей лужей...
Мой взор стремится дале:
В богатом, светлом зале
Пируют немцы шумно,
И дерзко, и безумно...
Разграблен погреб винный
Обширный и старинный;
Где высились жилища,
Чернеют пепелища.
В кошмарных грезах ночи
Я вижу мертвых очи...

Тихон Чурилин

ПЕСЕНКА**

Ах, дитя, ой, дитя,—
 Чтой-то ты лежишь невесел,
 Руки плетию повесил,
 Глазки веками завесил,
 Узкий стал в грудях,
 Аааах!

Посмотри-ка на меня.—
Ах, сынок, ой, сынок,
 Не подвинешь чтой-то ног,
 Не раздвинешь рук твоих,
 Ох, страшно их.

Камень-камнем ноги,
 Руки влипли, черные, в дорогу.

Ах, дитя, ой, дитя,—
 Был веселый, ехал в Калиш.

* Ксения Абкович. Калиш, В.: Огни и дали. Стихи. 1922 г., с. 16.

** Чурилин, Тихон Васильевич, Стихи Тихона Чурилина. М., Москва: Советский писатель, 1940.

Попрекнула те шутя:
Что-де зубы скалишь,
Черта манишь!!
А теперь лежишь, лежишь,
— Ишь:
Обезьяной зубки скалишь.
Ай да Калиш, Калиш...

1914

Николай Фольбаум

БЕГЛЕЦЫ*

На сцене полная темнота. Постепенно в этом мраке обозначаются слабые призрачные тени. Разгорается, шипя, над софитами прожектор, защищенный цветным стеклом.

И тени начинают колебаться. Старый, добрый, полузабытый «серпантин». Плавно колышутся мягкие крылья, и три женские фигуры несутся одна за другой.

Прожектор разгорелся окончательно; на белых одеждах заметны грубые швы и неразглаженные слежавшиеся полосы.

Разглаживать было некогда. Танцовщицы только что приехали из Варшавы.

Движения становятся все резче; мелькают по сцене, как птицы, захваченные бурей. И буря их действительно захватила.

Много нахлынуло в Москву этих театральных беженцев из Польши. Кочевали по городам и местечкам с незатейливым своим искусством, перебивались со дня на день. Думали, что хуже и быть не может, но бодро смотрели вперед. Никакая нужда их не испугает; они стоят на последней ступени нужды, дальнейших ступеней быть не может.

Но оказалось, что эта лестница беспретельна, и они еще не дошли до ее конца. Сколько испытаний!..

— В Польше не для кого больше танцевать. Не осталось зрителей.

Боролись до последней возможности; собирая последние силы, кочевали они по местечкам, где прежде их встречали незабываемые триумфы. Теперь их встречают там одни дымящиеся развалины.

Нет больше зрителей; кого привлечет их воздушный «серпантин» в это время, когда все население местечек само превратилось в участников невиданной с самого сотворения мира трагедии?

Они пробирались в еврейском фургоне по лесным дорогам. Послышался тяжелый грохот; остробородый еврей зачмокал, задергал вожжами, и лошади едва успели свернуть в сторону.

Мимо них пролетела на рысях конная батарея; тяжелые пушки мчались с такой быстротой, что подпрыгивали как резиновые.

Скрылись — и через несколько минут начали раздаваться оглушительные раскаты.

— Там театр посерьезнее нашего. Бродячим артистам нечего делать в Польше...

А шрапнельные выстрелы расплываются, как белые тучки — совсем как серпантин, — в небе.

* Фольбаум Николай Александрович, Беглецы, А: Руга Владимир, Кокорев Андрей. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта в период Первой мировой войны, Москва: АСТ; Владимир: Астрель; 2011.

В каждом маленьком московском театрике вы встретите несколько беженцев, которых вытеснила из Польши война.

Не хватило сил бороться; их бутафорский хлам не устоял против тяжелых орудий. Жестокая судьба выкинула их из местечек в столицу.

Маленькие театрики сами дышат на ладан, сократили до крайних пределов все свои расходы,— но у них не хватило жестокости отказать в приюте польским беглецам.

Другие нашли пристанище в цирках. Молодой опереточный комик попал в качестве клоуна на арену, рассказывает примитивные анекдоты и декламирует злободневные куплеты.

На голове его рыжий парик, в котором он играл прежде какого-то обольстительного графа, соломенная шляпа, уцелевшая от роли какого-то банкира.

Он медленно ходит за лошадью, на которой сидит, отдыхая от трудного прыжка, наездница в блесках,— и старается развеселить публику.

— У нас в цирке он отдохнет от скитаний. Много ему пришлось натерпеться...

Товарищи относятся к беженцам с чрезвычайным вниманием.

Несколько человек пристроились около кинематографа. Участвуют в съемках картин из текущих событий. Возник вопрос о какой-то мелкой подробности в форме немецкого офицера.

Беженцыгодились — все было сделано по их указаниям. Кому же и знать, как не им.

Один из беженцев долго объяснял, как у прусского лейтенанта расположены выпушки и петлички, а потом не выдержал, остановился и начал вытирать глаза.

К нему бросились, принялись его утешать. А он говорит:

— Невольно слезы... Ведь я все это видел... Ведь я из Калиша...

Кружатся белые тени. Судорожно машут крыльями белые птицы.

И с последним аккордом застывают неподвижно. Легкие одежды опустились прямыми складками.

Как воплощенное отчаяние...

Владиміръ Ив. ЧАЙКИНЪ.

КАЛИШАНЕ ВЪ КОГТЯХЪ У ВАРВАРОВЪ-ПРУССАКОВЪ

—
Драма изъ современной войны.

Книга посвящена
славной памяти героя города Калиша,
казначея **Соколова-Калишскаго.**

ПЕТРОГРАДЪ.
„Сѣверная Печатня“, В. О., 13 л., 2.
1915.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Одна из центральных улиц города Калиша. Небольшой дом-особняк, окруженный большим садом. Вечереет. На небе ни облачка. После жаркого дня наступил прохладный вечер. Слышен одностонный звон колокола,— то благовест к вечерне. На террасе, выходящей в сад, сидит все семейство Коваленко и Мария Васильевна Нечипоренко. Все пьют чай. На столе стоит букет из роз. Сергей Васильевич читает газету. Петя и Миша молча пьют чай. Мария Васильевна и Елена Сергеевна тихо спорят о чем-то. Екатерина Александровна раскладывает пасьянс. Лидия Павловна что-то подсчитывает и записывает в тетрадь.

Елена. Ты пойми, Мурочка, как я рада, что Котичка, наконец, завтра приезжает. Боже, как я истомилась, ожидая его, моя дорогая.

Мария. Ну, я думаю... Столько времени не видется,— можно истомиться. Что же он тебе еще пишет, милочка?

Елена. Да вот, он был у своего товарища по гимназии, в Екатеринославской губернии. У отца этого товарища там, по берегу Днепра, богатые охотничьи угодья,— свои озера и лиманы. Количка и его товарищ — страстные охотники. И вот, он пишет, что беспрерывно охотился во время весеннего пролета птиц; пишет, что собрал большую коллекцию уток и других болотных, главным образом, птиц. Торжествует, что убил каких-то розовых скворцов. Пишет затем, что собрал большую коллекцию змей, бабочек, жуков. Он так, Мурочка, любит природу, так любит природу!.. У него какая-то бешеная страсть к естественным наукам и к собираниям различных коллекций птиц, бабочек, жуков, змей и растений. О, как он любит, Мурочка, собирать всевозможные коллекции!..

Мария. Как жаль, Леночка, что в Петрограде ты не успела меня с ним познакомиться.

Елена. Но, Мурочка, дорогая, он завтра ведь приезжает,— недолго ожидать осталось. Но если бы ты знала, дорогая Мурочка, что делается с моим сердцем: оно как-то особенно сладко бьется. Боже мой, как я волнуюсь! Ведь я его так безумно люблю, моего Количку: он такой милый, славный, красавчик мой дорогой.

Сергей Васильевич (серьезно посмотрев на дочь и затем на всех). А вот, господа, я вам серьезную новость прочитаю.

Лидия Павловна, Елена и Мария. Пожалуйста! пожалуйста!.. Что такое?..

Сергей Васильевич. Да вот что! Вена. Злодейски убиты в Сараево сербом-гимназистом Принципом и еще одним неизвестным анархистом — эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена. Убийцы схвачены. Полиции с трудом удалось оттеснить публику и тем спасти убийц от самосуда толпы, пришедшей в необычайную ярость. Ходят слухи, что в убийстве и заговоре замешаны многие видные сановники Сербии.

Голоса. Ах, какой ужас! Ах, какой ужас! Как это ужасно! Боже мой, Боже мой!

Сергей Васильевич. Да, это действительно ужасно. Но этого эрцгерцога Франца-Фердинанда жалеть не нужно. Это был жестокий человек, вечно жаждущий крови человеческой, ненавистник славян и церквей православных. А вот про герцогиню ничего не могу сказать; не знаю и ничего про нее не читал и не слышал.

Миша. Папочка, дорогой, нам учитель географии говорил, что Франц-Иосиф, император Австро-Венгрии, самый старый из всех государей в мире. Это правда? а?

Сергей Васильевич. Да, сынок, это правда.

Елена. А мы с тобой, Мурочка, опять к вечерне не попали?

Мария. А зачем остановка? Пойдем сейчас, успеем; ведь, мы одеты.

Екатерина Александровна (говорит старческим голосом, тряся головой). Пойдите, милые девочки, пойдите; это очень хорошо; помолитесь Богу за нас всех. Я бы тоже пошла с вами, да нездоровится что-то и ноги сильно болят.

Елена. Так пойдем, что же, мы, правда ведь, одеты; только шляпы одеть, да подушиться — и готово дело!

Мария. Конечно! Пойдем же скорее!

Елена. Пойдем, милая Мурочка, пойдем *(убегают)*.

(После ухода Елены и Марии, Петя и Миша благодарят за чай и целуют отца, мать и бабушку, Екатерину Александровну, и сначала усаживаются на ступеньках террасы, а затем, спустя минуту, уходят в сад. В саду слышится голос Миши).

Миша. Петя, лови меня!

(На террасе остались: Сергей Васильевич, его мать и жена).

Сергей Васильевич. А ты знаешь, Лида, вот это убийство эрцгерцога может много весьма худых последствий иметь.

Лидия Павловна. А каких, голубчик мой, весьма худых последствий?

Сергей Васильевич. Да как — каких!? Ведь, ты же слыхала, когда я читал сейчас, что в заговоре замешаны сербы, занимающие видное общественное положение... Следовательно, могут обостриться отношения между Сербией и Австро-Венгрией. А обострятся наверное. Я чувствую это по характеру телеграммы из Вены. В случае же войны между Сербией и Австро-Венгрией — Россия не будет молчать. А нам здесь, на границе, жить не совсем и безопасно.

Лидия Павловна. Ну, ты уж!.. У тебя уж и война!.. Какая там война?! Теперь войны не в моде.

Сергей Васильевич. Эх ты, женщина!.. Вот и институт окончила, а ума не набралась.

Лидия Павловна. А ты, Сергей Васильевич, не можешь без грубостей обойтись: обязательно ты должен задеть меня и институт. Институт, мой милый, — это твоя слабая струнка, на которой ты постоянно играл и играешь, Я рассуждаю по-своему, а ты, голубчик, по-своему рассуждай. Но я должна тебе сказать, что вообще все теперь говорят, что войны долго теперь не будет с Россией.

Сергей Васильевич. Кто это все говорят, все говорят, все говорить?! *(Громким резким басом, жестикулируя руками).* Бабье какое-нибудь неразвитое, вроде тебя и этой... как ее?.. Анны Павловны, твоей безмозглой приятельницы, — слава Богу, уехавшей на два месяца из Калиша. *(Передразнивает жену свою, старается говорить тонким голосом).* Все говорят, все говорят, что войны с Россией не будет!.. Да наоборот, милейшая Лидия Павловна, все умные люди, не такие, конечно, глупышки, как ты со своей Анной Павловной, — этим качаном капусты, — все говорили и давно уже говорят, — предсказывали и предсказывают, — что война России с Германией и Австро-Венгрией неизбежна, и рано или поздно, но будет *(резким, грубым нервным голосом)*, вот что, милейшая Лидия Павловна!

Лидия Павловна. Какой тон у тебя?! Боже мой! Ты воображаешь, что эскадрон драгун в атаку ведешь! Чего ты так кричишь? Говори спокойнее, я слышу, — не глухая. Фу, какой ты грубиян, Сергей Васильевич! Что ты, не в духе сегодня или на левую ногу встал? Лучше бы поменьше в карты играл да проигрывал! Как это ты еще дома до сих пор сидишь?! Пора! Пора! Уже, наверное, ждут партнеры! Торопись поскорей! Лучше, чем здесь бурчать и оскорблять.

Екатерина Александровна. Зачем вы ссоритесь, Сережа и Лида? Как только дети уходят, так вы и начинаете... И это каждый день, каждый день.

Сергей Васильевич. Да что же она, мама, гиль несет! Дичь порет! Молчала бы, а то тоже: куда конь с копытом, туда и рак с клешней... Да и никакой ссоры нет! Гово-

рим, как вообще говорят свои люди, родные. А вот, что касается того, что я в карты играю,— это не ее дело, а лично мое. Какая опекунша! Скажите, пожалуйста! Что я тебе: гимназист, что ли?

Лидия Павловна (нервно восклицает сквозь слезы). Да оставь меня, пожалуйста, в покое, я серьезными мыслями занята!

Сергей Васильевич. С чем суп завтра готовить?!

Лидия Павловна. Да хотя бы и так! Грубиян!

Сергей Васильевич. Ну, ладно. Занимайся себе серьезными мыслями, а я пойду, пройдуся.

Лидия Павловна. Иди! Иди! Я же говорила тебе, что пора! Тебя давно партнеры ждут.

Сергей Васильевич. Ну, ладно, ладно! Не петушись и не сердись! Я скоро приду.

Лидия Павловна (тяжело вздыхая). Знаем, голубчик, твой скорый приход!.. Не забывай только, пожалуйста, что завтра у нас дорогой гость.

Сергей Васильевич. Знаю! Знаю! *(Встает и уходит, небрежно отшвырнув газету).*

(На сцене остаются мать и жена Сергея Васильевича).

Лидия Павловна (нервно). Вотъ, опять пошел! Опять на всю ночь! Боже! Когда это все кончится?! Это хуже всякой войны!..

Екатерина Александровна. А вы постарайтесь повлиять на мужа. Удержите его.

Лидия Павловна. Да как повлиять? Как удержать его дома? Боже мой! Ну, вы, бабушка, скажите, подскажите, посоветуйте мне, ради Бога! Помогите мне! Боже мой! Боже мой! Ведь, это же невозможно, наконец! Когда это все кончится?!

Екатерина Александровна. Да очень просто! Поставьте ему такой ультиматум: что если он будет продолжать по ночам пропадать и какие-то секретные, по всей вероятности, денежные дела вести с этим негодяем, рыжим немцем Мельбаумом, то скажите ему, что вы оставите здесь, в Калише, его одного и уедете с детьми и со мной в Петроград,— а я, в свою очередь, поддержу вас.

Лидия Павловна. С удовольствием, так и поступлю, как вы говорите, дорогая бабушка. Боже мой! Отчего же вы, дорогая, этого мне раньше не посоветовали?!

(Стемнело. На террасу вбегают с веселым смехом Миша и Петя).

Лидия Павловна. Миша! Скажи Фросе, чтобы подала сюда фонари.

Миша. Сейчас, дорогая мамочка!

(Убегает, а за ним и Петя. Через несколько минут на террасу входит Фрося с двумя горящими садовыми подсвечниками, а за нею, пристукивая каблуками, идут Миша и Петя, гуськом).

Лидия Павловна (глядя на детей и улыбаясь). Тише вы, шалуны! Не стучите!

Миша и Петя. Рады стараться! Слушаемся! *(Подбегают к матери и целуют ее).*

Фрося (поставив свечи на стол). Барыня, сказать Дуне, чтобы ужин готовила?

Лидия Павловна. Да, пожалуй, скажите, милая. Пора. И самоварчик оживите. Скоро уже барышни наши придут из церкви. Накрывайте на стол, и как только придут барышни — подавайте все.

Фрося. Слушаю-с! *(Уходит. Спустя несколько минут приходит готовить все к ужину и уходит).*

Екатерина Александровна. А я пойду, лягу. Что-то нездоровится мне.

Лидия Павловна. Что же вы, не ужиная? Хоть молока стаканчик выпейте! Нельзя же так!

Екатерина Александровна. Да нет, спасибо! Пойду лягу. Ничего не хочу. Что-то нездоровится. Спокойной ночи, Лида, Миша, Петушок! *(Встает и уходит, раскланиваясь с детьми и Лидией Павловной).*

Лидия Павловна. Спокойной ночи, дорогая бабушка, спокойной ночи!

Петя и Миша (подбегая к бабушке, целуют ее). Спокойной ночи, дорогая бабушка, спокойной ночи! *(Поцеловав бабушку, Петя и Миша садятся за стол на свои постоянные места).*

(На террасу, скорою походкой, почти вбегая, входят Елена и Мария).

Елена. Ах, мамочка, дорогая, как есть и пить нам хочется! Проголодались.

Лидия Павловна. Сейчас, милые мои, все будет готово: и еда, и питье. Все ждет вас. Идите, переодевайтесь. Освободите себя от лишнего.

Мария. Пойдем, Леночка, переоденемся!

Елена. Пойдем, Мурочка. *(Уходя, подпрыгивая, за ними убегают Миша и Петя).*

Елена (поет, уходя). О, ночь, волшебная, полная неги, будишь ты грезы о счастье минувшем.

Лидия Павловна (одна, говорит сама с собой). Влюблена Леночка. Весела. Завтра желанный придет. Когда-то и я переживала такие счастливые дни и часы... А теперь, вот!.. Какая противоположность чувств!.. Ежедневно Сергей Васильевич является на заре, под хмельком. Целый день бурчит. Ходит невеселый и хмурый, задумчивый какой-то... Как все в жизни с годами меняется! Боже мой! Боже мой! Давно ли он был, мой Серж, молоденьким и бравым корнетом?.. Давно-ли я окончила институт?.. Подруги... Зина, Ольга... Попрощались с институтом; разлетелись кто куда... Первое время переписывались, а там... и заглохло все... Началась новая эра жизни. Я влюблена... Он блестящий кавалерийский офицер. Дальше... Счастливая любовь... Веселье... Страстные ласки мужа... Неведомые, жгучие, сладкие ласки... А там... Появление на свет Божий Леночки... А дальше... горе, горе и горе... Смерть мамы... Неприятности по службе у мужа. Уход его из полка. Служба в полиции в столице. Опять неприятности... кутежи его... пьянство. Разлад с новым начальством. Донос пристава на мужа и позорное увольнение... Преезд в Калиш... Покупка земли и дома... *(Вбегают Елена и Мария).*

Елена (поет). Приди, мой милый, я в ожиданье,

Жажду свиданья, жажду лобзанья...

Ах, приди, мой милый, я в ожиданьи,

Дай поцелуем твоим упиться,

В страстных объятьях твоих умереть*.

Лидия Павловна (глядя на Елену). Ах, ты, мое солнышко ясное! *(Елена подбегает к матери и целует ее. Лидия Павловна берет дочь за голову, смотрит ей пристально в глаза и говорит):* Ты моя ненаглядная! Торжествуешь, деточка... Завтра он придет... желанный твой... да?

Елена (целует мать громко и звонко). Да, да, милая мамочка! Я так рада... так рада... так радостно сердечко бьется... *(Говорит страстно, задыхаясь).* Я так счастлива... Я так его безумно люблю... И он, мамочка, меня безумно любит.

Лидия Павловна. Дай Бог, дай Бог вам счастья!..

Мария. Как я рада, Лидия Павловна, за Леночку, что она так счастлива.

Лидия Павловна. Благодарю вас, Мурочка!

Мария. А вот мой женишок что-то долго не пишет мне.

Елена и Лидия Павловна (одновременно). Получите, получите, даст Бог! Ведь, он вам часто пишет. Потерпите маленько!

Мария. Да!.. Но я, вот, к сожалению, не из терпеливых.

(Входит Фрося).

Фрося. Барыня, ужин готов... Можно подавать?

* Автор этого романа мне неизвестен. — В.Ч.

Лидия Павловна. Подавайте, Фрося, и детей зовите ужинать.

Фрося. Слушаю-с! (*Уходит*).

Елена. Ах, мамочка, как мне есть хочется! Кажется, как никогда.

Мария. Да!.. У меня тоже хороший аппетит.

Лидия Павловна. Это, милые девочки, потому, что вы прошлись немного.

(*Входит Фрося и ставит в центре стола большое блюдо. Разом с нею вбегают Миша и Петя и садятся за стол. Все едят*).

Фрося (уходя). Барыня, и самовар можно подавать?

Лидия Павловна. Да, подавайте!

Фрося. Сейчас подам. (*Уходит*).

Елена. Мамочка, а папа — по обыкновению...

Лидия Павловна (грустно, протяжно). Да, милая Леночка.

Мария. А Екатерине Александровне опять, наверное, нездоровится?

Лидия Павловна. Да, что-то похварывает она. Да и сыном-то, нашим папенькой, не особенно довольна.

(*Входит Фрося, вносит самовар, ставит его на стол и уходит*).

Мария. Какой несимпатичный этот немец рыжий, что приходил вчера к Сергею Васильевичу.

Лидия Павловна. Ах, вы его разве видели? Где же?

Мария. Да в саду вашем... Мы сидели с Леночкой на скамеечке и читали, а Сергей Васильевич по аллее мимо нас прошел с ним. Этот рыжий немец посмотрел на нас в свое пенсне с каким-то явным пренебрежением и злою гримасой и гордо, надменно кивнул нам головой.

Елена. О, мамочка, правда, какой он противный, этот рыжий немец. Вот урод! Да и страшный при этом урод! Если бы я его ночью где-нибудь в пустынном, глухом переулке встретила,— я бы насмерть перепугалась.

Лидия Павловна. Да, действительно, страшный и урод, и известный в Калише негодяй!

Елена и Мария (разом). А чем же он занимается вообще?

Лидия Павловна. Ах, милая, лучше не спрашивайте меня об этом. Этот рыжий, противный немец Мельбаум — негодяй,— вот и все! Занимается он всякими подлыми, худыми, преступными делами, о которых и говорить в порядочном доме непристойно. А Сергей Васильевич, вот, тоже с ним о чем-то секретничает, что меня очень мучает и беспокоит, а также бабушку. Мне кажется, бабушка из-за этого и больна. Она молча страдает, бедняга.

Елена. Но, мамочка, неужели же папочка на какую-либо бесчестную сделку пойдет с ним? Что ты, дорогая?

Лидия Павловна. Ах, Леночка, лучше переменим тему разговора. Вот, посоветуйте, милые девочки, мне, какой на завтра обед заказать Дуне? Ведь, завтра же Николай Георгиевич приедет, а он любит вкусно поесть.

Елена (сразу оживившись). Ах, милая мамочка, я тебе сейчас скажу! Послушай меня, милая, я знаю ведь, что он любит!

Лидия Павловна. Говори, Леночка, слушаю тебя.

Елена. А вот что, милая мамочка: Количка любит борщ малороссийский, гречневую кашу с хорошим маслом, пожарские котлетки со сладким горошком, а на сладкое — шоколадный крем, который и все мы любим. Затем, водки надо купить и пива. Количка любит перед обедом выпить рюмки две водки, а после обеда любит несколько бокалов пива холодненького выпить. А для нас с Мурочкой, милая мамочка, токайского купи, и мы выпьем по рюмке вина по случаю его приезда.

Лидия Павловна. Отлично! Согласна с тобой, моя дорогая! Все будет, милая девочка, по твоему рецепту.

Елена. Мурочка, а тебе, быть может, не нравится обед по моему рецепту, так ты скажи?

Мария. Что ты, Леночка! Такой вкусный обед! Прекрасно! А вот только знаешь что, моя милая, мы с тобой к крему сделаем трубочки из маленьких блинчиков. *(Восклицает, мило улыбаясь)*. Это так вкусно!

Елена. Ах, дуся, дай я тебя поцелую за это... Какая ты умница! Вот Количке понравится! Он так любит всякие сладкие блюда. *(Обе смеются)*.

Лидия Павловна *(глядя на них, улыбаясь)*. Ах, вы, мои кухарочки! Я сейчас пойду к Дуне и все закажу.

Елена *(капризно)*. Мамочка, и мы с тобой в кухню пойдем!

Лидия Павловна. Пойдемте, милые, пойдемте, пожалуйста!

Миша и Петя. А шоколадный крем в трубочках это очень вкусно! *(Оба улыбаются)*.

Мария. Ну, вот, девочки, завтра будете кушать шоколадный крем в трубочках. Это, правда, очень вкусно!

Миша. Мамочка, мы с Петей спать пойдем. Спасибо тебе за ужин.

Лидия Павловна. Идите с Богом, милые, идите!

(Миша и Петя желают всем спокойной ночи, всех целуют и уходят).

Лидия Павловна. Ну-с, господа, а мы теперь пойдемте в кухню, к Дуне.

(Поднимаются из-за стола. Входит Фрося).

Фрося. Барыня, можно убирать со стола?

Лидия Павловна. Убирайте, Фрося. А Дуня дома?

Фрося. Она, барыня, квас приготавливает.

Лидия Павловна. Прекрасно! Вот, Мурочка, будете у нас квас домашний пить. Дуня его чудно приготавливает!

Мария. Мерси, Лидия Павловна.

Елена. Действительно, Мурочка, Дуня дивный квас делает, я уже пивала ее квас.

(Лидия Павловна, Елена и Мария уходят. Остается только Фрося, которая убирает посуду со стола и, убравши все, тоже уходит. Погода на террасу входят Лидия Павловна, Елена и Мария).

Лидия Павловна. Ну-с, милые девочки, пойдемте теперь в сад, погуляем немножко, походим,— благо есть свой сад и не надо далеко идти.

Елена и Мария. С удовольствием!

(Спускаются с террасы в сад. Спустя некоторое время, они снова появляются на террасе. Лидия Павловна с Еленой берут подсвечники и все трое уходят во внутренние покои. Идя, говорят).

Лидия Павловна. Ну, а теперь можно и спать идти. Кто хочет — может перед сном почитать. Я, например, люблю перед сном почитать немного что-нибудь.

Елена. А мы, мамочка, всегда с Мурочкой читаем перед сном.

Лидия Павловна. Ну, вот и прекрасно! Только думаю, дорогая, что сегодня тебе не очень-то спокойно будет читаться.

Елена *(капризно)*. Ну, мамочка!.. Ты смеешься надо мной... Какая ты!..

Лидия Павловна. Ах ты, моя маленькая...

(Речь обрывается. Запираются двери, выходящие из внутренних покоев на террасу. В саду, против террасы, показывается неуклюжая фигура дворника Федора. Сад слабо освещен от фонаря с улицы).

Федор *(беседует сам с собой)*. А ну ж, чи прииде сегодни Фроська до мене? Вже господа пишли спать. Кажуть, шо завтра чорты якогось паныча принисут у гости до панив моих, та ще кажут дуже красивый вин... Колы б ще не одбив у мене мою Фроську?..

(Чешет затылок, а затем молодецки закручивает свои усы. Из-за угла террасы показывается Фроська).

Фрося. Что ты делаешь здесь?

Федор. Ничего!.. Тебе жду!.. Чого ты так довго не выходила?

Фрося *(старается перекинуть Федора)*. Чого не выходила!? Оттого не выходила, что только сейчас господу спать легли. *(Недовольным тоном)*. Вот, чудака ты какой!

Федор. А шо то такое чудака?.. Немец, мабуть, по-паньскому?..

Фрося. Ах, ха-ха-ха-ха!! *(Сильно смеется)*.

Федор *(обиженно)*. Чого ты регочешься? Шо я тоби за насмишка? Дурень, чы шо? Дывысь яка мамзеля!!

Фрося *(продолжает смеяться)*. Ах, ха-ха-ха!! Я мамзеля, мамзеля! Ах, ха-ха-ха!!

Федор *(обиженно)*. Свиня ты, ось шо!

Фрося *(перестает смеяться и, в свою очередь, обиженно говорит)*. Я — свинья? Спасибо тебе, Федя. Это ты за мою любовь к тебе так называешь меня? Спасибо тебе, Федя... за ласку... *(Фрося достает из кармана своего передника носовой платок и утирает глаза. Чуть слышно плачет)*.

Федор *(сильно испугавшись)*. Та я так сказав! Шутейно! Не обыжайся, пожалуйста! Звыны мене! *(Подходит ближе к ней и силится обнять и поцеловать ее)*.

Фрося *(отстраняет его рукой и говорить)*. Пожалуйста, без этого!

Федор. А як шо с этим?

(Схватывает Фросю за плечи, прижимает к себе и несколько раз целует. Фрося пытается вырваться, делает разные движения руками, подпрыгивает. Федор выпускает ее из своих объятий).

Фрося *(поправляя на себе кофточку)*. Тьфу, нахал! *(Говорит капризно, недовольно)*. Какой медведь! Всю мою кофточку измял! Только сегодня выглядила!

Федор *(весело улыбаясь и тяжело дыша, от прилива страсти)*. Ничого, моя мыла, мое серденько! Завтра ще раз выглядыш!

Фрося. Да!! Тебе легко говорить!!

Федор. А вже ж шо легко.

Фрося. Какой ты смешной, Федор!

Федор. Такой, який есть! Який произоишов — по-паньскому, а по-нашому — народывся от батька и матери.

Фрося *(Начиная с ним заигрывать. Смеется. Кокетничает. Уцепнула его)*. Ух, ты, жирный такой!

Федор *(ловит ее за талию)*. А ты тоненька! Де треба — товстенька!

Фрося *(извивается, вырывается и смеется)*. Ах! ха-ха-ха! Не смей! Маме скажу!

Федор. Маты твоя далеко! Не почуе! *(Целует ее. Затем, выпустив из рук Фросю, Федор, положив свою правую руку ей на плечо, говорит)*. А знаешь шо, мое серденько? Лучше, чим от тутычки гратся та дурну ломать, ходим до мене, моя мыла, в сторожку, в мою келью, ночувать. *(Причмокивает)*. Ой, и добре ж выпымось удвоих.

Фрося. Ишь ты!.. Хитрый какой!.. А как барин застанет нас?.. Барина, ведь, как всегда, дома нет.

Федор. Не застане!.. Ты пид кушетку сховаеся. *(Снова обнимает ее и целует. Фрося слабо сопротивляется и оба все целуются и обнимаются)*.

Фрося. Я боюсь идти к тебе ве сторожку.

Федор *(стоит, обнявши ее, и говорит)*. Не бойся, мое серденько! *(Снова целует)*. Ой, як я тебе люблю, мое серденько! *(Нежно прижимает к себе)*. Як бы ты мене, Фросю, хоть трошки так любила, як я тебе... *(Медленно уходят обнявшись)*.

Фрося. И я тебя люблю, мой милый, Сильно люблю!..
 Федор. Любышь?! Справда любышь?!
 Фрося. Да, люблю...
 Федор. О, мое серденько, моя любя, моя кохана...
(Целуются и скрываются в саду. На сцене постепенно светает. Слышится звонок. Спустя минуту еще и еще, все сильнее. Затем слышны голоса).
 Сергей Васильевич *(резко, громко и грубо)*. Спишь, скотина, как убитый! Насилу дозвонился!
 Федор. Звонить, пожалуйста, Ваше Высокоблагородие!?
 Сергей Васильевич. Зазвенеть бы тебя по уху, подлеца!
 Федор. Точно так, Ваше Высокоблагородие!
 Сергей Васильевич. Дурак!.. Идиот!.. Негодяй!..
(Оба показываются против террасы. Впереди нервными, большими шагами идет Сергей Васильевич, а позади в изорванных старых туфлях, в растянутой рубахе навывпуск, и с всклокоченными волосами Федор).
 Федор. Точно так, Ваше Высокоблагородие! Звонить!
 Сергей Васильевич *(нервно, раздражительно и громко)*. Пшел вон! Мерзавец! Не приставай ко мне!
 Федор. Слушаю-с, Ваше Высокоблагородие!
(Поворачивается и уходит, уныло свесив голову. На террасу входит Сергей Васильевич, достает ключ из кармана и говорит.)
 Сергей Васильевич. Вот негодяй, как крепко спал, насилу дозвонился! Это после крупного проигрыша извольте целых четверть часа звонить у калитки! А чтоб ты лопнул, подлец! Негодяй! Завтра же вон выгоню! С-с-катина эдакая!..
(Отпирает двери и скрывается за дверью. На сцене делается светло. Выходит солнце. Мимо террасы с всклокоченными волосами, совершенно распушенными, и с растянутой кофточкой проходит Фроська, крадучись и озираясь по сторонам).

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Чудное июньское утро. Фрося на террасе накрывает стол белоснежной скатертью; она все время потягивается и зевает после проведенной с Федором бессонной ночи. Накрывши скатертью стол, берет со стула большой поднос, полный разной чайной посуды и ставит его на стол, а затем снимает все с подноса и приводит в должный порядок. Против террасы показывается Николай Георгиевич с небольшим саквояжем в руках, а позади него — Федор с огромнейшим чемоданом и пледом. Оба приближаются и всходят на террасу. Фрося смотрит на них удивленно).

Николай Георгиевич. Здравствуйте, голубушка!
 Фрося *(кокетливо, с лукавою улыбкой)*. Здравствуйте, барин!
 Николай Георгиевич. А ваши господа, наверное, еще спят?
 Фрося. Барин и барышни еще спят, а барчуки и барыня уже встают.
 Николай Георгиевич. Они, наверное, меня только к обеду ожидали,— к трем, четырем часам,— не знаете ли, милая?
 Фрося. Да!.. Барышня, Елена Сергеевна, говорили мне, что вы днем придете, к обеду.
 Николай Георгиевич. А я вот раньше приехал.
 Фрося *(кокетничая и улыбаясь)*. Что же?! Это очень хорошо... Как раз к чаю по-

пали. А барышни наши будут рады-то... когда узнают... Боже мой, Боже мой!.. Вот уже будут они рады... Сейчас побегу и скажу им. *(Фрося хочет уйти)*.

Николай Георгиевич. О нет, нет!.. Не делайте этого!.. Не говорите, пожалуйста, барышне, что я приехал. Она выйдет чай пить и тогда сама увидит меня здесь. Это будет и лучше, и интереснее.

Фрося (кокетливо смется). Ха-ха-ха-ха! Слушаю-с! *(Принимая кокетливую позу, выставя вперед грудь и лукаво улыбаясь, спрашивает)*. И барыне не говорить о вашем приезде?

Николай Георгиевич. Да, абсолютно никому не говорите.

Фрося (подает ему стул). Садитесь, барин, пожалуйста! Вы, наверное, устали с дороги?!

Николай Георгиевич (садится). Благодарю вас, милая.

(Николай Георгиевич вынимает портсигар и закуривает папиросу, Федор во время всей этой сцены, поставив в угол террасы вещи, злобными глазами смотрел, переминяясь с ноги на ногу, то на Фросю, то на Николая Георгиевича. Когда же Фрося, кокетливо улыбаясь, подала Николаю Георгиевичу стул и последний сказал ей: «Благодарю вас, милая», — Федор не вытерпел, сильно закашлялся искусственным кашлем, с рычанием, и начал чесать свой затылок).

Фрося. А ты, Федор, поставил вещи барина и уходи! *(Сердито, недовольно, глядит на Федора)*. Чего ты здесь торчишь?

Федор (злобно и пристально взглянув на Фросю). Пиду, пиду!.. Чого ты кричишь такичке? *(Злобно глядя на Фросю, уходит)*.

Николай Георгиевич (спохватившись, оглядывается назад, встает, торопливо достает портмоне из кармана, и говорит). Подожди, голубчик!.. Подожди, не уходи!.. Я и забыл про тебя и про свои вещи. Что значит влюбленный?! *(Качает головой и роется в портмоне)*.

Федор (сначала останавливается, а затем ближе подходит к Николаю Георгиевичу и говорит). А чого звольте, барын?

Николай Георгиевич (протягивая ему монету). Вот тебе рублик на чаек!

Федор (снимает фуражку, берет монету, кланяется и говорит). Покорнейше благодарю, вашу мылость, барын!

Николай Георгиевич (улыбаясь, с любопытством разглядывает Федора и говорит). На здоровье тебе, голубчик!

(Федор уходит и, уходя, бросает грозный взгляд на Фросю).

Фрося (повелительно, глядя на Федора). Федор! ты, если пойдешь на кухню, не говори ни Дуне, ни барчукам, что барин приехал.

Федор. Знаю без тебе!.. Не учы вченого!

Фрося (смеется). Ха-ха-ха-ха!.. Отчего-то не в духе наш Федор сегодня.

Николай Георгиевич. А отчего же это он такой сердитый? Он всегда такой у вас?

Фрося. Нет! Он очень хороший человек. Господа наши — все его любят. Только, кажется, барин сегодня ночью поздно пришли и очень долго звонили, а Федор крепко спал. Вот ему и попало от барина хорошенько, чтобы не спал так крепко. Вот он и ходит теперь такой смешной и невеселый, сердитый. Он очень боится нашего барина.

Николай Георгиевич (улыбаясь). А!.. вот в чем дело.

Фрося. Барин у нас добрый. Покричат, покричат, а на следующий день все позабудут. Прощают наши грехи.

Николай Георгиевич. А разве и вам иногда попадает?

Фрося (все время кокетничает и улыбается). Случается!.. Всяко бывает!.. Не без этого!..

(На террасу входит Лидия Павловна. Николай Георгиевич, при виде ее, стреми-

тельно подымается и с распростертыми объятиями идет к ней. Лидия Павловна, растерявшись, останавливается на пороге двери).

Николай Георгиевич. Здравствуйте, дорогая Лидия Павловна! (Целует Лидии Павловне руку, а она ему голову).

Лидия Павловна. Здравствуйте, дорогой! Вот озадачили! Вот сюрприз! Вот не ожидала раньше трех часов дня увидеть вас! Ах вы, проказник мой дорогой! Ведь, вы же писали, что будете к трем часам дня?

Николай Георгиевич. Да!.. Но вот, удалось немного раньше прибыть.

Лидия Павловна (ласково улыбаясь). Боже, как хорошо!.. Прямо к чаю! А Лена, Лена?! Я не знаю, что с нею будет делаться, когда она узнает, что вы сидите на террасе и чай пьете? (Лидия Павловна обращается к Фросе, которая возится с чайной посудой). Фрося! Бегите скорее и будите барышень! Скажите им, что барин Николай Георгиевич приехал.

Николай Георгиевич (торопливо). О, Лидия Павловна, пожалуйста, я вас прошу не делать этого!

Лидия Павловна (передернув плечами, испуганно). А почему, мой дорогой!?

Николай Георгиевич (нежно улыбаясь). Ленуся выйдет чай пить и неожиданно увидит меня, как вы вот... Это будет очень интересно... Я бы хотел так...

Лидия Павловна. Ах, правда!.. Правда ваша!! Так лучше. (Обращаясь к Фросе). Так вы, Фрося, молчок.

Фрося. Слушаю-с!

Лидия Павловна. А вещи Федор вносил?

Фрося. Да, барыня.

Лидия Павловна. Так и Федору скажите, чтобы он молчал.

Николай Георгиевич. Ах, не беспокойтесь, пожалуйста, дорогая Лидия Павловна, я обо всем этом уже позаботился...

Лидия Павловна. Ах, вот как!.. Прелестно, прелестно... В таком случае, садитесь, пожалуйста, будем чай пить. А вы, Фрося, подавайте самовар и кофе.

Фрося. Слушаю-с!

(Фрося уходит).

Николай Георгиевич. Где разрешите сесть?

Лидия Павловна. А вот здесь! (указывает ему место). Рядом с вашим местом будет Леночкино место.

(Николай Георгиевич садится на указанное место).

Николай Георгиевич (чуть привстает со стула и кланяется ей). Благодарю Вас.

(Лидия Павловна также садится на свое постоянное место — против большого чайного подноса и чайной посуды. Фрося вносит самовар и ставит против Лидии Павловны).

Лидия Павловна. Что, Фрося, не заметили, спят еще барышни или подымаются?

Фрося. Уже умываются.

Лидия Павловна. Прекрасно!.. В таком случае, подавайте и кофе.

(Фрося уходит).

Лидия Павловна. Ну-с, Николай Георгиевич, можно вам чайку налить? а потом, если пожелаете кофе? или как хотите? Фрося сейчас и кофе подаст.

Николай Георгиевич. Нет, уж, мне чайку, пожалуйста.

Лидия Павловна (наливая ему чай). Пожалуйста, пожалуйста. Пожалуйста, хлеб, масло, сыр.

Николай Георгиевич. Мерси, Лидия Павловна! Не беспокойтесь, пожалуйста!

(Берет хлеб и намазывает маслом. Лидия Павловна дает ему стакан с чаем. Николай Георгиевич берет и говорит).

Николай Георгиевич. Благодарю вас.

Лидия Павловна. Сахар уж сами берите по вкусу.
Николай Георгиевич. Мерси!
(Приподнимается со стула, берет из сахарницы сахар, размешивает его в стакане и пьет чай).

Лидия Павловна. А я, уж, кофе подожду. Да вот и кофе!
(Фрося вносит кофейник и, поставив его около Лидии Павловны, уходит. Лидия Павловна берет кофейник и наливает себе в чашечку кофе. Пьет).

Николай Георгиевич. Что у вас тут новенького, хорошего?
Лидия Павловна. Да все по-старому. Чего-либо выдающегося, особенного — нет. Вот разве скажу вам, не откладывая в долгий ящик, неприятную для вас новость.
Николай Георгиевич (испуганно). Что вы!? Какую неприятную новость!?
Лидия Павловна. Потому позволяю себе говорить неприятную для вас новость, что считаю вас своим, и мало того... родным, близким человеком — зятем.
Николай Георгиевич (кланяется ей). Очень тронут вашими дорогими моему сердцу, ласковыми словами и ценю их. *(Сильно взволнованно).* Но, ради Бога, не мучьте, говорите, что такое?
Лидия Павловна. Да вот что: Сергей Васильевич, мой муженек, а ваш будущий тесть, очень плохо себя ведет: ежедневно, не пропуская ни единого дня, пропадает по ночам в клубе и все проигрывает... проигрывает... Кажется, скоро и нас всех проиграет и поставит на карту.
Николай Георгиевич (с выражением большого испуга и удивления). Что вы?! Как это ужасно! Этого ведь раньше с ним не было... Он не увлекался так картами.
Лидия Павловна. Да!.. А теперь вот целое несчастье с этими картами!..
Николай Георгиевич. Но вы не пытались уговорить его — бросить игру? Урезонить его?
Лидия Павловна. Ах, дорогой мой, неужели вы не знаете еще его противного характера?..
Николай Георгиевич. А что же?!
Лидия Павловна. Да уж, как он хочет и что захочет, так все и должно быть. Не пикни и не возражай.
Николай Георгиевич. Но ведь это нехорошо!.. Ведь, он не один!..
Лидия Павловна. А вот он об этом забывает и не считается с этим. Говорит, что любит, любит всех нас и заботится, якобы, о нас, а выходит-то наоборот.
Николай Георгиевич. Быть может я его урезоню. Хотя, конечно, это очень щепетильное дело.
Лидия Павловна. Ах, Боже вас сохрани!.. И не говорите на эту тему с ним, а то еще рассоритесь.
Николай Георгиевич. Да что вы!?
Лидия Павловна. Да, да!! Он такой нервный стал... неузнаваемый. Да, вот, выпится и выйдет — сами увидите. Заметно! Все замечают, что он стал особенно нервным, угрюмым и раздражительным.
Николай Георгиевич. Ах, как это очень неприятно!! И Ленуся, наверное, расстроена?
Лидия Павловна. Да нет. У Ленуси-то все мысли о вас... Она так еще зелена и молода... Во все не вникает... Да я ее и не посвящаю во все. Но все-таки и она кое-что знает о похождениях своего папеньки.
Николай Георгиевич. Ах, Боже мой, как это печально!!
(На террасу входит бабушка Екатерина Александровна, Миша и Петя).
Миша и Петя (увидя Николая Георгиевича, бегут к нему и кричат). Николай Георгиевич приехал!! Николай Георгиевич!! *(Целуются с ним и виснут на его руках).*

Лидия Павловна. Ну, довольно! Шалуны вы эдакие! Дайте бабушке поздороваться с Николаем Георгиевичем.

(Миша и Петя оставляют Николая Георгиевича и желают доброго утра матери и целуют ее).

Николай Георгиевич. Здравствуйте, дорогая Екатерина Александровна! Как поживаете? Как здоровьице ваше?

(Екатерина Александровна подходит к Николаю Георгиевичу. Николай Георгиевич долго целует ей руку, а она его в голову).

Екатерина Александровна. Неважно, неважно, милый Николай Георгиевич. Старость дает себя знать и чувствовать... Умирать уж пора... *(Качает головой).*

Николай Георгиевич. Да что вы говорите?.. Бог с вами, дорогая Екатерина Александровна. Еще жить да жить будем с вами, и веселиться.

Екатерина Александровна (тяжело вздыхая). Нет, милый Николай Георгиевич... Мое веселье, уж, наверное, в гробу будет.

Николай Георгиевич. Да не говорите о смерти, дорогая Екатерина Александровна. Будем жить... жить надо.

Екатерина Александровна. Жить надо вам, молодым... не мне, а я — уже старуха... отжила свое, мой дорогой.

(Дети и Екатерина Александровна усаживаются за стол. Лидия Павловна наливает им чай и подает).

Екатерина Александровна. Какова погода на юге?

Николай Георгиевич. Жарища ужаснейшая, невыносимая.

Екатерина Александровна. Да, в этом году везде и у нас тоже. Вот пока утро — ничего... а днем дышать невозможно, так душно, несмотря на то, что мы окружены большим тенистым садом. Вот и в Петрограде, пишут, что такая жара, какой старожилы много лет не запомнят.

Николай Георгиевич. А я и не читал об этом. Мне некогда было газеты читать. Еле успевал справляться с собранным материалом для моих коллекций.

(Раскрываются двери, и входит Елена, а позади нее Мария. Елена, увидя Николая Георгиевича, вскрикивает и бежит к нему. Он также стремительно встает и идет к ней).

Елена. Ах!.. Количка мой, дорогой!

(Оба целуются. Николай Георгиевич долго не выпускает ее и целует ей руки).

Николай Георгиевич. Наконец-то я вижу тебя, моя дорогая Ленуся. *(Снова целует ее).*

Елена (немного успокоившись). Количка! Маруся! Познакомьтесь. *(Обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Моя единственная дорогая подруга, о которой я тебе писала, дорогой: Мария Васильевна Нечипоренко, слушательница высших женских курсов в Петрограде. *(Обращаясь к Марии).* Мой жених — Николай Георгиевич Полешко.

(Николай Георгиевич и Марияжимают друг другу руки и знакомятся).

Николай Георгиевич. Очень рад.

Мария. Очень рада.

Николай Георгиевич. Как же это Ленуся в Петрограде нас не познакомила?

Мария. Я поздно в этом году приехала, после Нового года, а вы рано уехали.

Николай Георгиевич. Очень, очень сожалею, что так вышло.

(Входит Сергей Васильевич и смотрит на всех весьма недружелюбно, но увидя Николая Георгиевича — весело, оживленно улыбается и, широко расставив руки, идет к нему, восклицая).

Сергей Васильевич. А!.. Кого я вижу?! Дорогой мой!.. Очень рад, очень рад, что пожаловали, наконец.

(Николай Георгиевич встает со стула и идет, улыбаясь, к Сергею Васильевичу. Оба, обнявшись, долго целуются и крепко жмут друг другу руки. Елена и Мария садятся за стол и Лидия Павловна наливает и дает им чай).

Сергей Васильевич. Ну, что новенького? Рассказывайте-ка, дорогой мой! Как охотились?

Николай Георгиевич. Новостей сообщить никаких не могу, так как все время был в озерах, болотах и лесах, а вот что касается охоты,— есть о чем поговорить, да только если о всех моих охотах и похождениях говорить, то вам и слушать их надоест: слишком их уж много было, а скажу вам вкратце, что охота весенняя,— в особенности по селезням,— роскошнейшая была.

Сергей Васильевич. Не хорошо завидовать, но завидую, батенька, вам. Когда-то и я безумно увлекался охотой, как и вы, знаете ли, а теперь... теперь уж стар стал для охот. Вот на облаву еще могу съездить, а на болото или в озеро — плох уж... стар стал.

Николай Георгиевич. Да откуда это вы берете, Сергей Васильевич, что вы стары стали? Вы таким бодрым, сильным, здоровым выглядите.

Сергей Васильевич. Нет уж!.. Знаете нашу украинскую песню *(декламирует с чувством)*:

Спивают пташки весело,
И реченька бижить;
У мене ж мое серденько
И млие и болить.
До тебе, люба реченька,
Ще вернеця весна,
А молодость — не вернеця,
Не вернеця вона!

Кстати, обращаюсь вперед к вам, дорогой мой, с покорнейшей просьбой, и надеюсь, вы ее уважите и сегодня вечером дадите мне возможность прослушать целиком эту мою любимую малороссийскую песню: «Стоить гора высокая». У вас, ведь, прекрасный баритончик. А я давно уж, признаться, не слыхал хорошего малороссийского пения. Да, пожалуй, после вашего последнего отъезда и не слыхал.

Николай Георгиевич. С большим удовольствием! Весь к вашим услугам, Сергей Васильевич. Благодарю за комплимент.

Лидия Павловна. А ты разве, Сергей Васильевич, сегодня вечер с нами проведешь?

Сергей Васильевич (сурово). Я думаю!.. Что за странный вопрос!?

Лидия Павловна. Для тебя, милый мой, странный, а для нас всех — совсем не странный.

Сергей Васильевич. Ну, довольно!! *(Покачивая головой).* Ах, эти женщины!!

Лидия Павловна. Да уж признайся Николаю Георгиевичу, что редко по вечерам дома бываешь.

Сергей Васильевич. С удовольствием! *(Обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Вот, батенька, сердятся они на меня, но вы сами, дорогой мой, рассудите: лет я уже солидных; что вечером делать?.. Не сидеть же сиднем и томиться здесь вот, на террасе, до двенадцати часов ночи... И вот, я, знаете ли, по вечерам ухожу... Здесь у меня есть кое-какие... не друзья, а так, знаете ли, добрые знакомые... *(Изменяя голос).* Интеллигентные, конечно: доктор, учитель, два помещика. И вот, знаете ли, играем безобидно в картишки,— по маленькой.

Лидия Павловна. Хорошо безобидно, по маленькой!

Сергей Васильевич. Ах, Лидия Павловна, как я не люблю, когда ты не даешь мне говорить и вмешиваешься, когда я с кем-нибудь говорю. Ведь это даже неприлично.

Лидия Павловна. Извини, пожалуйста! Не буду больше.

Сергей Васильевич. И вот, знаете ли, дорогой мой, они вот: Лидия Павловна, мама, Лена и, кажется, Мария Васильевна, и даже Миша и Петя,— все на меня дуются. А что я, собственно говоря, худого делаю? Ей-Богу, ровно ничего!.. Целый день вот с ними, а вечером с порядочными людьми. Ведь нельзя же кротом жить,— отвыкнешь от людей, от общества, и отупеешь совершенно. Не правда ли, дорогой мой?

Николай Георгиевич (покашливая и улыбаясь). Позвольте мне, Сергей Васильевич, быть нейтральным и промолчать?

Сергей Васильевич (смеется). Ха-ха-ха-ха-ха!.. Пожалуйста, пожалуйста, извольте! Дам боитесь: невесты, тещи, мамы моей? Ну, ничего, ничего!.. И я, будь на вашем месте, так бы, как и вы, поступил. Я нисколько не сержусь на вас и не обижаюсь. *(Обращается к Лидии Павловне).* Лидия Павловна, налей-ка мне, милая, чайку.

Лидия Павловна. С удовольствием, милый. *(Улыбается, наливает и подает ему чай).*

Сергей Васильевич (кланяясь Лидии Павловне, говорит ей, улыбаясь). Очень тебя благодарен.

Лидия Павловна (смеется). Какой ты сегодня вежливый? Ха-ха-ха-ха...

Сергей Васильевич (тоже смеется). Да, как всегда, как всегда! Ха-ха-ха-ха...

Лидия Павловна (улыбаясь). Эх, ты!!

(Все пьют чай. Входит Фрося).

Фрося. Барыня, вас Дуня просит, пожалуйста, на минуточку.

Лидия Павловна (поднимаясь). Хорошо. Иду. А вы, Фрося, все вещи барина отнесите сейчас в приготовленную для него комнату. А еще лучше,— так как вам одной будет тяжело,— позовите Федора и сделайте это с Федором.

(Лидия Павловна уходит, а Фрося спускается с террасы и идет за Федором).

Елена. Количка, ты сильно устал в дороге?

Николай Георгиевич. Нет, Ленуся! Я прекрасно в дороге выспался. Ехал со всеми удобствами. Публики было совсем мало. В большом купе было нас всего двое: я и еще какой-то молчаливый субъект. Я все время спал, а когда проснулся, то увидел, что мой компаньон улетучился.

(Елена и Мария вместе рассмеялись).

Елена и Мария. Ах, ха-ха-ха!! Какъ смешно.

(На террасу входят Фрося и Федор. Федор всем кланяется и вытягивается в струнку).

Федор (глядя на Сергея Васильевича). Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие!

Сергей Васильевич (улыбаясь, глядит на Федора, как ни в чем ни бывало, позабыв про утреннее недоразумение с ним, и отвечает). Здравствуй, голубчик, здравствуй! Вот, помоги-ка Фросе внести в комнату вещи барина.

Федор (сразу меняясь в лице и становясь веселым). Слушаю-с! Рад стараться Вашему Высокоблагородию!

(Фрося все время тихо смеется и улыбается).

Сергей Васильевич (улыбаясь, мягко и ласково). А вы, Фрося, чего там зубки свои скалите?

Фрося (жемаясь). Мне очень весело, барин.

Сергей Васильевич. Ишь ты... Скажите, пожалуйста, какая она сегодня веселая... Это барин приехал и всех развеселил. Ну-ну... веселитесь на здоровье.

(Фрося и Федор уносят постепенно, в два приема, все вещи Николая Георгиевича).

Николай Георгиевич (обращаясь к Сергею Васильевичу). Как идеально, по-военному, вымуштрован у вас Федор.

Сергей Васильевич. О, да!.. Я, знаете ли, как человек военный, люблю и дисциплину военную.

Николай Георгиевич. Прямо любо слушать и смотреть, как он вас приветствует и держит себя. Мне это очень понравилось.

Сергей Васильевич. Очень рад, очень рад, что вам это понравилось.

(Входит Лидия Павловна, а Федор уходит с террасы осторожно, на цыпочках. За Лидией Павловной входит веселая улыбающаяся Фрося).

Фрося. Барыня, можно убирать со стола?

Лидия Павловна. Да, убирайте и сами пейте.

(Фрося приходит и уходит, постепенно все прибирая).

Сергей Васильевич (обращаясь к Николаю Георгиевичу). Курнемте, дорогой мой! *(Предлагает Николаю Георгиевичу из портсигара папиросы).*

Николай Георгиевич. Мерси, Сергей Васильевич! С удовольствием.

(Оба закуривают).

Сергей Васильевич (вынимая часы и глядя на них). Мне необходимо на часок отлучиться, по весьма важному делу, так вы уже, дорогой мой, извините, пожалуйста, меня.

Николай Георгиевич. Пожалуйста, пожалуйста! Вы меня совершенно не стесняйтесь, а то сильно обидите меня.

Сергей Васильевич. Ну, вот, и отлично. Я скоро приду. *(Поднимается и уходит).*

Лидия Павловна. Господа! Я также сейчас пойду в город и скоро возвращусь, а вы, уж, тут сами погуляйте и побеседуйте. *(Обращаясь к Николаю Георгиевичу).* Вы, уж, Николай Георгиевич, и на меня не прогневайтесь, что ухожу, но я давно в городе не была, а надо кое-что справиться по хозяйству.

Николай Георгиевич. О, пожалуйста, Лидия Павловна! Что вы, что вы... не беспокойтесь, пожалуйста.

Лидия Павловна (поднимаясь, раскланиваясь и уходя). А пока — до свиданья!

Елена, Мария, Николай Георгиевич, Миша и Петя (хором). До свиданья, до свиданья!!

Екатерина Александровна (окидывая всех ласковым взором и улыбаясь). Ах вы, милые мои, шалуны, шалуны.

Елена. Количка!.. Мурочка!.. Пойдемте по саду погуляем.

Николай Георгиевич. С удовольствием, Ленуся. Пойдем.

Мария. Господа! Вы меня простите, пожалуйста, не подумайте, что с целью это делаю, но я тоже хочу сейчас на полчаса оставить вас и пойти написать своей маме пару слов; если же я сейчас не напишу, а после обеда, то письмо мое пойдет только завтра; а я своей мамочке давно уж не писала, и она, наверное, сильно беспокоится.

Николай Георгиевич (улыбаясь). Пужалуйста, будьте любезны. Когда же напишите своей мамочке, — приходите к нам в сад; мы с Ленусей будем в саду.

Елена. Только ты скорее пиши, Мурочка, а то нам с Количкой будет скучно без тебя.

(Мария уходит во внутренние покои, а Николай Георгиевич под руку с Еленой спускаются с террасы и уходят в сад. На сцене остаются Миша, Петя и Екатерина Александровна).

Миша. Пойдем, Петя, в нашу комнату; будем во что-нибудь играть.

Петя. Пойдем.

(Встают оба и уходят).

Миша (уходя, говорит). Папа обещал мне сегодня принести нам переводных картинок.

(Дверь, выходящая из внутренних покоев на террасу, закрывается и на сцене остается одна Екатерина Александровна. Мимо террасы против зрителей проходят под руку Николай Георгиевич и Елена).

Елена. Боже мой, Количка!.. Как я счастлива, что ты приехал... я так ждала тебя... так ждала... *(Оба прижимаются друг к другу).*

(Николай Георгиевич и Елена проходят в глубину сада и скрываются с глаз зрителей, а затем минуты две спустя снова появляются).

Николай Георгиевич. Ленуся моя милая, как я счастлив... как я счастлив, что ты будешь моей женой... Какое великое счастье — обладать таким сокровищем, как ты, моя дуся.

(На террасу выходит Мария. Елена и Николай Георгиевич, увидя ее, останавливаются).

Мария. Вы здесь, господа? *(Спускается с террасы к ним).*

Елена и Николай Георгиевич. Да, да.

Николай Георгиевич. Просим пожаловать!

Елена. Как ты скоро... Молодчина. А вот, я очень медленно пишу письма.

Мария. О, я не люблю долго письма писать. Я написала и уже отослала с Фросей, чтобы опустила в почтовый ящик.

(Все трое стоят против террасы в саду).

Николай Георгиевич. А я вообще не люблю часто писем писать.

Елена (жемянсь). А мне вот часто писал.

Николай Георгиевич. Но ты — исключение... я твой раб до гроба... я готов на все жертвы... лишь приказывай.

Елена (прижимаясь к нему). Милый... дорогой... мой...

Мария. Как я рада, господа, что вы взаимно так любите друг друга и бесконечно счастливы. Дай Бог вам счастья до конца вашей жизни! От души желаю вам этого, от всего сердца.

Елена и Николай Георгиевич. Мерси, мерси!

Николай Георгиевич. Ну, что же?! Пройдемтесь по саду.

Мария. С удовольствием! Вся к вашим услугам.

(Николай Георгиевич берет Марию и Елену под руки и уводит вглубь сада. Екатерина Александровна на террасе за столом усиленно тасует карты).

Антракт 20 минут

Вечер. Горят лампы. Большой вместительный зал. В углу стоит пианино. За пианино сидит Елена. Около Елены стоит Николай Георгиевич и рассматривает ноты. На стульях в разных местах сидят: Сергей Васильевич, Лидия Павловна, Мария Васильевна, Екатерина Александровна, Миша и Петя.

Сергей Васильевич. Ну-с, дорогой мой, нет терпения ожидать! Начинайте, уж!..

Николай Георгиевич. Сию минуту. *(Обращаясь к Елене).* Ленуся! Вот, милая.

(Раскрывает ей ноты. Елена аккомпанирует. Николай Георгиевич поет).

Стоить гора высокая,
По пид горою гай;
Зеленый гай, густесенький,
Неначе справди рай.

А по пид гаем риченька,
Як скло вона блещить,—
Дольною зеленою
Кудись вона бижить.

У бережку, у затышку,
Де вяжуця човны,
Там дві вербы схилилися,
Мов жураця воны.

Минеця любе литечко,
Настануть холода;
Осыпляця вси листочки
Їих понесе вода.

Журуюсь и я над ричкою;
Бижить вона, шумить;
У мене ж мое серденько
И млие и болить.

Ой, риченько, голубонько,
Як хвилички твоей,
Пробиглы дни счасливыйи
И радости мойи.

Спивають пташки весело
И риченька бижить;
У мене ж мое серденько
И млие и болить.

До тебе, люба риченька,
Ще вернеця весна,
А молодість не вернеця
Не вернеця вона!*

(После окончания песни все хором: Браво! браво! браво).

Сергей Васильевич (когда все умолкли). Ради Бога, ради Бога, еще разочек!

Николай Георгиевич. Пожалуйста, пожалуйста!

(Кланяется Сергею Васильевичу и исполняет песню вторично. После окончания все ему аплодируют и кричат: «Браво! браво! браво!»)

Елена (целуя его, говорит). Милый, как дивно!..

Сергей Васильевич (тяжело вздыхая). Эх-эх-эх!! Сколько жизни, сколько чувств, господа, в малороссийских песнях. Не споете ли голубчик, дорогой мой, еще какую-нибудь, но только малороссийскую, только малороссийскую.

Николай Георгиевич (весело улыбаясь). С удовольствием, с удовольствием! Но какую же вам? А! вот, знаю! (Роется в нотах и, показывая Елене, ставит ноты на пианино перед ней. Елена аккомпанирует, а он поет).

Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю,
Чому ж я не сокил? Чому не летаю?
Чому мени, Боже, ты крыльця не дав?
Я б землю покинув и в небо злітав.
Далеко за хмары, подали вид свиту,

* «Стоить гора високая» — малороссийская песня. Издание С.Я. Ямбор. Положено на ноты Н. Макаровым.

Шукать соби доли на горе привиту
И ласки у соньця, у зирок прохаты,
Себе в ясным свити людям показать...*

(По окончании песни все ему аплодируют и кричат: «Браво! браво! браво!»). Сергей Васильевич подходит к нему и целует его).

Сергей Васильевич. Благодарю вас, дорогой мой, благодарю! С особенным удовольствием всегда слушаю ваше пение!..

Николай Георгиевич (кланяется ему). Очень рад, что доставил вам маленькое удовольствие. *(Обращаясь к Елене).* Ленуся, дорогая! А теперь ты спой что-нибудь.

Елена. А что, Количка?

Николай Георгиевич. Спой «Уголок».

Елена. Ну, хорошо!

(Акомпанирует себе и поет: «Дышала ночь восторгом сладострастья». По окончании все аплодируют ей и кричат: «Браво! браво!» Николай Георгиевич целует ее).

Николай Георгиевич. Ленуся, дорогая, спой еще, пожалуйста, «Дремлют плакучие ивы»!..

Елена. Хорошо, милый!

(Отыскивает в нотах романс «Дремлют плакучие ивы», аккомпанирует и поет).

Сергей Васильевич (войдя в экстаз, приподнявшись). Эх, господа!! Знаете ли, что!?. Давайте какую-нибудь хоровую двинем! Каждый, как сможет, подтягивать будет.

Николай Георгиевич (оживленно). Это дело!.. Вот это люблю!

Елена, Мария, Миша, Петя. Давайте, давайте споем хоровую!..

Сергей Васильевич. «Рече та стогне Днипр широкий» — знаете, господа?

Все (хором). Знаем! Знаем!..

Сергей Васильевич. Так затягивайте, Николай Георгиевич, и будьте нашим регентом. Я баском подтяну.

Николай Георгиевич. Идет! Пожалуйста все ко мне поближе, в полукруг становитесь!..

(Все становятся возле него в полукруг, за исключением Екатерины Александровны, с улыбкой наблюдающей за ними).

Николай Георгиевич (затягивает, а за ним и все).

Рече та стогне Днипр широкий,
Сердытый витер завыва,
До долу вербы гне высоки,
Горами хвилью пидыйма.

И блидний мисяц на ту пору
Де-де з-за хмары выглядав,
Неначе човин в синим мори
То вырынав, то потопавав.

Ще трети пивни не спивалы,
Нихто ни де не гомонив;
Сычи в гаю переклыкались,
Та ясень раз у раз скрыпив...

Сергей Васильевич. Здорово!.. Ей Богу, здорово спели!..
Все. Давайте еще одну споем!! Давайте еще одну споем!!

* «Дывлось я на небо» — малороссийская песня. Издание С.Я. Ямбор. Положена на ноты М. Шимко.

Сергей Васильевич. Ну, ладно, господа, тише! не галдите! Вот эту споем: «Золотыя удалыя — не немецкие, песни русские»...

Все (хором). Споем, споем эту! Знаем! Знаем!

Сергей Васильевич (обращаясь к Николаю Георгиевичу). Так затягивайте, дорогой мой!

Екатерина Александровна. Извиняюсь, что перебиваю, но должна сказать вам, господа, что «Реве та стогне Днипр широкий» вы прекрасно спели и напомнили мне Малороссию, мою родину.

Все (хором). Очень рады, очень рады, что вам понравилось!..

Сергей Васильевич. Ну-ка, дорогой мой, так затягивайте.

Николай Георгиевич (затягивает).

Что за песни, что за песни,

Распевает наш казак:

Ты хоть лопни, ты хоть тресни

Так не спеть тебе, пруссак

Золотыя, удалыя, не немецкие,

Песни русские, лихия, молодецкие!*

Сергей Васильевич. Ей-Богу, здорово! Прекрасно спели — хоть на сцену!

Все (хором отвечают ему). Правда, правда, хорошо!

Сергей Васильевич. Ну, а теперь можно и отдохнуть... (*Идет к стулу и зовет Николая Георгиевича*). Николай Георгиевич, идите, дорогой мой, ко мне,— посидим и покурим!..

Николай Георгиевич. С удовольствием!

(*Идет к нему; все остальные рассаживются по стульям. Николай Георгиевич садится около Сергея Васильевича, который достает портсигар и угощает его папиром и сам закуривает*).

Петя (встав со стула). Папочка, мамочка, я хочу продекламировать Николаю Георгиевичу мое любимое стихотворение Плещеева «Горе птички матери» — можно?

Сергей Васильевич и Лидия Павловна. Можно, голубчик, можно! Молодец! Декламируй!

Николай Георгиевич (улыбаясь). Ну-ну, декламируй, голубчик... Слушаю тебя.

Миша. Только не спеши говорить, Петя.

Петя (обиженно). Знаю без тебя! Не мешай! (*Декламирует*).

Зажгло грозою дерево,

А было соловьиное на дереве гнездо,

Горит и стонет дерево,

Горят и стонут птенчики:

«Ой, матушка, где ты?

А ты бы нас похолила, пока не оперились мы:

Как крылья отрастим — в долины,

Рощи тихие мы сами улетим!»

До тла сгорело дерево, до тла сгорели птенчики,

— Тут прилетела мать.

Ни дерева... ни гнездышка... ни птенчиков...

Поет-зовет, поет-рыдает и кружится,

Так быстро, быстро кружится,

Что крылышки свистят...

Настала ночь; весь мир затих.

* Автор этой песни мне неизвестен; я позволил себе заменить в ней слово «Русь» — «казаком». А «француз» — «пруссаком». — Автор.

Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась до самого утра...
(Лидия Павловна достала платок и смахнула слезу, а Николай Георгиевич подошел к Пете и поцеловал его).
Николай Георгиевич. Молодец! Благодарю тебя!
Мария и Елена. Молодец, Петя!
Екатерина Александровна. Иди, Петюня, и я тебя поцелую за стишок.
(Петя подходит к Екатерине Александровне, которая целует его).
Сергей Васильевич. Да, молодец, молодец! Хорошо продекламировал. Лидия Павловна, маменька, даже слезу пустила.
Лидия Павловна. Да мне нисколько и не стыдно! Иди, Петичка, и я тебя поцелую.
(Целует подошедшего Петю).
Елена. Количка, дорогой, милый... последняя просьба сегодня к тебе: будь так добр, если любишь...
Николай Георгиевич (ласково улыбаясь). Что?.. Что, милая?.. Пожалуйста! Весь к твоим услугам.
Елена (вполголоса). Дорогой Количка... Нищую — Беранже. Я буду тебе аккомпанировать. Бабушке понравится, да и я люблю.
Николай Георгиевич. Пожалуйста, дусенька, пожалуйста.
(Елена подбегает к пинино и спешно роемся в нотах. Находит романс «Нищая».
К Елене подходит Николай Георгиевич. Елена аккомпанирует, а Николай Георгиевич мелодекламирует).
Зима, метель, и в крупных хлопьях,
При сильном ветре, снег валит.
У входа в храм, одна, в отрепьях,
Старушка — нищая — стоит.
И, милостыни ожидая,
Она все тут, с клюкой своей:
И летом и зимой, слепая...
Подайте, Христа ради, ей!
Сказать ли вам, старушка эта
Как двадцать лет назад жила?
Она была мечтой поэта,
И слава ей венок плела.
Когда она на сцене пела —
Париж в восторге был от ней.
Она соперниц не имела.
Подайте, Христа ради, ей!
Бывало, после представленья
Ей от толпы проезда нет,
И молодость от восхищенья
Гремела «браво!» ей вослед.
Вельможи случая искали
Попасть в число ее гостей,—
Талант и ум в ней уважали.
Подайте, Христа ради, ей!
Святая воля Провиденья...
Артистка сделалась больна,
Лишилась голоса и зренья
И бродить по миру одна.

Бывало, бедный не боится
 Прийти за милостыней к ней,
 Она ж у вас просить стыдится.
 Подайте, Христа ради, ей!
 В то время,— торжества и счастья,—
 У ней был дом, не дом — дворец,
 И в этом доме сладострастьем
 Томились тысячи сердец.
 Какими пышными хвалами
 Кадил ей круг ее гостей!..
 При счастье — все дружатся с нами.
 Подайте, Христа ради, ей!
 Ах, кто с такою добротою,
 В несчастье ближним помогал,
 Как эта нищая с клюкою,
 Когда Амур ее ласкал!
 Она все в жизни потеряла!
 О, чтобы в старости своей
 Она на Промысл не роптала,—
 Подайте, Христа ради, ей!
Екатерина Александровна. Ах, как прелестно! Как прелестно! Благодарю вас,
 благодарю!
Все (хором). Мерси! мерси!
Елена (целует Николая Георгиевича). Добрый мой... послушный... хороший...
Екатерина Александровна (подымаясь, уходит и говорит). Спасибо всем за пение и декламацию. Все было прекрасно. Можно всю ночь слушать. Но я, уж, пойду: устала. Спокойной ночи! *(Кланяется всем и уходит).*
Все (хором). Спокойной ночи! спокойной ночи!
(Миша и Петя подбегают к бабушке и целуют ее).
Лидия Павловна. Миша и Петя, и вам уж пора спать! Идите, милые!
Миша и Петя. Хорошо, мамочка!
(Желают всем спокойной ночи, целуют всех и уходят. Сергей Васильевич и Николай Георгиевич после ухода Миши и Пети, взявшись под руки, ходят по залу и тихо о чем-то шепчутся. Николай Георгиевич несколько раз кивает головой в знак одобрения. Лидия Павловна, Елена и Мария сидят около пианино и тихо беседуют).
Сергей Васильевич (громко). Ну-с, дорогой, пойдемте ко мне в кабинет и потолкуем кое о чем!
Николай Георгиевич. С удовольствием! Весь к вашим услугам!..
Сергей Васильевич. Спокойной ночи!.. *(Кланяется всем и уходит).*
(Николай Георгиевич целует руки Лидии Павловны, Елене и Марии, всем желает спокойной ночи и уходит. Елена нагоняет его и целует в губы. На сцене остаются Лидия Павловна, Мария и Елена).
Лидия Павловна (ласково улыбаясь). Это, Леночка, папа пошел беседовать с Николаем Георгиевичем насчет свадьбы.
Елена (взволнованно). Ах, мамочка, правда?!
Лидия Павловна. Да, да!
Елена. Ах, мамочка, как я сильно волнуюсь... мне даже худо... худо...
Мария. Леночка, нельзя же так волноваться. *(Подходит к ней и целует ее).*
Лидия Павловна. Ну, не волнуйся же так, милая деточка моя! Знаешь русскую поговорку: «Утро вечера мудренее», и посему пойдем спать, а завтра ты будешь в курсе дела обо всем, что тебя так волнует.

Елена. Ах, мамочка, пойдем, пойдем!.. У меня сильно голова кружится.
Лидия Павловна и Мария (в один голос). Да что с тобой?! Можно ли так волноваться?!

Елена (тяжело дыша). Ах, мамочка!.. Мурочка!.. Мне худо, худо...

Лидия Павловна и Мария (в один голос). Ах, Боже мой!.. Что с тобой?!

(Берут ее под руки и уводят).

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер. Большой кабинет Сергея Васильевича. Стоит письменный стол. Над письменным столом висит портрет Государя Императора Николая II. В углу стоит небольшой гардероб. За письменным столом сидит Сергей Васильевич Коваленко и что-то пишет и считает на счетах. Ежеминутно он нервно схватывается за голову и качает головой.

Сергей Васильевич. Все рухнуло!.. погубило!.. Боже мой! Боже мой!.. Все погубило, все!.. Завтра позор!.. Спасенья нет!.. нет!.. И не будет!.. Все проиграл!.. проиграл!..

(Сильно подергиваясь, плачет. Слышится стук в двери кабинета).

Сергей Васильевич (достав платок и смахнув слезы). Войдите!

(Входит Фрося).

Сергей Васильевич. Что вам, Фрося?

Фрося. Господин Мельбаум пришли и хотят вас видеть.

Сергей Васильевич. Можно! Проводите его сюда. *(Закуривает толстую сигару).*

(Входит Мельбаум. Небрежно подает руку и, поздоровавшись, садится, перекинув ногу за ногу).

Мельбаум (гордо приподняв голову). Ну, как наши дела?

Сергей Васильевич (тихим голосом). Да, что же?! нужно еще два месяца обождать, Густав Густавович. Ради Бога!..

Мельбаум (с саркастической улыбкой и отвратительным смехом). Хо-хо-хо-хо. Это, уше, мне надоель... Дофольно икаться... я ведь фам не мальшик какой-нибудь!

Сергей Васильевич (нервно, резким голосом). Да этого вам никто и не говорит, что вы мальчик, и никто с вами и не играет, а я вас прошу, как человека, обождите, пожалуйста, ради Бога!.. Кто вас за горло давит?

Мельбаум. Охо-хо-хо-хо!.. Ви не кришит!.. я это не люпит!.. Если ви пудет кришит — я сичас уйтет! Ведь, ви снаете, что ви фесь мой... с холеры до ног. *(Откашливается и продолжает).* А он еще кришит тут!.. какой карячий!.. скашите, пожалуйста... *(смиривает Коваленко с ног до головы, презрительным взглядом).*

Сергей Васильевич. Но, Боже мой, поймите же, что сейчас у меня нет денег, а через два месяца они будут,— и я вам все отдам!..

Мельбаум. Какой мне дело, что у вас нет?.. мне ошине нушен дэньги!.. Ви обещаль сиводня отгать мои дэньги... ви дал шестное слово!.. где же ваши слово?

(Вопросительно и грозно глядит на Сергея Васильевича).

Сергей Васильевич. О, Боже мой!.. Боже мой!..

Мельбаум (качая головой). Боши мой не помошит,— дэньги надо!..

Сергей Васильевич. Но я вас умоляю!.. умоляю!.. Ради Бога!.. *(Встает, прижимает руки к груди).* Ради Бога,— до первого августа!..

Мельбаум (резко и громко). Никахда! Никахда!.. панимайт?! Я шеловек коммерческий... я никакой Бог ни знает... Мне дэньги надо, панимайт?! Или савтра плохо пудет фам, милостиный государ. Хо-хо-хо-хо-хо!.. *(Смеется).*

Сергей Васильевич. О, какой вы варвар! Какой вы жестокий человек!..

Мельбаум (смеется). Хо-хо-хо-хо!.. Савсем ни прафда фаша: я ошинь тобри... *(Встает, подходит к Сергею Васильевичу, кладет ему руку на плечо и, окинув грозным взором весь кабинет, говорит ему на ухо тихо, еле слышно).* Вам нада дэньги?

Сергей Васильевич. О, Боже мой!.. Вы же знаете данное мое положение?! Зачем вы меня мучите и так жестоко издеваетесь надо мной?

Мельбаум. А сашэм так в карты играйт?.. Не нада карты ихрайт. А дэньги я там еще... там... понимает?

Сергей Васильевич (оживившись). Что я слышу!? Что вы говорите?! Неужели?! Боже, как я вам буду благодарен!.. Ведь я вам отдам!.. все отдам!.. до копеечки!.. Вот только дочку выдам замуж,— муж ее и займет мне двадцать тысяч, я ему это в условие уже поставил, и он согласился, а сейчас, до свадьбы, взять у него никак невозможно...

Мельбаум (машет рукой на Коваленко и говорит). Пастойте... пастойте, это мне ни интересно снайт... Слушайт: дэньги я фам дам еще,— тесять тысяч.

Сергей Васильевич. О, как вы великодушны! Как добры!..

Мельбаум. Не спешит сильно хвалит меня, а слушайт: дэньги я там, тесять тысяч и фесь фаш долг: вехсель и исполнительны листы,— фсе пайтет на уништожение, на смарка... но... *(очень резко)* но... мой мили гаспадин Кафаленко...

Сергей Васильевич (перебивая его, удивленно). Что такое?! Не понимаю! Как это понять,— долг на смарку? Дам еще десять тысяч!.. Объясните, ради Бога, Густав Густавович!

Мельбаум. Толго объяснят нешиво, вот что, слушайт; фи помнит, я фас встретил с гаспадин артиллерийский офицер?.. Ви помнит, ви гаварил, што это фаш камад, тафариш? Ви помнит, ви гаварил мне, што этот офицер слюжит в Гродненский крэпость,— помнит?

Сергей Васильевич (смахивая платком выступивший на лбу пот). Да, да!.. помню все!.. Но при чем все это и мой товарищ?

Мельбаум (ехидненько смеется). Хо-хо-хо-хо!.. Ошинь, милый, при шем!.. ошинь при шем!..

(Сергей Васильевич нервно встает и пожимает плечами).

Сергей Васильевич (тихо, но резко). Так вот в чем дело!.. Вы кроме ростовщичества — шпион!.. шпион!.. О, Боже мой, Боже мой!.. *(схватывается левой рукой за свою грудь и тяжело дышит).*

Мельбаум (смеется). Хо-хо-хо-хо!.. Зашем такой трама, гаспатин Кофаленко? Зашем?

Сергей Васильевич (берется за голову и восклицает). О, Боже мой, Боже мой!..

Мельбаум. Ну, а фсе-таки, каспатин Кофаленко, ви угадал, хто я еще... малатец, малатец!.. Хо-хо-хо-хо!.. *(Смеется).* Что ше касается тафо, што если ви мене претасть шантармы, то из этого ровно нишего не фийдет. Докасательств нет и нишего у мене ни найтут. Не тумайте, милый, што я такой хлюпий... Нет, я сказал пи шантармы, што фи толшен мне мнохо и не мошет саплатить и показал пи фсе ваши вехселя и исполнительны листы и скасал пи, што фи на мэня клефещите и мнэ пи нишефо ништо не стелал пи. А фот, если ви умный шалавэк и немношко китры, то путет кароши дело, и волки путут сит и овцы не путут калодни. Панимайт, милый мой, в шом дело?

Сергей Васильевич (дрожащим голосом). Почти все понимаю, но поясните точно.

Мельбаум. Карашо, я вам все поясню тошно,— слушайт: я вам там тесят тысяч, а ви мне в опецпечение татите вехселей на тватцать тысяч, и ви савтра ше пааетете в Гродно к сфой тафариш; там у нефо ви пакастите тней шесть, земь, не польше! и прифесете мне фатакрафически снимки вся крэпости, и фсе секрэт крепости ви, милый толжны тля меня расуснайте при помощи фаш труг. Поняли, милый мой?

Сергей Васильевич (нервно). Понял! понял!! Что дальше? Говорите!

Мельбаум. Такда, какда ви приедете и отдатите мне все это в фашем капинете, я в свою ошереду оттам фам все вехселей и исполнительны лист, и, кроме тафо, таме фаме еще налишны деньги тватцать тысяч, а сишас на расход, кутеш, поестку там тесять тысяч. Фот, милый мой, какой кароший камершеский дело ви стелайт, если ви умный и китри немношко. *(Повышая голос).* А если нет... не сокласны на мой претложений и услофий, то савтра же, в твенатцать шасов тня я приесшайт к фам с гаспатин сутепный пристаф, все описует и протает, и ви со свая семья путет расорон и толжны путете в скором фремени покинуть свой томик, так как он путет протан, как и фсе фаши имушество — и твишими и нетвишими. Отним словом, фам путет сафсем плохо. Поняли теперь фсе, милый мой? Хо-хо-хо-хо-хо!.. *(смеется раскатистым смехом).*

Сергей Васильевич. О, Боже мой!.. Боже мой!..

Мельбаум. Опять Поже мой!.. Поже мой не поможет фам. Фам, милый мой, нушны не Поше мой, а ум и немношко китрость.

Сергей Васильевич (вскочив со стула, кричит громко). Нет! Никогда! *(Сильно повышая голос).* Понимаете ли?! — никогда!

Мельбаум (встает и уходит, говоря). Как катите, тарагой, как катите, но сматрите, путете шалейт, да потом постно путет! Потумайте!

Сергей Васильевич. Будь, что будет! Я вас не предам, но никогда, никогда, не продам родину и не изменю своему Государю, которому верой и правдой прослужил много лет! *(Сильно топнув ногой и ударив кулаком по столу).* Слышите, милейший?! Описуйте и продавайте!

Мельбаум (стоя у дверей кабинета). Карашо, карашо... как катити, мошете и фидать, и сея этим пакупить, а не меня... Я путет тома до твенатсати шасов ноши; через шас я пришло к фам сфой зекретарь са отфет; ви ему татите письменный отфет.

Сергей Васильевич (громко и резко). Еще раз повторяю вам, что я не подлец и не предам своего Государя и родину... Никаких секретарей прошу не присылать и прошу оставить меня в покое и оставить мой кабинет!..

Мельбаум (саркастически смеется), Хо-хо-хо!.. Это ошинь кромкий слофа!..

Сергей Васильевич (сильно топнув ногой). О, варвар!.. Уходите! или я за себя не ручаюсь!..

Мельбаум (открывает дверь и говорит, уходя). Укажу, укажу, но за отфет фсе-таки пришло сфой зекретарь; я снаю, что ви отумааетесь, кохта немношко успокоитесь... До скоры свидани. *(Кланяется и уходит, плотно закрыв за собою дверь).*

(Сергей Васильевич запирает двери кабинета и становится на колени в углу, перед образом и громко молится).

Сергей Васильевич. Боже, помоги мне!.. Боже, помоги мне!.. Услыши мою молитву и помоги!.. помоги мне, недостойному рабу Твоему!..

(Встает, крестится и идет к гардеробу, отпирает его и вынимает из него парусиновый чехол, развязав который, он вынимает из него старый парадный мундир штабс-ротмистра с орденами и прижимает его к груди).

Сергей Васильевич (громко и сильно рыдая). Запятнать свое доброе имя и мундир!.. Нет!.. Нет!.. никогда!.. никогда!.. Лучше смерть!..

(Целует мундир и ордена и прячет его в гардероб, сильно качая головой и неоднократно тяжело вздыхая. Спрятав мундир, он берет рукой за сердце; взлезает на письменный стол и, прильнув головой к портрету Государя Императора, держит его обеими руками и целует).

Сергей Васильевич (сквозь обильно льющиеся слезы). Никогда!.. никогда не изменю Вам и родине, Ваше Императорское Величество!.. Клянусь!.. Клянусь!..

(Целует портрет Государя и сходит со стола; затем достает носовой платок и смахивает слезы).

Сергей Васильевич (взявшись за голову). Миша!.. Петя!.. Леночка!.. детки мои дорогие!.. Лидя!.. мамочка моя дорогая... О, как мне вас жаль, как жаль!.. Боже мой, Боже мой!.. что я наделал, что я наделал!.. *(Сжав кулаки с большим ожесточением).* О, проклятые карты! до чего вы меня довели!.. До чего вы меня довели!.. Но... я умру, как честный человек!.. Семью Бог не оставит своею милостью... Николай Георгиевич спасет их... будет кормить всех, у него кое-как хватит средств... *(Сильно повышая голос)*... А этого негодяя, рыжего немца, своим судом... убью!.. Деньги, десять тысяч, которые он мне дает, запечатаю в конверт с письмом на имя прокурора... Деньги, которые этот негодяй даст мне... даст, чтобы я изменил своему Государю-Батюшке и родине!.. *(Садясь за стол).* Сейчас приготовлю конверты и письма семье моей и прокурору...

(Садится и пишет; слышно его рыдание; он часто смахивает платком слезы, которые обильно льются из его глаз и мешают ему писать).

Сергей Васильевич (встав со стула). Готово! Подписал себе и Мельбауму смертный приговор... *(Смотрит на часы).* Но как странно!.. как странно!.. Жить осталось каких-нибудь два часа!.. *(Крестится, глядя на образ).* Господи, прости меня!.. О, прости меня, великого грешника!.. недостойного раба Твоего, Господи!.. Господи, прости!.. *(Плачет).* К семье не выйду,— слишком тяжело... *(Плачет).* Как я буду смотреть на них?.. Я разрыдаюсь... не удержусь... и весь мой план рухнет!.. Я сказал им сегодня за чаем, что у меня вечером будут деловые люди и чтобы они меня не беспокоили. А сейчас вот pošлю Федора за Мельбаумом...

(Слышен стук в дверь кабинета).

Сергей Васильевич. Кто там? Сейчас открою!

Голос Фроси (из-за двери). Это я, барин!

(Сергей Васильевич, смахнув с лица слезы, отпирает дверь и впускает ее).

Сергей Васильевич. Пришел ко мне кто-нибудь?

Фрося. Да, пришли молодой человек от господина Мельбаума.

Сергей Васильевич. А!.. ну, вот и отлично, не нужно и посылать за ним! Проведите ко мне этого молодого человека!

Фрося. Слушаю-с, барин! *(Уходит).*

(Входит секретарь Мельбаума — Миллер. Сергей Васильевич делает вид, что он весел и жизнерадостен.)

Сергей Васильевич. Здравствуйте, молодой человек!

Миллер (хорошо, чисто говорит по-русски). Здравствуйте, господин Коваленко!

Сергей Васильевич. Присядьте, пожалуйста! Покурим!

Миллер (не садясь). Извиняюсь, господин Коваленко, очень благодарен вам, но положительно не имею времени, ибо мой патрон ждет ответа и находится сейчас у входа в ваш дом.

Сергей Васильевич (жизнерадостно). Ах, вот как! Прекрасно! В таком случае, не смею задерживать вас, идите и передайте Густаву Густавовичу, что я жду его и что все, что он просил, сделано мною!

(Не успел Миллер откланяться, как в незапертую дверь кабинета вошла Елена в вечернем легком туалете).

Елена. Ах, папочка, ты не один!? Прости меня!

Сергей Васильевич. Леночка, нельзя же без спроса входить ко мне в кабинет, когда у меня бывают по делу посторонние люди,— это не хорошо, милая! Уходи!

(Миллер впился глазами в Елену и любит ее красотой).

Елена (убегая). Прости, дорогой папочка!

Миллер (улыбаясь). Как вы строги к своей очаровательной дочери!

Сергей Васильевич (нервно). Ах!! Так и надо!

Миллер (кланяясь). До свиданья! Я ухожу!

Сергей Васильевич. До свиданья! Скажите же Густаву Густавовичу, что я жду его!..

Миллер. Слушаю, господин Коваленко. (Кланяется и уходит).

(Сергей Васильевич достает из ящика письменного стола револьвер и, тщательно осмотрев его, прячет в карман и затем крестится. Слышен стук в дверь).

Сергей Васильевич. Можно! Войдите! (Входит Фрося).

Фрося. Барин, к вам опять господин Мельбаум пришли! Могут они вас видеть?

Сергей Васильевич. Да, проводите его сюда! А что делают все наши?

Фрося. Собираются ужинать, барин; хотели за вами посылать, но увидели, что к вам господин Мельбаум пришли, и приказали мне не беспокоить вас.

Сергей Васильевич. Да, да... скажите, пожалуйста, им, что я просил не беспокоить меня; я сам приду, когда уйдет Мельбаум...

Фрося. Слушаю-с, барин! (Уходит).

(Сергей Васильевич молча ходит большими шагами по кабинету. Слышны лишь его тяжелые вздохи. Входит Мельбаум).

Мельбаум. А фот и я! (Улыбается).

Сергей Васильевич. Очень рад! Садитесь, пожалуйста!

Мельбаум. Мошно, мошно! (Садится).

Сергей Васильевич (старается не выдать себя и быть веселым и спокойным). Обо всем подумал: я в ваших руках!.. На все согласен!..

Мельбаум (смеясь и потирая руки). Хо-хо-хо!.. Это дело! Малячина ви!.. В таком случай ми с фами трузья!

(Жмут друг другу руки).

Мельбаум (вынимает из бокового кармана сюртука вексельные бланки). А фот и фексельны планки!.. Подпишите их!..

Сергей Васильевич. С большим удовольствием! (Подписывает).

Мельбаум. Так пи и тафно!.. Это дело!..

Мельбаум (отсчитывая вынутые из бумажника деньги). Проферьте, пошалюста!

Сергей Васильевич (проверив деньги). Правильно, Густав Густавович!

(Мельбаум самодовольно прячет векселя, подписанные Сергеем Васильевичем в большой бумажник и затем кладет бумажник в боковой карман своего сюртука).

Мельбаум. Так ви, колюпчик, пошалюста, савтра же и высшайт, и как только восфратитесь опратно,— неметленно висовите меня к сепе.

(Сергей Васильевич быстро подымается из кресла, выхватывает из кармана револьвер).

Сергей Васильевич (наведя револьвер на грудь Мельбаума). Нет, негодяй!.. Среди русских офицеров ты не найдешь предателей и изменников Царю и родине!.. Умри же, подлый шпион!!

(Стреляет. Мельбаум падает, как скошенный, без звука и стопа. Сергей Васильевич спешно вкладывает деньги в конверт, предназначенный для прокурора, и запечатывает его, с испугом озираясь на дверь кабинета).

Сергей Васильевич (приставив револьвер к своей груди). Боже, прости меня!.. прими душу грешника!..

(Стреляет себе в грудь и падает в кресло. В этот момент вбегают Полешко, Елена, Мария и Лидия Павловна, а за ними Миша и Петя. Полешко останавливается с разведенными руками и молча глядит, с выражением ужаса и испуга).

Елена (вскрикивая и бросаясь к отцу). Папочка!.. Папочка, дорогой!! Тебя убили!..

(Берет отца за руку и глядит ему в глаза).

Елена. Папочка!.. Папочка, дорогой!..

(Миша и Петя, склонившись и обняв ноги отца, безумно рыдают. Мария Нечипоренко и Полешко молча глядят на все и дрожат. В кабинет входит Екатерина Александровна, переваливаясь с боку на бок).

Лидия Павловна *(вначале ошолбевшаяся, приходит немного в себя и бросается к мужу с криком)*. Сергей Васильевич! Сережа! Сережа! Ты жив еще? Тебя не убили?.. Сереженька, Сереженька!.. Скажи же, ради Бога, скажи же мне хоть одно слово!.. *(Обнимает его, рыдая)*.

Николай Георгиевич *(стремительно убегает и кричит)*. Я еду за доктором!

Сергей Васильевич *(тихо говорит отрывистым хриплым голосом)*. Лидочка... мамочка... дети... дорогие... Я... я... убил негодяя... шпиона... Мель... баума... и... и... сам... застрелился... Я не захотел... не захотел... изменить... изменить... Государю и ро... дине... Там... на столе... в письме все... все... про... прочитаете... мои дорогие, а другое письмо про... прокурору... не вскрывайте... прокурор... сам вскроет... ой... ой... тяжело дышать... Простите... простите... меня я... я... умираю... умираю!.. Доктор меня не спасет уже... ой, ой... Боже... прости меня!.. прости!.. Прощайте!! Про... щайте... мои дорогие... поцелуйте... в последний раз...

(Входит Дуня и Фрося, с ужасом глядят и рыдают. Екатерина Александровна, до сих пор с ужасом глядевшая на все, бросается к сыну, падает, поднимается и спешно, насколько позволяют ей старческие силы, бежит к сыну).

Екатерина Александровна *(обнимая Сергея Васильевича)*. Сережа! Сережа мой дорогой! Сын мой дорогой! *(Целует его)*. Сереженька!.. Сереженька!.. Зачем ты это сделал?.. Зачем бросаешь меня и семью?.. *(Захлебывается слезами)*.

Сергей Васильевич *(с большим трудом, отрывисто, но ясно говорит)*. Мамочка... дорогая... прости... и... и... прощайте... дайте... я... поцелую вас... тебя... тебя, мою милую... добрую мать... и... и... детей... скорее... умираю... *(Целуется с матерью)*.

(Екатерина Александровна с трудом отрывается от сына и падает без чувств на руки подошедшей к ней Фроси).

Лидия Павловна *(целует мужа в губы и руки)*. Сережа... Сереженька, что ты сделал? О, Боже мой, что ты сделал?.. На кого ты нас оставляешь?.. Сереженька, дорогой, ты ведь так любил свою Лиду!..

Сергей Васильевич *(тихо плачет и еле говорит)*. Прости, дорогая... Лидя... Дай... поцелую... тебя, дорогая... в последний раз... деток... смерть...

(Целует Лидию Павловну. Лидия Павловна целует ему руки, а затем поднимает к его губам Петю, которого Сергей Васильевич благословляет и затем целует Мишу и Елену, благословляя сильно дрожащей рукой. Мария Нечипоренко падает в обморок. Елена и Лидия Павловна прижались к Сергею Васильевичу с боков; Миша и Петя обхватили колени. Все громко рыдают).

Сергей Васильевич. А Николай... Георгиевич?.. хочу и... с ним... попрощаться... и с Марией Вас... Васильевной.

(В этот момент вбегает Николай Георгиевич, а за ним доктор).

Николай Георгиевич *(запыхавшись)*. Вот и я с доктором.

Лидия Павловна. Пусть доктор обождет!.. Подойдите скорее к мужу,— он хочет проститься с вами... *(Плачет)*.

(Николай Георгиевич быстро подходит к Сергею Васильевичу и целуется с ним. Мария Нечипоренко не подходит: как ее, так и Екатерину Александровну Федор, Дуня и Фрося приводят в чувство).

Сергей Васильевич. Про... щайте... спас... ите мою... семью...

Николай Георгиевич. Клянусь до гроба быть с ними и заботиться о них! Благо-словите меня и Елену.

Сергей Васильевич. Хо... ро... шо...
(Елена и Николай Георгиевич становятся перед ним на колени, и он с трудом крестит их).

Сергей Васильевич. Бла... го... сло... вляю... И про... щай... те... все... дорогие... ох, ум... и... раю...

(Быстро подходит доктор, расстегивает у Сергея Васильевича жилет и, припав головой к его груди, слушает, держа за руку).

Доктор (перекрестившись). Все кончено!..

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Утро. Вся семья Коваленко, Мария и Николай Георгиевич сидят в столовой. На столе стоит самовар; чай отпит. Все в траурных черных платьях).

Николай Георгиевич. Пока я жив, всю силу, энергию и средства я отдам и посвящу, дорогая Лидия Павловна, всей вашей семье. Бог послал вам всем и мне тяжкое испытание, но что делать!.. что делать!.. А тут вот война еще!.. Все жители Калиша в страхе покидают город... бегут... уезжают. Вчера я слышал, говорили, что ежедневно в городе могут появиться пруссаки и завладеть им.

Лидия Павловна. Ах, Боже мой!.. Господи, какой ужас! Что же мы будем делать? (Плачет, а за нею и все).

Лидия Павловна (захлебываясь слезами). Не успели... похоронить Сергея Васильевича, а тут опять новое несчастье!.. Боже мой, Боже мой!..

Елена. Количка! А ты нас не оставишь, не покинешь?

Николай Георгиевич. До гроба я ваш и с вами! (Подходит и целует ее).

Николай Георгиевич (целует руку Лидии Павловны). Лидия Павловна! Дорогая Лидия Павловна! Возьмите себя в руки и успокойтесь! Я понимаю, как велико ваше горе, но перенесите его с мужеством!.. На все воля Божья!

Лидия Павловна. Ох, тяжело, тяжело!.. (Сильно плачет).

(В столовую вбегают Фрося и Федор, сильно запыхавшись).

Фрося. Барыня! Дуня прибежала с базара и ничего не купила... В городе везде кричат и плачут... Все бегут и уезжают из города... Все лавки закрыты... Все кричат, что немцы входят в город.

Все (хором). О, Боже, какой ужас! Какой ужас!

Федор. Я, барыня, позапырав и хвиртку, и ворота, и сарай.

(Слышатся крики и выстрелы. Все в ужасе переглядываются и крестятся).

Елена. Что это, Боже мой!?

Лидия Павловна. Федор, закрой скорее ставни в окнах.

Федор. Боюсь, барыня, йты на двир.

Лидия Павловна. Ах, Боже мой! Боже мой!

(Миша и Петя начинают плакать и прижимаются к матери. Выстрелы и крики слышны еще сильнее. Вбегает Дуня).

Дуня. Барыня! Барыня! Господа мои дорогипе!.. Боже мой!! Сейчас я видела в окно, как три какие-то человека, как пожарные, одетые, погнались мимо нашей калитки за какою-то девушкой!

Лидия Павловна. А вы, Дуня, заперли кухонную дверь?

Дуня. Заперла, барыня.

Николай Георгиевич. Господа, успокойтесь, ради Бога! Если и действительно уже немецкие войска вступили в город, то ведь они мирных жителей не будут обижать.

Магазины, быть может, разграбят, да и то едва ли,— ведь они же не дикари, а европейцы! Не надо, господа, так волноваться... А что касается того, что сейчас Дуня видела и поведала нам, то возможно, что эта девушка или женщина задела кого-нибудь или оскорбила, вот ее и ловят за это и кричат... Выстрелы же, что слышны, я объясняю тем, что немецкие войска действительно вступили и на радостях, что они вошли в русский город и заняли его, стреляют в воздух.

Екатерина Александровна. Господи!.. Царица Небесная!.. Помогите нам!

(Крестится, а за нею и все крестятся).

Елена (глядя в окно). Боже мой!.. Что я вижу?! Что я вижу?! Ах!

(Все бросаются к окнам и моментально отсканивают. Слышны выстрелы).

Лидия Павловна. Убивают! Убивают! Напротив нашего дома, во дворе, это немцы ве касках... Ах, Боже мой!.. ах, Боже мой!..

Николай Георгиевич. Господа! Становитесь все на колени и будем Богу молиться. Быть может, они минуют наш дом... У меня-то есть защита — охотничье ружье и дробовые патроны, но сопротивление оказывать едва ли есть смысл,— их много, ведь, полки, наверное...

Лидия Павловна. О, конечно! конечно! Боже вас избави, голубчик, сделать это,— еще хуже тогда будет нам,— всех поубивают! А так... быть может, они и не обидят нас.

(Слышен сильный стук в дверь террасы; стук повторяется все сильнее и сильнее; слышны грубые голоса).

Все (хором). Боже! Боже! Помогите нам!.. спаси нас!.. защити!..

(Все стоят на коленях и крестятся. Помолвившись, встают).

Лидия Павловна. Быть может, господа, лучше открыть дверь стучащим?

Николай Георгиевич. Боже избави!..

Елена (в страшном испуге). Господа! Господа! Смотрите: в наши окна немцы в касках глядят, а вот, в крайнее окно смотрит кто-то в кепке... я его где-то видела...

(Все с выражением страшного ужаса и испуга на лицах глядят в окна. Слышен звон разбиваемых стекол. В окна влезают немецкие солдаты и господин в кепке — секретарь Мельбаума, Миллер,— с огромного вязкой веревок. Всех влезших солдат девять человек).

Один из немецких солдат. Ах, ви шерти польосаты, вот ви где! Тумали не найдем вас?

(Три солдата подходят к Николаю Георгиевичу и, поощряемые Миллером, связывают его принесенными Миллером веревками и привязывают во весь рост к буфету. Другие три солдата связывают и рядом с Николаем Георгиевичем привязывают сильно дрожащего Федора, раскрывшего с испуга рот и бессмысленно глядящего на них).

Миллер (обращаясь к женщинам). Не кричите и сидите и стойте смирно,— вам ничего худого сделано не будет. *(Саркастически улыбается и пожирает глазами Елену).*

Елена (плачет). Ради Бога! Молодой человек! Если это от вас зависит,— прикажите, пожалуйста, чтобы моего брата и нашего сторожа развязали... Я ручаюсь за них, они будут смирно сидеть... умоляю!.. умоляю вас!.. сделайте великое одолжение!..

Миллер. Это будет сделано потом... Погодите и потерпите немножко. *(Злорадно улыбается).*

Елена (смахивая платком слезы). Ах, как я вам буду благодарна!..

Миллер (глядя на нее). Какая, однако, вы душка! *(Подходит к ней ближе и нахально лобуется).*

(Елена с испугом глядит на него. Солдаты-немцы приготавливаются к кутежу. Миллер схватывает ее, обнимает, облапывает, прижимает к себе и страстно целует. Елена пытается вырваться, но безуспешно).

Николай Георгиевич (видя это, кричит). Негодяй! Подлец! Оскверняешь беззащитную девушку! Как это подло и низко!..

Миллер (поднимает гордо голову, выпускает из своих грубых объятий Елену, подбегает к Николаю Георгиевичу и кричит). Кто негодяй!? Кто негодяй!? (Плюет в лицо Николаю Георгиевичу и изо всей силы ударяет его ногой в живот).

Николай Георгиевич. Ой!.. о-о-о-й!.. Боже мой!..

Миллер. Что, больно? Ай, говоришь! Замолчи, негодяй! (Грозит кулаком Николаю Георгиевичу). Я тебе!.. русская свинья!..

(Миллер отходит от Николая Георгиевича и подходит к молодому солдату, — старшему над всеми, судя по нашивкам и по тому, как все остальные его слушают, — и шепчется с ним о чем-то, а затем этот солдат приказывает двум солдатам увести в соседнюю комнату и запереть на ключ Екатерину Александровну, Мишу и Петю, что последние и приводят немедленно в исполнение, взяв за руки Мишу, Петю и Екатерину Александровну и уводя их).

Миша и Петя (кричат). Мамочка! Дорогая мамочка! Ай! Ай! (вырываются, но их угощают пинками).

(Лидия Павловна бросается к детям; ее схватывает толстый солдат и прижимает к себе).

Немец (грубо обласкивая Лидию Павловну). Хороши папа... крепки...

Лидия Павловна. Негодяй! Варвар!

(Немец усаживает ее на стул, берет ружье и грозит прикладом, держа ружье над ее головой. Один из солдат достает последнюю бутылку вина из куляка, принесенного им из города в дом Коваленко, и, откупорив, ставит на стол. Все пьют по первому стакану; пьют чайными стаканами. Старший солдат, указывая рукой на Фросю и Дуню, приказывает пятерым солдатам окружить их. Солдаты, сильно охмелевшие, шатающиеся, немедленно исполняют его приказание. Трех остальных солдатам он приказывает окружить Лидию Павловну, а сам подходит к Марии и закручивает свои усы а-ля Вильгельм. Кивком головы дает знак Миллеру, который подходит, сильно шатаясь, к Елене и, заложив за спину свои руки, пристально глядит ей в глаза).

Николай Георгиевич. О, Боже мой, Боже мой!.. Что они хотят делать?.. О, Боже, Боже!..

Федор. Воны насыльнычать, мабуть, будуть... Господы, Господы!.. Лучше б умерты, та на бачыть!.. Прокляты изувиры!..

Миллер (шатаясь и глядя на Николая Георгиевича, заплетающимся языком, не отходя от Елены, говорит). Согласно распоряжению германского императора Вильгельма Второго, ваша невеста будет сейчас временною моею женой, а остальные женщины будут женами других здесь присутствующих, а вы будете наблюдать, хорошо ли ваша невеста будет исполнять супружеские обязанности...

Николай Георгиевич. Негодяй!.. Подлец!..

(Силится, как и Федор, разорвать туго связанные веревки).

Все женщины (кричат). Ах!! Ах, Боже мой!

(Елена пытается убежать. Миллер схватывает ее, разрывает кофточку и валяет на пол. Все солдаты валят женщин на пол. Слышны душу раздирающие крики и неистовый хохот и гоготанье немцев).

Занавес

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

Наглумившись, произведя насилие над женщинами и истязание, немецкие солдаты, во главе с германским подданным Миллером, убив всех женщин, детей и мужчин, покинули дом Коваленко, обагрив его кровью мирных граждан и разграбив, что полегче и ценнее. Всюду лежат опрокинутые и изломанные столы и стулья; в окнах повыбиты все стекла. Всюду по полу валяются разбросанные бутылки и стаканы.

С распущенными, всклооченными волосами, в различных позах и местах, лежат жертвы злодеев, извергов, негодяев-пруссиков. Лидия Павловна, Елена, Мария, Фрося и Дуня,— все обесчещены и убиты... Николай Георгиевич и Федор, привязанные к буфету, также мертвы,— расстреляны. Миша и Петя лежат убитые с распростертыми ручонками. Не позабыли негодяи убить и Екатерину Александровну: она лежит с раздробленной головой. В нескольких местах лежат отрезанные жестокими варварами женские груди.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ПОСЛЕДНИЙ ГРАФ ИМПЕРИИ

*Я хотел оживить мой пустынный приют
Звучным словом твоим, полным слез и огня;
Все мне чужды они, что со мною живут;
Жизнь далекой могилой глядит на меня...*

А. Шопенгауэр «К Канту»*

◆ Поясняя мотивы написания стихотворения «К Канту», Артур Шопенгауэр оставил такую запись: «День, когда умер Кант, был так безоблачен и ясен, как редко бывают у нас дни; на лазурно-голубом небе летело только маленькое легкое облако в зените. Рассказывают, что один солдат обратил на него внимание окружающих и сказал, что это душа Канта, которая летит к небу».

...Николай Андреянович захлопнул объемистый синий том из «Библиотеки поэта», улыбнулся, вспомнив, как тридцать лет тому назад купил его в букинистическом магазине, что среди книголюбов почиталось большой удачей: поэтическая серия высоко котируется у любителей поэзии, но особенно — у перекупщиков-спекулянтов.

Читывавший неоднократно Шопенгауэра, правда, не систематически — за томом том, а в отрывках и антологиях философской мысли, Николай Андреянович, тем не менее, хорошо понимал суть знаменитого учения о мире как воле и представлении... Казалось — и душу великого мыслителя он хорошо осознает, вернее, воссоздает, как скульптор, при чтении его книг, а особенно стихов. Более того, сам франкфуртский отшельник приоткрыл свою душу в стихах. Как понимал Николай Андреянович, Шопенгауэр чувствовал себя глубоко одиноким, как только может быть одиноким в этом мире человек, мыслитель, осознавший сущность невеселого бытия в этой жизни. А уход Канта, с которым Шопенгауэр не пересекся во времени на грешной земле, но которого он полагал единственным духовным родственником, до предела усилил одиночество посвященного.

Николай Андреянович, вдохновляясь, все дальше и глубже развивал внезапно возникшую мысль, обобщая ее. Не только мыслители, своей мудростью понявшие сущность мироздания, глубоко печальны и одиноки, но ведь и герой в момент совершения своего подвига отстранен от всех людей, даже тех, ради которых он принимает муку. Вспомните евангельские описания страданий Христа пред распятием? — Правильно, более всего он мучился от сознания своего одиночества...

* Из книги «Поэты 1880—1890 годов» (Библиотека поэта; большая серия).— Л.: Советский писатель, 1972. Перевод стихотворения «К Канту» И. О. Лялечкина.

Это уже потом, кого год, кого поколения, а иного и вечность, будут помнить и славословить, но в смертный час герой одинок. И к чему такие мысли пришли к Николаю Андреяновичу? Этого он сам себе объяснить пока не мог. Пока не мог.

◆ С той памятной зимней поездки в командировку в Москву Николай Андреянович возобновил знакомство с бывшим сослуживцем, а ныне университетским профессором Сергеем Викторовичем Небогатых. А ближе к лету они и вовсе по воскресеньям начали прогуливаться по парку; как говорится, собеседники нашли друг друга. А как-то к ним присоединился еще один университетский профессор, также некогда работавший в НПО «Меткость», преподававший биофизику на недавно созданном биологическом факультете: Ямщиков Андрей Тимофеевич. Впрочем, присоединился совершенно случайно: шел по своим неспешным делам через парк — спрямить дорогу — и увидел гуляющих, бывшего и нынешнего коллег.

Тройственная беседа получилась интересной, даже без захода в ближнюю к парку рюмочную. Особенно для Николая Андреяновича, далекого от университетской жизни; а бывший технический институт, где некогда он учился, претерпел за последние десять лет такие кардинальные изменения, что Николай Андреянович только головой в изумлении крутил, поочередно слушал то шедшего справа Небогатых, то мрачно острившего слева Ямщикова. Особенно он прислушивался к словам Андрея Тимофеевича как представителя самого, пожалуй, диковинного факультета в прежней кузнице военно-технической науки.

Так получалось, по словам Ямщикова, что факультет, готовя по университетской программе биологов широкого профиля — от будущих школьных учителей до сотрудников медико-биологических научно-исследовательских учреждений, — тем не менее, как это принято в классических университетах, избрал и свою специализацию. Точнее говоря, их появилось сразу три: изучение и культивирование особо ядовитых пресмыкающихся, опять же изучение, но только в историко-эволюционной ретроспективе, летающих ящеров-птеродактилей и, наконец, акклиматизация гигантских бразильских тараканов *Murarbu grandiosus*...

— Это почему же такие, мягко говоря, странные направления? — невежливо перебил собеседника изумленный Николай Андреянович.

— А сейчас наука, да и само высшее образование, на самоокупаемости. Вот сыграли с помощью столичных знакомцев три долгосрочных гранта от международных научных обществ — и отрабатывают. Впрочем, какая разница? Все одно выпускники в школы не пойдут, НИИ биологических в радиусе ста верст вокруг не имеется... вот и двинутся в мелкооптовую торговлю, вольются, так сказать, в средний класс. А он-то, как говорят наши выдающиеся экономисты-министры, и возродит Россию... до уровня Камбоджи или Никарагуа, как я полагаю.

Впрочем, как продолжил далее Андрей Тимофеевич, на фоне обычной для провинциальных вузов преподавательской середины: доцентов-тудяг и доцентш-интриганок, есть на факультете два-три занятных человека, даже — представьте себе — одной из кафедр заведует профессорша-графиня...

— Да-да, не смейтесь, настоящая графиня, более того, правнучка последнего графа Российской империи. Она, правда, скромница, об этом по привычке помалкивают. Я и сам-то чисто случайно узнал.

Николай Андреянович, поначалу было ухмылялся, дескать, в столице сейчас все, кто нерусскую фамилию имеет, объявили себя графьями да баронами, заплатив в районное дворянское собрание пару тонн баксов. Однако чем дольше он слушал увлекшегося профессора, тем больше ему казалось: а ведь он где-то читал про этого последнего графа, но вот где? Главное, фамилия была та же самая.

Дня два он ломал голову; как всякий человек с идиосинкразией на память, он не

мог успокоиться, не вспомнив что-то запавшее: слово, фамилию, сюжет, образ... И только на третий поутру, когда память наиболее активна, вспомнил: очерк о геройском действительном статском советнике он читал в самые юные годы, найдя на чердаке своей тетки, у которой семья проводила отпуск (тогда еще жили на Севере) в калужской деревне, полуистлевшую подшивку журнала «Нива», вернее, три подшивки: за 1881-ый, 1903-ий и 1914-ый года. Тетка же Настасья пояснила: старье это захватили, переезжая в новый дом перед войной из прохудившейся дедовой халупы. А к деду они попали вместе с зингеровской машинкой при дележке добра из имения сбежавшего в революцию помещика.

Да-да, именно в сентябрьском номере «Нивы» за год начала Первой мировой войны тогдашний Николка и прочитал о первом русском герое той войны и последнем графе* империи, до поры до времени упрятав прочитанное в кладовку своей недурственной памяти.

Николай Андреянович давно уже понимал: свет тесен при всей его многоликости, но всякий раз восхищался тесной спайкой людей в этом мире. Думал ли он, вчитываясь в ветхие страницы журнала, сидя с тяжелой подшивкой «Нивы» на веранде теткиной избы, что в полусотне километров отсюда, тож в калужском селе, бегают по двору с хворостинкой, выгоняя забежавшую чужую курицу, пятилетняя девочка с косичками, еще и не зная, что она графиня. Хотя на тех же дворах по всей стране уже прошли либеральные хрущевские времена, а на партийный трон только что вступил еще либеральный «ранний Брежнев», но затаившиеся потомки князей и графов по привычке не торопились оповещать своих детей.

◆ Казначей Калишской губернии, действительный статский советник** Петр Иванович Соколов, несмотря на воскресный день, с самого утра находился в присутствии и в непрерывных делах. Только отдав самые срочные распоряжения, он на четверть часа затворился в кабинете, имевшем несколько разоренный вид: створки шкафов открыты, ящики рабочего стола выдвинуты, а все сколь-либо важные деловые бумаги, папки и скоросшиватели с перепиской еще загодя были упакованы одним из сторожей в пачки, обвязанные бечевой. Теперь же они занимали весь большой совещательный стол зеленого сукна.

Казначей с грустью осматрел вдруг ставший таким неудобным кабинет, подошел к большому фасадному окну, стекла которого заметно вздрагивали от нежданной орудейной канонады, так не гармонировавшей с прекрасными последними днями августа. Да, все кончено, по крайней мере, для него и семьи. Вчерашние газеты, доставленные из Петрограда — так уже почти месяц по-новому именовалась столица империи — читать без слез было невозможно: войска Людендорфа уничтожили под Танненбергом*** 2-ую армию Самсонова, взяв в плен почти 100000 русских солдат и офицеров... Поначалу удачный натиск Самсонова на Пруссию завершился начавшейся потерей Царства Польского. Сам командарм застрелился.****

Западные губернии русской Польши после танненбергской катастрофы оборонять было практически нечем, а Калиш — всего в нескольких десятках верст от прусской

* В результате либеральных реформ Александра II, очевидно, копируя английскую систему, вновь присваиваемый титул графа формально был заменен на двойную фамилию. Опять же по английской системе двойные фамилии, равнозначные титулу графа, давались, как правило, за военные подвиги и научные открытия; отсюда Семенов-Тянь-Шанский, Тимофеев-Ресовский...

** То есть управляющий губернскими финансами; действительный статский советник, согласно табели о рангах Российской империи, в гражданской службе соответствовал чину генерал-майора.

*** Это символично; в 1410 году там же в Грюнвальдской битве литовцы в союзе с поляками и русскими разбили наголову тевтонский орден...

**** Это самое крупное сражение начала войны на Восточном фронте было оболгано Солженицыным в «Августе 14-го». Правдивую же картину дала американская писательница Барбара Такман («Августовские пушки»).

границы — был и вовсе обречен. С самого 1 августа, с объявления Германией войны, Петр Иванович был готов уже к самому худшему развитию событий, но разгром армии Самсонова превзошел и это худшее...

Не в характере исправного служаки, сорокапятилетнего потомственного дворянина из захудавшего еще до Смутного времени древнего боярского рода Соколовых было ругмя ругать министров и всю правящую верхушку, что стало почти модой с русско-японской войны, столыпинских виселиц и «государственного наездничества» графа Витте-Полусахалинского... ох и язвителен русский народ: скажет как припечатает; так в его устах Витте и получил второе «графские» звание, то есть уничижающую двойную фамилию... Нет, ругательную моду-поветрие он не одобрял, хорошо понимая, что все люди, включая и высочайших персон, лишь пешки в величественном и кровавом движении мировой истории.

...Но ведь могли же в генштабе и в многочисленных тыловых управлениях и службой в мобилизационных планах более четко предусмотреть и подготовить эвакуационные мероприятия? Особенно для приграничных с Германией и Австро-Венгрией губерний. Конечно, через месяц-другой планы эвакуации имущества и людей начнут действовать для центральных и восточных губерний Царства Польского, но сейчас-то, в Калише под дулами надвигающихся германских пушек каждый в своем ведомстве варится в собственном соку.

◆ Впрочем, по министерству финансов план вывоза ценностей — всех активов, золота, ассигнаций и ценных бумаг — поступил к нему еще 10 августа, но план черновой, абрисный. Соколов тотчас телеграфировал в Петроград, объясняя сложность ситуации. А сложность эта того свойства, которое очень даже приятно в мирное время, а в условиях войны, да еще при невероятной близости города к неприятельской границе, весьма хлопотно. То есть все дело в том, что во вверенном ему казначействе активов скопилось, пожалуй, не менее чем в столице Царства Польского.

Хотя калишская губерния небольшая по размерам, по площади в десять тысяч квадратных верст чуть не вдвое меньше его родной калужской губернии — тоже невеликой, но при населении в полтора миллиона жителей являлась важным центром промышленности и торговли Западного края. После урожайного прошлого года и расширения производства на многочисленных суконных фабриках активы казначейства едва не удвоились. Опять же солидные поступления давали таможенные сборы, даже несмотря на перипетии последних лет, связанные с «таможенной войной» между Россией и Германией.

В пространной депеше казначей даже слегка вышел за рамки, дозволенные субординацией, намекая, что вывоз активов из Калиша следовало бы произвести сразу после объявления императором всеобщей мобилизации, обосновывая такие действия следующим. Во-первых, в худшем случае развития военных действий из всех десяти польских губерний именно калишская окажется на острие удара новых тевтонов. Во-вторых и в основных, германское командование прекрасно осведомлено о значительных ценностях калишского казначейства, поэтому постарается занять город с ходу, отрезав дорогу на Варшаву. И, наконец, «господин министр, вне всякого сомнения, осведомлен о, мягко говоря, не совсем дружественной позиции некоторой части польского населения, активизировавшейся в условиях войны».

Из министерства ответили в том смысле, что озабоченность губернского казначея понимают, но, ввиду благоприятной обстановки — бои идут на территории Пруссии, — не следует торопиться, создавая панические настроения. В любом случае до Варшавы триста верст... И так далее.

Спохватились в Петрограде только после катастрофы со 2-ой армией, но было поздно. Как и предполагал Петр Иванович, немцы первым делом перерезали дорогу

на Варшаву... В последней, позавчерашней телеграмме из министерства настоятельно указывалось: золото обязательно вывезти, а ассигнации и ценные бумаги, если не будет иной возможности, уничтожить.

◆ Размышления казначея перебил вбежавший казачий подъесаул:

— Ваше превосходительство! Через час-полтора наша пехота покидает позиции и уходит по южной дороге. Прикажите начинать!

— Да, пожалуй... раз вчера не успели, то давайте. С богом!

А весь вчерашний день был потрачен на спешные дела. Нужно было вытребовать у воинского начальства полусотню казаков, а от интендантства добиться выделения лошадей и повозок — тех и других исправных, ибо, минуя Варшаву, золотой запас было предписано министром везти в Петроград.

Сразу пришлось отказаться от вывоза ассигнаций и ценных бумаг: поезд повозок растянулся бы неимоверно, привлекая внимание как населения, так и многочисленных немецких лазутчиков. Потом везти в прифронтовой зоне мешки с ассигнациями рискованно и по известной воровской причине.

Как это ни покажется странным, но сложности возникли и с уничтожением сотен пудов ассигнаций и ценных бумаг. В здании казначейства действовало духовое отопление, поэтому в двух подвальных печах сжечь все не представлялось возможным. Невозможно было и развести костры на улице: казначейство не имело внутреннего двора. Выход подсказал товарищ* казначея в чине надворного советника, его приятель еще по прежней службе в Смоленске Василий Григорьевич Квасников: обильно облить бумаги кислотой. Вместе и решение нашли: тюки с ассигнациями и прочими бумагами всем казначейством полдня сносили в подвальный этаж, где имелся поместительный погреб, хорошо облицованный старинной кирпичной кладкой, с люком наверх. Под вечер вытряхнутыми из тюков бумагами служители набили погреб на две трети его высоты.

Серную же кислоту в трехведерных стеклянных бутылках, обложенных соломой, привезли на подводах с фабрики Лютецкого: она в большом количестве используется в сукновальном производстве. Феликс Осипович являлся семейным другом (через жену) Петра Ивановича, поэтому в просьбе не отказал и даже деликатно не поинтересовался странной просьбой.

Благодаря фабриканта по телефону, Петр Иванович тоже лишних вопросов знакомцу не задавал: как он собирается распорядиться семьей и фабрикой, имея в виду уже близкое вступление немцев в город. Повесил трубку на рычаг, дал отбой и вспомнил малоприятное: уже третий день на службу и даже домой звонят разные люди с уговорами и угрозами. В обоих случаях от него требовалось не вывозить активы казначейства, а передать их немцам при вступлении в город. Обещали в случае выполнения награду от кайзера, поместье и равноценную должность; в случае же невыполнения — публичную казнь.

◆ Отдав распоряжение подъесаулу, Петр Иванович в течение двух с лишком часов самолично наблюдал за действиями своих служителей и казаков. Последние под командой своего начальника выносили из хранилища золотые слитки, зашитые в полотно, и монету в рогожных двухпудовых мешочках, укладывали все это в повозки, накрывали брезентом. С утра хорошо покормленные лошади перебирали копытами, готовясь в неблизкий путь. Рядом коноводы попридерживали казачьих верховых.

Казначей зашел в подвальный этаж, смахивая слезы с защипавших от серного пара глаз. Служители, раскупоривавшие бутылки и выливающие кислоту в люк погреба, из которого этот пар валил, работали в ватных рукавицах и респираторных повяз-

* В царской России товарищем официально именовали первого заместителя чиновника — руководителя учреждения.

ках, вместе с кислотой привезенных с фабрики Лютецкого. Сам Феликс Осипович распорядился выдать, явно догадываясь о назначении запрошенного химического продукта.

Подъесаул доложил об окончании погрузки, а служители, вылив в погреб последнюю бутылку, вышли из здания, сняли респираторы и, как рыбы на суше, глотали воздух. Казначей попрощался с Василием Григорьевичем, который отправлялся с обозом старшим (семью он заранее отправил в Смоленск), обменялся рукопожатием с подъесаулом, перекрестил троекратно казаков, разбирающих своих коней. Спешенные же расселись по повозкам. Через несколько минут обоз скрылся за соседним зданием гимназии, взяв путь в сторону южной дороги — в объезд занятого немцами участка варшавского шоссе.

Отпустив со словами прощания служителей, Петр Иванович самолично закрыл на замок парадную казначейства, также троекратно перекрестился и пошел домой.

◆ На улицах города пустынно, необычно жаркий в конце августа воздух застыл, редкие прохожие не шли, а-а... так и хотелось сказать: вышел из дома, тревожно оглянулся и прошмыгнул. Словом, все как перед бурей или грозой. Канонада с запада и северо-востока, где пруссаки обошли город и перерезали дорогу на Варшаву, совсем затихла. Даже одиночных винтовочных выстрелов не доносилось. Это значило одно: последний русский взвод снялся с позиций и ушел в южном направлении, а немцы, выждав пару часов, опасаясь маловероятного маневра-провокации, вот-вот войдут в Калиш. Скорее всего, с обоих направлений, но уже раздосадованные: лазутчики из местных успели сообщить, что казначейское золото вывезено. Чему им радоваться? В стратегическом отношении город при мелководной Просне неинтересен. Казначей хорошо знал местную топографию, в прошлый отпуск из любознательности две недели пробродил с любительской археологической экспедицией гимназического учителя географии Варфоломеева: в Велюнском, Турекском и Конинском уездах, а также близ Варты и Здунско-Воли местность прямо-таки усыяна могильными курганами. Как объяснял Варфоломеев, курганы эти относятся еще к временам ранних пруссов* и мазурских племен.

Понимая, что, скорее всего, он последний раз свободно идет по улице, Петр Иванович нарочито замедлял шаг, обычно размеренный и упругий, какой только и может быть у сорокапятилетнего здорового телом и душой мужчины — в расцвете сил и ума. За решетчатой оградой особняка Бантышевского уже зеленела крашеным железом крыша его дома, поэтому, сузив шаг едва не до полуаршина, Петр Иванович кратко подвел итоги, как приучила профессия: методично, четко, выверено.

Распоряжение министра финансов он выполнил. Вне всякого сомнения, казачий конвой с золотом уже в расположении наших войск, занимающих после отступления линию обороны в десяти верстах на юг и юго-восток от Калиша. А дальше Квасников и подъесаул мигом домчат до Петрограда, благо там их ожидают ордена и солидное денежное вознаграждение. Но это к слову; оба и без денег с орденами долг свой выполнят.

Итак, он приказ выполнил — относительно служебных дел, а ведь приказа покинуть город и казначейство ему не было? Может, молчаливо предполагалось, что теперь он волен поступать с собой как хочет? Как обстоятельства сложатся? Уехать с конвоем не мог ввиду многочисленности семьи. А почему, как тот же Квасников и другие видные чиновники города, он заранее не отправил семью в Калугу, Смоленск или Петроград, где имелись родственники?

Но здесь-то все замкнулось в неразрывный круг. Елизавета Николаевна наотрез

* Балтийское племя, родственное литовцам, было полностью уничтожено в начале второго тысячелетия немецкими орденскими рыцарями. Осталось (как и Бורуссия) только географическое название.

отказалась уезжать без мужа, тем более что пятеро по лавкам, престарелая мать, прислуга, а главное, только-только восьмимесячный Георгий оправился от затяжной простудной болезни. Это первая половина круга, вторая же — приказ из министерства, который он только что выполнил.

Как получилось, так и получилось; в конце концов, он человек партикулярный, долг свой выполнил по гражданской части; не шпион, не лазутчик... При всем своем тевтонском прошлом нынешние германцы — народ высокой культуры, сами дисциплину исполнения уважают, так и чужую должны понять!

И еще он невольно пожалел, что два года тому назад согласился на перевод к Калиш. Тем более что это был не приказ, а предложение. И согласился, учитывая повышение в должности и генеральское звание. Не честолюбив от роду был, но следовало думать о будущем четырех детей (Георгий еще не родился): образование хорошее дать, дочерей замуж выдать. Потом и им с Елизаветой Николаевной, всю жизнь кочующим, совсем не лишним будет провести старость в небольшом имении...

Петр Иванович отворил дверь в переднюю и вошел в дом, почему-то ощутив глубочайшую усталость, а голова зудела: успел-таки надышаться серными парами в подвале казначейства.

◆ «Я выполнил свой долг», — только и сказал Петр Иванович супруге. Сославшись на усталость, отказался от обеда, прошел в кабинет и лег на диван. Елизавета Николаевна тревожно проследовала за мужем. Тот убрал ладонь, закрывавшую глаза от солнечных лучей, пробивавшихся через полупрозрачную оконную штору, успокоил, как мог, жену, добавив, что в *случае чего* она может обратиться к Лютецкому: поможет, чем сможет.

Через открытую форточку окна донеслись громкие голоса. Услышав немецкую речь, Елизавета Николаевна побледнела, но внешне волнения не выказала. Как привыкла в жизни.

Еще не успев встать с дивана, Петр Иванович услышал характерные быстрые шаги горничной Насти. Затем послышалось и грубое топанье подкованных сапог. Настя открыла дверь и хотела войти, но ее оттолкнул немецкий унтер, сопровождаемый двумя солдатами с винтовками в руках. Оба Соколовых хорошо знали по-немецки, а Елизавета Николаевна и вовсе преподавала его раньше в женской гимназии. Впрочем, унтер с кайзеровскими усами был краток:

— Директор казначейства Соколов? Идите с нами к майору Прейскеру, немедленно!

Побледневшая, но державшая себя в руках, Елизавета Николаевна вышла вслед за мужем и конвойными в гостиную, где уже собрались все дети, а кормилица вынесла из детской посапывающего во сне Георгия. Петр Иванович остановился, вздохнул, перекрестил всех домашних поочередно, подошел к кормилице и поцеловал младенца в лобик, губами чуть сдвинув чепчик.

— Прощайте, мои родные... а может, и до свидания, это как Бог распорядится. Берегите друг друга.

Старшие дочери заплакали, а Петр Иванович, обняв жену, решительно повернулся и пошел к выходной двери, опережая солдат, закинувших винтовки за спины.

◆ Батальон майора Отто Прейскера первым вошел в оставленный русскими войсками Калиш. С батальоном шел и назначенный комендантом города гауптман Ругисвальде в сопровождении приданного ему нестроевого взвода. У заставы обе команды разделились по заранее оговоренному плану: Прейскер со своим штабом отправился к ратуше, а комендатуру определили в здании таможенной конторы.

Не заходя еще в ратушу, Прейскер послал надежного вахмистра с двумя солдатами на квартиру казначея, придав в провожатые подвернувшегося под руку пацана.

В само казначейство идти смысла не имело: осведомители уже обо всем подробно рассказали. Но для порядка все же откомандировал туда лейтенанта с отделением солдат. Только после этого вошел в здание. Заняв кабинет городского головы и отдав необходимые распоряжения своему заместителю и батальонному квартирмейстеру, остался один, нахмурился. Хотя и не по его вине, но задание, по причине которого батальон был послан в город в нарушение общей диспозиции наступающих войск, выполнено не было. Прейскер невольно скосил глаза на пустое место под правым карманом мундира. А ведь уже через пару дней там мог появиться боевой крест!

Посланные вахмистр и лейтенант вернулись одновременно: офицер с пустыми руками и частым кашлем от паров серной кислоты, а унтер с Соколовым. Оставшись наедине с казначеем, Прейскер с минуту молчал, глядя поверх головы Петра Ивановича, затем сухо осведомился о его чине и для проформы о должности. Услышав о генеральском звании допрашиваемого, удивленно поднял правую бровь:

— И вы, имея такой высокий чин и прекрасный послужной список, решились в один миг все потерять? Мы же с вами люди цивилизованные, дворяне — каждый в своем отечестве; оба мы понимаем: войны прерогатива высокой политики, а всякий там патриотизм, долг перед государем и прочее — это для масс в шинелях и в пальто, в гимнастерках и в суконных пиджаках. А потом, есть писанные и неписанные правила войны для европейских стран. Одно из них гласит: воюют военные, а гражданское население соблюдает нейтралитет. Оно морально освобождается от ответственности по ранее данным обязательствам. Это имеет прямое отношение к вам, господин действительный статский советник. Вернее... имело бы, поступи вы разумно, не подавшись псевдопатриотическим эмоциям. Теперь, увы, вы совершили преступление перед Германией, нанесли ей вред. Ладно, о себе не подумали, но ведь семья...

— Послушайте, герр майор! Вы не на лекции в Гейдельберге. Дело сделано, о чем тут рассуждать. Если у вас есть конкретное предписание в отношении меня, то и исполняйте его. Тоже мне... Понтий Пилат.

Прейскер резко встал, лицо его вмиг побагровело. Он молча обогнул стол и тоже вставшего Соколова, приотворил створку двери и крикнул давешнего лейтенанта. Тот явился с конвойными солдатами.

— Лейтенант, выведите этого... на площадь, пусть солдаты поработают над ним прикладами, а потом расстреляют. Все, идите!

◆ Елизавета Николаевна не находила себе места, что при ее сдержанном характере было вдвойне тяжелее. Прошло два часа, как увели мужа; она решила действовать. Приказав старшим дочерям и прислуге из дома не выходить и смотреть за младшими детьми, она вышла на улицу, остановила удачно попавшегося ей извозчика, едва ли не единственного осмелившегося в этот день выехать за заработками, спросила о местопребывании главного немецкого начальника. Извозчик, слышавший, что комендатуру устроили в бывшей таможенной конторе, и повез знаемую им жену пана казначея туда.

Комендант города гауптман Ругисвальде стоял у растворенного фасадного окна и видел даму, привезенную извозчиком, направившуюся к входу в здание. Через минуту в комнату вошел ординарец и доложил о визитерше. Руисвальде кивнул головой, дама вошла и отрекомендовалась женой губернского казначея Соколова. Волнуясь, она начала было рассказывать об арестованном муже, но гауптман перебил ее, дескать, ее мужем комендатура не занимается, все в ведении майора Прейскера. Чуть помедлив, комендант порекомендовал посетительнице идти на площадь к ратуше:

— ...Фрау Соколова, если вашего мужа на площади нет, то значит, он жив. До свидания!

Елизавета Николаевна, более не слушая офицера, бросилась к выходу, села с бричку извозчика, которому велела ждать, направляясь в комендатуру:

— Скорее на ратушную площадь!

Уже на самом въезде на площадь Елизавета Николаевна поняла: случилось непоправимое. Немногочисленные зеваки понуро расходились, а на краю площади, напротив здания ратуши, у каменного забора костела стояли два солдата с карабинами при штыках, а между ними на брусчатке лежал... Елизавета Николаевна со сдавленным криком бросилась к трупу мужа, но солдаты скрестили карабины с плоскими штыками, преградив путь. Стоявший поодаль лейтенант поспешил к ним:

— Проходите, фрау, проходите, здесь останавливаться не положено — приказ герра майора.

— Но это муж мой!

— Все равно проходите... могли бы и остановить его от опрометчивого шага.

— Но дайте хоть проститься, потом, ведь похоронить нужно?

— Расстрелянный будет здесь находиться до утра, а родственникам трупы преступников не выдаются. Похоронят без вас. Лучше о себе подумайте.

Последнюю фразу лейтенант произнес скороговоркой, опасливо посмотрев на ратушу. Голова Елизаветы Николаевны закружилась, в глазах потемнело. В чувство же она пришла только в автомобиле; ее бережно поддерживала Ядвига, жена суконного фабриканта Лютецкого, единственная, пожалуй, ее подруга в Калише. Скоро подъехали и к особняку Лютецких.

Подождав, пока невольная гостя придет хоть немного в себя, Феликс Осипович сообщил:

— Елизавета Николаевна, о сочувствии и прочем говорить не буду. Петр Иванович — истинный герой, но дело еще серьезнее. По достоверным сведениям Прейскер за свою неуспешность вполне может быть понижен в звании, поэтому лютует без предела: женщины, дети... он ни перед чем не остановится, прусская скотина! Извините. Словом, сегодня же с наступлением темноты, взяв только самое необходимое в дороге, вы с детьми и кормилицей выйдете из своего дома через черный вход и перейдете через дорогу к скверу. Там вас будет ждать моя машина, не та, на которой сейчас ехали, а «бугатти» — в ней все разместится. Наши войска всего в десятке верст на юг, а шофер мой довезет к утру до Варшавы и посадит на петроградский поезд.

— Почему до Петрограда именно? Я думала...

— Именно до столицы и прямо на прием к министру: пенсию за мужа, извините, оформить, жить-то ведь на что-то надо, детей воспитать и обучить. Насчет Петра Ивановича не беспокойтесь, похороним. И на Прейскера есть управа, в конце концов.

...Через двое суток семья покойного калишского казначея прибыла в Петроград.

◆ Государь Николай Александрович сразу после окончания четвертьчасовой (столь короткой по напряженному военному времени) аудиенции, данной по просьбе министра финансов вдове калишского казначея, некоторое время молча смотрел в окно на Неву. Молчала и Александра Федоровна, жестом отпустив старших дочерей и обер-фрейлину. Престарелый министр двора граф Фридерикс, потоптавшись, сам вышел: с началом войны дворцовый обиход значительно упростился.

Император еще раз мысленно продумал распоряжения, только что отданные в присутствии вдовы: ежегодная пенсия в три тысячи рублей, казенная шестикомнатная квартира на Большой линии из дворцового имущества — пожизненно, с бесплатной же прислугой и конным выездом; сыновей, исключая младенца, по их желанию, в морской кадетский корпус и в Михайловское юнкерское, соответственно. Дочерей он поначалу предложил в Смольный институт, но более практичная в житейских делах Александра Федоровна мягко воспротивилась:

— Мне кажется, что больше подойдет институт Ксенинский, благо он и рангом теперь не ниже Смольного. Потом... как-никак, но им дальше без главы семьи жить,

чего им во фрейлинах делать? А в Ксенинском добротное высшее педагогическое образование получают — серьезную женскую профессию.

Государь не возражал, объявив на прощание вдове Елизавете Николаевне, что подвиг ее мужа всегда останется в памяти августейшего семейства, но главное — в благодарной памяти всех православных и подданных Российской империи.

...Оторвавшись от лицезрения уже подернутой в приближении осени мелкой рябью Невы, император, ничего не сказав более царице, вышел из малой приемной залы, прошел в кабинет, приказав дежурному адъютанту позвать министра двора и связать по телефону с министерством внутренних дел. В течение ближнего получаса он отдал необходимые распоряжения.

Уже на следующий день в утреннем и вечернем выпусках «Биржевых ведомостей», равно как и в последующих сентябрьских номерах виднейшей российской газеты, а затем в ближайших выходах журналов «Огонек» и «Нива»* были помещены подробные очерки о подвиге действительного статского советника, богато иллюстрированные фотографиями Петра Ивановича, членов его семьи, видов города Калиша — из семейного альбома, в числе самых дорогих и ценных вещей взятых Елизаветой Николаевной при ночном бегстве из оккупированного города.

Тогда же, в сентябре месяце, все газеты России привели и указ императора — в форме подробной выписки из дворцового архива — о наречении погибшего казначея Героем России и даровании ему, всему семейству и потомству по нисходящей линии двойной фамилии Соколовы-Калишские со всеми проистекающими из этого дворянскими и гражданскими правами. В указе содержалось и определение об установке герою памятника в Калише после его освобождения от тевтонов...

Так бывший губернский казначей после смерти стал последним графом Российской империи, которой и самой оставалось существовать последние годы.

◆ Избитый солдатскими прикладами, но держась на ногах, Петр Иванович, следуя указанию лейтенанта, лихорадочно зажигающего сигарету за сигаретой, подошел к стене ограды костела, прислонился к ней спиной, стараясь не упасть на твердое сломанными ребрами. Напротив, в десяти шагах, выстроилось полуотделение. Лейтенант, скрывая невольное волнение, стал сбоку и подал команду. Солдаты взяли карабины с примкнутыми плоскими штыками наизготовку. Лейтенант, не имея от майора Прейскера инструкции зачитывать обвинение, равно как и самого текста, поднял правую руку для команды и на четверть минуты замер, что-то обдумывая.

В наступившей тишине и сама боль от побоев покинула на предсмертный миг Петра Ивановича. Остро он почувствовал полное одиночество, должно быть и потому, что всю жизнь, сколько помнил себя, одному оставаться не приходилось. А в последние двадцать лет и вовсе: на службе вокруг него постоянно толклись чиновники, дома — все растущая семья, прислуга, гостящие родственники его и супруги Елизаветы Николаевны.

...А вот наступил короткий миг одиночества: одного и единого перед расстрельными солдатами, тщетно скрывающим понятное волнение молодым лейтенантом рейсхвера**, редкими зеваками, не убежавшими в ужасе с ратушной площади.

Не было в душе страха перед неумолимой кончиной, как не было и неких высоких мыслей — это из читанных романов, перед глазами героев которых последний миг жизни вся она заново повторялась. Жизнь, к сожалению, завершилась: любил жену и детей, чтил государя, был усерден в делах служебных. Если хорошо разобраться, то и сегодняшний свой поступок он не облакал в тогу героизма: опять же дело служебное,

* Самые популярные и массовые журналы того времени, выходившие еженедельными выпусками.

** Вооруженные силы Германской империи.

присягой царю освященное. Главное — чтобы о семье казна позаботилась, этого-то дети и Елизавета Николаевна заслужили через его верность долгу.

...А награды посмертные, памятники, как Ивану Сусанину? Ну их, награды и памятники эти. Нет в нем тщеславия. Хорошо если память о нем поколение-другое сохранится. Но и на это надежды особой нет: царство это от мира сего, а скоро ему и вовсе конец. Не был действительный статский советник разговорным политиком, но хорошо понимал: мир уже не тот, и русская империя после волнений и думской реформы 905-го года обречена. Вряд ли эту войну с германцами выстоит.

Одиночество... боже, какое одиночество в этом мире? Даже и от семьи отъединили. Семья! — Вот о чем думы его должны сейчас быть...

Но думать и жить ему более отпущено не было; раздалась команда срывающимся голосом лейтенанта: «*Фойер!*»^{*} — и от мира отлетела еще одна душа. Одинокая в этот миг.

◆ Все предсмертные мысли Петра Ивановича в части памяти людской исполнились в точности. Памятника ему не поставили ни при Пилсудском, ни при генсеках Польской Народной Республики, ни в нынешней, вновь быстро обуржуазившейся Польше: вечен спор славян между собою, как провидчески заметил Пушкин, и полякам не нужны русские герои. Только калишские обыватели уже в пятом поколении хранят память, даже в какой-то «переходный период» сумели перезахоронить останки бывшего казначея на ратушной площади — на месте расстрела.

Про отечество родное и говорить нечего: после 17-го года никто из потомков Петра Ивановича не решился носить двойную фамилию. Многих детей и внуков Соколова-Калишского судьба занесла в иные веси; только на могильных плитах Америки, Японии и других стран стоит эта фамилия полностью. В родной калужской деревне дожила до начала XXI века, перешагнув столетний возраст, вторая дочь Петра Ивановича, названная в честь матери Елизаветой. А совсем недавно умер в Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк, и Георгий — последний из детей, с первого до последнего дня Великой Отечественной воевавший на Ленинградском фронте и эмигрировавший в США в самом начале 80-х годов.

... Плохо в России в последние девяносто лет с памятью, ох, плохо!

^{*} Огонь! (нем.).

КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН

Яков Шафран
(г. Тула)
Андрей Каретников
(г. Тула)

**ГЛАВЫ ИЗ НОВОГО
РОМАНА
«КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»***

Яков Шафран

Андрей Каретников

* * *

Вдоволь наговорившись, друзья сели в машину и продолжили свой путь на кладбище. Оно возникло несколько десятилетий тому назад на большом пустыре, и было видно с любой возвышенной точки города, которой являлся и верхний этаж расположенной на холме девятиэтажки, где у Курилова была квартира. Летом взору открывалось белесое на фоне зелени пространство, блестящее на солнце своими шлифованными гранитными, мраморными и — победнее — из нержавеющей стали памятниками и никелированными оградками.

За время своего существования кладбище разрослось и превратилось в настоящий город мертвых со своими улицами, кварталами и площадями. Со своей особой жизнью, основанной на трех так называемых кладбищенских столпах: на захоронении усопших и заботе родственников о могилах; на зарабатывании денег от услуг, предоставляемых родственникам, и на мелком воровстве.

Последнее всегда процветало здесь. Воровали цветы, венки, металл и прочее, что плохо лежало и представляло хоть какую-то ценность...

Царящая у входа реклама — вывески фирм, фирмочек, магазинов и ларьков, — длинные ряды искусственных и, реже, живых цветов, и прочее, необходимое в таком месте, — все это привлекало внимание пришедших для похорон или ухода за могилами людей.

Курилов с Переверзевым, припарковав машину и взяв все нужное, неторопливо шли сквозь негромкие многоголосые призывы приобрести товар, как обычно, лучший именно у данного продавца. Их внимание привлекла старушка, продававшая

* Продолжение. Начало в №№ 1, 3 и 4, 2012 г. Действие романа охватывает период с 1913-го по 2009 год, и события происходят как бы параллельно — и в далеком, и недалеком прошлом, и в настоящем.

искусственные цветы. Она сидела, потупив взор, и скромно молчала, натруженные руки ее лежали на коленях. Одежда была простой, но аккуратной и чистой. Друзья остановились, старушка подняла на них глаза и улыбнулась. Все лицо и синие лучистые глаза светились спокойствием и доброжелательностью. Друзья купили у нее несколько букетов и, поблагодарив, — может быть, больше за тот свет, который она им подарила, чем за цветы, — направились к входу.

Могилы их родителей находились в разных и достаточно отдаленных местах, поэтому, чтобы сэкономить время, они решили, поухаживать каждый за могилами своих, а потом созвониться и встретиться. Улочками и переулками «города мертвых», города памятников и оград Андрей добрался до могилы матери. С портрета глаза ее глядели так же мягко, ласково и всепрощающе, как и при жизни. Андрей мысленно поздоровался с мамой и присел на лавочку. Сколько лет уже прошло, но она была для него по-прежнему живой, как в те далекие годы, когда он подростком остался один — отец, конечно, был не в счет...

Андрей отвлекся от воспоминаний. Взяв тяпку, он разрыхлил землю на могиле, прополов сорняки, посеял рекомендованную Игорем траву, семенами которой тот его снабдил. Потом полил из лейки водой, принесенной из колонки, подкрасил ограду, подправил и покрасил лавочку и поставил к памятнику букет цветов.

Время за работой пролетело быстро. Закончив, он омыл оставшейся водой руки и снова мысленно пообщался с мамой, попросил прощения за свои редкие в последнее время приходы к ней. И вдруг почувствовал, как теплая волна прошла сквозь него, и одновременно с этим услышал как бы внутри себя мамин голос: «Андрюшенька, я очень тебя люблю и хочу, чтобы ты был счастлив!»

Андрей не был верующим человеком и в рассказы о загробном мире не верил. Но произошедшее с ним сейчас было настолько явственным и реальным, что поколебало его убеждения. Курилов некоторое время постоял в раздумье — что бы это могло быть? — но постепенно природный скептицизм стал брать верх и услужливо предложил сознанию свой довод — почему же раньше за все эти годы после ухода мамы ничего подобного не было, ни во сне, ни наяву? — значит, показалось.

Вечное, как мир, стремление человеческого сознания приписывать духовным, метафизическим явлениям логику мира физического, материального! Вот и сейчас, — если раньше такого никогда не происходило, значит, этого не может быть и теперь. А того, что в прошлом человек не был открыт для такого контакта, а сегодня — по совокупному состоянию сердца, души и разума, которое, возможно, было ему неизвестно ранее, — стал доступен, человек понять не умеет. А раз так, то отрицает и саму подобную возможность.

И снова теплая волна, уже без внутреннего голоса, накатила на Андрея, объяла его всего, напрочь смыв все скептические размышления, пронесшиеся за эти несколько мгновений в его голове, оставив вместо себя растерянность. Постояв еще немного, он, поклонившись, попрощался с матерью, позвонил Игорю и, собрав принадлежности, зашагал к выходу, внутренне пообещав себе подумать обо всем на досуге и разобраться.

Переверзев уже ждал его, и они направились на автостоянку.

Путь до дороги, ведущей в Каширу, прошел в молчании. Друзья лишь изредка обменивались впечатлениями от пейзажей, проплывавших мимо строений и ситуации на дороге.

Расстояние от Патрусевска до Коломны равно ста пятидесяти семи километрам, что по времени занимает примерно час сорок — час пятьдесят нормальной езды без задержек и остановок. Путешественникам предстояло проехать через Узелково, Мо-

кинск, Серебристые Пруды и далее в Каширу, из Каширы в Клишино, через Оку в Озеры и вдоль Оки в Коломну.

Стояла ясная солнечная погода, и открывающийся простор дарил им сегодня неповторимые по своей среднерусской красе виды. Разве заметишь такое небо — во всем его объеме и великолепии — в городе? Никак нет, как говаривали в армии. Чистый купол неба по краям был в живописных кучевых облаках, что порождали в воображении образы людей, животных и сказочных персонажей, благодаря различным оттенкам — от белого и до темно-серого. Казалось, они находились в постоянном движении, борьбе, видоизменяясь буквально в течение нескольких мгновений. А вот на противоположной стороне неба — облако в виде дракона, летящего с открытой огнедышащей пастью, с длинным хвостом и светящимися в лучах солнца поднятыми во взмахе мощными крыльями.

Неповторимый облачный живописец — солнце. Желтые, розовые, золотистые со всеми их переливами и переходами краски оно кистью-лучом наносит на холст неба. Вот плывет рыба кит, окруженная сонмом рыбешек в блестящей чешуе. А в стороне, глядит на все это голова великана, обращенная затылком к солнцу, с ярко освещенной кроной волос.

Не менее красивы проплывающие мимо и земные пейзажи. Андрей долго любовался березой, отдавшейся ветру, прогнувшейся как партнерша в танце под его напором. А он, радуясь своей любовной власти, быстро ведет ее, и ветви с листьями, как волосы и развевающееся платье, создают неповторимый шлейф этого движения.

Неповторима и прелесть прозрачной березовой рощи, медленно движущейся вдаль вслед березе-танцовщице. Но вот машина въезжает в лесистое место. И деревья, почти вплотную обступившие шоссе с обеих сторон, по мере приближения машины, словно подбегают, пытаясь что-то сказать, но, не успев этого сделать, в мгновение расступаются-разбегаются и останавливаются позади, с сожалением, молча провожая путников, так и не успев рассказать им что-то свое, у каждого — самое важное.

И снова простор — палитра всех оттенков желтого и зеленого на полях и лугах, окаймленных полосами леса, рощами и рощицами, в которых порой можно увидеть удивительную игру света и тени, подобную той, которую отражал Куинджи на своих полотнах.

Андрей пожалел, что не взял с собой ни видеокамеру, ни фотоаппарат — такие уникальные виды попадались им. Чего стоят, например, три дуба, растущие полукругом на поляне на некотором расстоянии от рощи, словно три брата-воина вышли сразиться с богатырями супротивного войска. Или две старые березы по обе стороны тропинки, ведущей от шоссе к видневшейся вдаль деревне, наклонились друг к другу, будто две старые закадычные подруги встретились и ведут беседу.

Игорь тронул за рукав и показал налево. Они проезжали мимо небольшого, но чистого пруда, по обе стороны которого к воде склонились ивы, а на дальнем берегу, на некотором отдалении от воды стоял белый храм с большим зеленым куполом и вознесшейся ввысь колокольней. И храм с колокольней, и деревья, и небо отражались в пруду, создавая целой гаммой всевозможных оттенков зеленого и голубого живописную картину.

— Да, пейзажи здесь — песня! — восхищенно сказал Игорь.

— Просто сказка! — подтвердил Андрей. — А ты обращаешь внимание на указатели с названиями речек, деревень, сел, городков...

— Ты знаешь, нет...

— А зря! Интересные имена... Вот и Коломна, куда мы едем, тоже необычное и богатое по звучанию название...

— Андрей, вот я тут, еще раньше, думал, смотри: Калининград, Архангельск, Новосибирск, Владивосток — это понятные русские названия. А Кашира, Коломна?..

— Я из любопытства интересовался этим вопросом. Понимаешь, здесь переплелись финно-угорские, славянские и тюркские, а может быть, и какие-то более древние корни. Посему так загадочно, влекуще и напевно звучат эти имена — Колóмна, Тóла, Кóхма, Ока́, Угра, Колывáнь, Пахрá, Кашíра, Москва, Упá, Каля́зин, Таруса, Чéрусти, Касíмов, Кóлпино, Протвино́, Лыткáрино, Калúга, Костромá... Как о многом говорят они!

— Да, и вправду красиво!

— Существует много версий по поводу происхождения этих названий. Жители каждого города, городка, поселка, села и деревни передают или стараются отыскать древнюю легенду, порой добавляя в нее что-то от себя, которая объясняет почему их место жительства или река так именуются. Есть научные объяснения, а многие являются фантазией, игрой в звукосочетания и анализ слов, красивой выдуманной сказкой, но, тем не менее, выражением любви людей к своей малой родине.

— Понятно, люди всегда отличались способностью фантазировать... Ну, а в отношении Коломны, что слышно?

— Я почитал, порыскал в Интернете,— всегда, если куда-то еду, ищу материал об этом месте. Такая «вредная» привычка у меня.

— Разумно — и впечатления, и знания.

— Так вот, есть интересное предположение, что название города происходит от особенности протекания Оки. Вот Калуга строилась на широких зеленых лугах, среди которых спокойно текла маленькая, но глубокая река. «Ка-кие луга!» — якобы восклицали люди, отсюда название города. Потом Ока набирает силу и из маленькой превращается в широкую — «Ка-к шир-ок-а!» — на берегу ее появляется город Кашира. В районе Коломны река совершает крутой поворот по ломаной линии, то есть «ломается», отсюда и Коломна — «Ка-к лом-а-на!»

— Интересно и красиво, но, наверное, малонаучно. А что говорит наука о происхождении названий этих трех городов — раз уж их связала молва?

— Начнем с Калуги. По Далю слово «калуга» имеет значения: пойма, поемный луг, калач. То есть и по науке происхождение названия города Калуга связано с лугами. Имя Кашира, скорее всего, произошло от названия речки Каширки, которая впадает в Оку в этом месте. Что касается Коломны, то существует несколько версий. Согласно одной из них, Коломна — первоначальное название реки, произошедшее от слова, если не изменяет память, Коломья — глубокая колея, наполненная водой. А есть мнение, что имя города произошло от каменоломни, ведь рядом с городом добывали, или по-старинному — ломали — камень. Может, название имеет источником слова: коломень, коломенье, означающие границу, ведь Коломна в ту эпоху являлась приграничным городом между Московским и Рязанским княжествами; или происходит от финно-угорских «кол» — рыба и «колва» — рыбная река, что в результате языковой трансформации превратилась в Коломну. А еще возможно, что сначала возникло название реки Коломенка, то есть река «около менка» — по-старинному рынка, который действительно располагался на берегу этой реки, а уж потом и городу дали такое название.

— Вот и выбирай, кому что нравится.

— Пожалуй, так, ибо точно определить никто не может.

— А на чем мы остановимся? — спросил Игорь.

— Трудно сказать...

— И уже некогда, так как въезжаем в старинный и, нужно отметить, красивый русский город — Коломну.

Андрей впервые был в этом городе и с интересом глядел по сторонам. Чувствовалось уходящее вглубь веков скромное, не кричащее, но гордое его величие. «И не

суть важно, откуда происходит название», — думал Курилов. Он не был квасным ура-патриотом, а по-настоящему, умно любил свою землю и древний народ, населяющий ее, народ многонациональный и многоукладный по своим верованиям и культурным традициям, но имеющий единую образующую основу — русский народ, — и единый по материнскому своему рождению — ведь Мать-Россия для всех единственна, как мать, которую не выбирают.

* * *

За доброту и честность многие считали Андрея идеалистом. Он и вправду не принимал ложь, искал правды и, как все идеалисты, часто, обманываясь, впадал в апатию от негативных проявлений человеческой природы. Несмотря на молодость, не следуя новомодным веяниям, он относился к женщине, прежде всего, как к человеку. Поэтому все вышесказанное накладывало сильный отпечаток на его отношения с противоположным полом. И они от этого всегда были непростыми.

Вот и с Юлией другой на его месте тогда, после знакомства, уже давно закрутил бы роман. Тем более что прошел почти месяц с их первой встречи, той встречи, когда волна близости пронизала их обоих. Но Андрей все еще просто встречался с ней и ухаживал. Это не значит, что он не хотел ее как женщина. Юлия ему нравилась, и молодой организм требовал своего и довольно сильно. И он все время стоял перед «гамлетовским» выбором — отдаться страсти, овладеть нравящимся телом, а дальше — куда кривая выведет, или сотворить любовь? Гипертрофированная совесть звучала в нем. И говори теперь, что любовь — это не наиболее трудное испытание, выпадающее на долю человека среди прочих испытаний, если он, конечно, человек.

Сегодня вечером Курилов с Юлией гуляли в парке, держась за руки, и разговаривали.

— Утром просыпаюсь и вижу ваше лицо, как бы рядом. Вы мне нравитесь, Юля!

— О, это серьезно! — засмеялась она, весело, но с интересом глядя на него.

Андрей почувствовал, как в душе в ответ на ее улыбку и взгляд ожили и зазвучали тончайшие струны того инструмента, который никто никогда не видел, но каждый хотя бы раз в жизни, в самые важные моменты, чаще всего связанные с любовью, ощущал.

— Интересно, скольким же девушкам, вы говорили эти слова?

— Я не так любвеобилен, как вы думаете!.. Мы с братом, старшим на два года, остались одни без матери и отца, когда мне было четырнадцать лет. Мама умерла, отец ушел к другой, и нам с братом самим приходилось заботиться обо всем. Поэтому перед армией работал и после работы чаще всего бежал домой, памятуя о хулиганском прошлом. Была у меня тогда девушка, но... не дождалась меня из армии.

— Вы были хулиганом?

— Да, было дело... Родителей не было, родственники помогали, но ведь не жили с нами. Поэтому были предоставлены сами себе...

— Это уже нестандартно...

— А брата не уберег все же...

— Что случилось?

— Одного мальчишку избили до полусмерти. А Валерка был заводилой в этой драке. Ну, его и посадили... А насчет нестандартности вы правы, если учесть, что жили мы одни в частном доме. Поэтому рано пришлось заниматься многими хозяйственными вопросами... Потом армия, после армии — учеба на вечернем, я вам рассказывал, а днем — работа на стройке, плюс еще внеурочная «левая» работа и курсовые по ночам...

— Тяжко вам пришлось... Зато школа какая!

— Да школы по жизни хватило!.. Так что не до девушек было...

— А сейчас? — улыбнулась Юля и снова весело посмотрела на Курилова.

— Сейчас? Ну, конечно, после окончания учебы, времени свободного стало больше. Правда бывают и переработки, когда аврал, но это далеко не каждый день.

— Я рада за вас! Ну, и вы решили в свободное время заняться девушками? — Юлия чувствовала, что ее «несет». Андрей ей явно нравился, встречались они уже месяц, но еще даже не целовались — как-то не по-современному все. Она и сама была противницей «легкой» любви, но не до такой же степени. «Смотрит, смотрит, и не понятно — с одной стороны, звонит каждый день, часто приглашает на свидания, а с другой, никаких приятных слов и поползновений. Только сегодня впервые сказал, что нравлюсь!..» — подумала она, но промолчала, решив — пусть идет, как идет. Парень-то серьезный!»

— Когда я увидел вас тогда на улице, у кафе, и потом, когда мы стояли под навесом... ну, вы мне очень, очень нравитесь, Юля! — Курилов говорил и понимал, что не те все это слова, не так все нужно говорить, но ничего не мог поделать — не мастер он был в этом деле! А в душе чувствовал бесконечную, нарастающую волну тепла и нежности к этой девушке, каким-то десятым чувством считывая состояние ее сердца, полного преданности, нежности и того типа любви, которую принято называть материнской. По внешности и по манерам Юлия напоминала Андрею мать — и это только усиливало его чувства к ней.

Они подошли к высокому ветвистому каштану, росшему у развилки тропинок, недалеко от спуска к большому парковому пруду, что блестел невдалеке сквозь ветви деревьев и кустарника в лучах заходящего солнца. Юлия подошла к дереву и, прижавшись спиной к стволу, закрыла глаза.

— Как я люблю каштаны! — тихо сказала она. — Это мое самое любимое дерево...

— Юля, Юля... — тихо произнес Курилов, подойдя ближе. Она открыла глаза, и он увидел, что они немного подернулись влагой. «Сейчас или никогда! — подумал он, собираясь со смелостью. И, наконец, решившись, сказал: — Я вас люблю, Юля, дорогая моя!

Она чуть вздрогнула от его слов, но не отводила взгляда. А он все смотрел и смотрел в ее глаза — большие серо-голубые, полные нежности и тепла, — в которых читал ответ на свое признание. И этот ответ вдохновил его, может быть, на самый смелый поступок в жизни. Андрей подошел вплотную и, взяв ее руки в свои, сухими от волнения губами прикоснулся к ее таким же сухим, горячим губам. Некоторое время, не отпуская рук, они целовались, несколько отстоя друг от друга. Потом познания рук одновременно ослабли, и Андрей с Юлией слились в объятиях.

Поцелуи длились, казалось, вечно и жили своей особой неуправляемой жизнью. Когда губы одного из них как бы отступали, губы другого бежали им вдогонку, догоняли, и все начиналось вновь. Это сопровождалось то нежными и ласковыми, то страстными поглаживаниями рук — по волосам, лицу, плечам и спине, — и крепкими объятиями. Они все теснее прижимались друг к другу, и, когда он чувствовал ее упругое тело, ток невыразимой неги и сладости охватывал его...

Когда они разомкнули объятия, вокруг было темно. Высоко в небе светила луна, ее полумесяц висел над прудом, оставляя серебряную дорожку на темной глади воды. Андрей и Юля, держась за руки, направились к выходу из парка.

Этим вечером Курилов почувствовал себя другим человеком. Если до сих пор он больше рассуждал о любви, не считая редких прошлых увлечений, то теперь был полностью в нее погружен — весь без остатка. «Я уже не тот, каким был еще несколько дней тому назад, и уж тем более месяц, — признался себе Андрей. — И это благодаря чувству к Юле, благодаря общению с ней...»

Сейчас он, до сих пор бывший рационалистом, ставивший логику жизни на первое место, охваченный любовью, считал совершенно иначе. «Любовь сильнее логики!» — думал Курилов. — «А как же с утверждением, что дружба первичнее любви, иначе это будет только страсть?» — тут же прозвучал тихий внутренний голос. — «А разве мы не дружим?! И подружimsя еще больше!» — как бы ответил молодой человек, да и как еще мог думать влюбленный, когда каждая клеточка его пела о ней, когда он не мог ни о чем больше и думать.

Похоже, что и Юлия была в том же состоянии.

* * *

Курилов механически листал папку с документами, размышляя о перипетиях с «Неотложкой», когда раздался стук в дверь кабинета.

— Да, да, войдите!

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился улыбающийся Виктор Леонов с большой плетеной корзиной в руках.

— Привет директору!

— Привет, привет!

— А я вот решил побаловать тебя с супругой утятинкой да свежими грибами с ягодами. Где, кстати, супруга?

— Здесь, сейчас позову. — Андрей подошел к двери и попросил Вику найти Юлию Александровну. — А ты все промышляешь? Молодец! Ну, выкладывай сюда. — И он освободил от газет и журналов столик у окна.

Виктор снял покрывавшую корзину цветастую клеенку, и на столике стали появляться плетеные корзиночки с лисичками и опятами, земляникой и черникой, а под конец две извлеченные из фольги большие общипанные утки.

— Красота! Прямо охотник на привале, только ружья не хватает, — улыбнулся Курилов. — Все беру, не торгуясь! Сколько с меня?

— Да ладно... Неудобно как-то...

— Так, Виктор, это — твой промысел, твоя работа и источник существования. Перестань, говори, сколько?

Леонов, немного смущаясь, все же назвал цену и был немало удивлен, когда Курилов протянул ему в два раза больше названной суммы. Виктор сделал, было, отрицающий жест рукой, но Андрей остановил его:

— С почином! Пусть это будет моим с Юлей подарком тебе и супруге. А вот и моя жена! — сказал он, взяв левой рукой за локоть Виктора и правой делая жест к знакомству в сторону Юли. — Виктор, Юлия.

Она подошла и, не скрывая удивления, всплеснула руками, любуясь расставленными на столике дарами природы.

— Откуда это?

— Помнишь, я тебе рассказывал о сослуживце моем в строительном управлении? Вот это он и есть. Ты не будешь против, чтобы он снабжал нас?

— Конечно, нет! Наоборот, я только рада! — как всегда эмоционально ответила она.

— Заметано?

— Заметано! — в тон Андрею ответил Виктор.

— Ну, вот и отлично. Это дело нужно отметить. Как там насчет кофе и по граммулечке коньяка?

— Если только по граммулечке... — проговорила Юлия.

— Естественно, по граммулечке — еще работать надо.

— Хорошо, сейчас организую, — сказала она и только собралась выйти из кабинета, как в него вошел Переверзев.

— О, Игорь, привет! — Юлия посторонилась, пропуская старого знакомого их семьи. — Как Людмила?

— Спасибо, хорошо, передавала тебе привет и просила позвонить, там что-то насчет... Ну, короче, о чем-то посоветоваться хочет, — сказал Игорь, не любивший распространяться о женских делах.

— Юль, — остановил уже выходящую жену Курилов, — тогда на четверых!

— Ну что, господа-товарищи, — обратился он к друзьям, — присаживайтесь и знакомьтесь. — И, собирая бумаги на столе, вздохнул: — Ох, дела наши тяжкие.

— Не ладится? — спросил Переверзев.

— Не то слово, Игорь.

— Да-а, из социализма строить капитализм — это опять «вперед планеты всей». Такого еще в истории не было никогда и нигде, — включился в разговор Леонов.

— Погоди, не обобщай, — остановил его Курилов.

— Тяжело? — вновь посочувствовал Игорь.

— С «Неотложкой» много проблем.

— Решаемых?

— Пока решаемых только тактически, а стратегически они никуда не деваются — вот в чем дело. И как дальше будет — одному Богу известно.

— Понятно.

Вошли Юлия с Викой, на подносах принесли чашки, пачку молотого кофе, коньяк, кофеварку и все необходимое. Потом вышли, унося пустые подносы. Вернулась одна Курилова, заправила сияющую белизной кофеварку и, включив ее, села за стол.

— Нет, что ни говори, а при советской власти такого безобразия, как сейчас, не было.

— Виктор все о своем, о коммунистическом, — пояснил Курилов супруге и Переверзеву.

— Погоди, Андрей, вот скажи, в чем твои трудности? — не сдавался Леонов.

— Лицензию тяжело получаем...

— Если бы тогда, в 80-е, не по пути «катастрофы» все пошло и в начале 90-х не обрушилось, то при развивающейся кооперации да под четким госуправлением все получили бы свое. А теперь одна заинтересованность — хапнуть побольше и увезти подальше.

— Если бы да кабы, то... сам знаешь, что дальше. Сослагательное наклонение... Зачем рассуждать о том, чего не было, — возразил ему Курилов.

— И то верно! — подключился Переверзев. — Эти чинуши не дают рынку войти в свои полные права. При полной свободе экономических отношений все само собой регулируется и не нужно никаких госуправлений.

— Так, — перебила его Юлия, — кофе готов! — И стала разливать его по чашкам, жестом показывая мужу на коньяк. — Только, как договаривались, по граммулечке!

Курилов стал добавлять армянский пятизвездный в кофе, каждому по его вкусу.

— Все бы хорошо, что ты говоришь, Игорь, — обратился к нему Андрей, — да загвоздка в том, что это «если бы, то будет», о котором ты нам говоришь, тоже нигде и никогда не проявлялось в чистом виде. Свобода рынка без госуправления и пятьсот лет тому назад была весьма относительной. Но мы же в XXI веке живем, слава тебе Господи!

— Да какой рынок, туда его?! — взбеленился Леонов.

— Какая, к черту, твоя советская власть?! — под стать ему крикнул Переверзев.

— Ну, прямо рак, шука и лебедь! — взяв друзей за руки, прервал их Курилов. — Друзья, кофе имеет свойство быстро остывать и делается при этом невкусным.

Они стали прихлебывать дымящийся ароматный кофе с коньяком и, молча, по-сматривали друг на друга. Воспользовавшись этим, Курилов решил сменить тему разговора.

— Какими судьбами, Игорь, что-то случилось? Я за разговорами забыл спросить, извини.

— Да нет, просто шел мимо, смотрю, окно открыто, значит, хозяин на месте. Решил зайти, проведать.

Юлия встала, убрала дары природы в холодильник, предварительно отсыпав часть черники с земляникой в вазу, и вышла из комнаты помыть их. Через несколько минут она вернулась и поставила блестящие от влаги ягоды на стол:

— Угощайтесь!

— Спасибо, но мне пора, нужно еще заскочить домой, взять продукты — и на рынок, успеть продать бы,— как бы извиняясь, произнес Виктор и поднялся.

— Счастливо тебе, заходи, приноси, будем брать у тебя свежее с удовольствием!

Встал и Переверзев.

— Не буду отрывать вас от дел. Это у меня сегодня день свободный, а у вас, наверное, таких дней и не бывает?

— Пока не бывает — точно подметил. Мало того, не знаешь, что завтра тебя ждет... Но ты все же звони, приходи.

— И передавай от нас привет супруге,— добавила Юлия.

Леонов с Переверзевым вышли, и через пару минут до Куриловых донеслись их горячие возгласы. Андрей подошел к окну и увидел, как его друзья остановились на тротуаре и горячо жестикулировали, что-то говоря друг другу. Потом они почти одновременно резко махнули рукой и, развернувшись, пошли в разные стороны.

— Назад пути нет...— тихо, как бы сам с собой говоря, произнес Курилов.— И ясно: никаких потрясений нам не нужно: ни красных, ни белых.

— Да!— Юля подошла к нему и положила руку на плечо.— Будем заниматься своими делами.

— Будем эволюционировать.

— Как у Дарвина?— пошутила жена.

— Почти...

* * *

Михаил Григорьевич Заянчицкий с Павлом Ивановичем Соловьевым и так редко встречались в силу своей занятости, несмотря на то, что Патрусевск был в двухстах верстах от Москвы, а теперь, во время войны, в связи со всеми трудностями семнадцатого*, в том числе и транспортными, уже почти четыре года как последний раз виделись. Заянчицкий, кроме своей работы доцентом в университете и кадетских партийных обязанностей, входил в продовольственный комитет Москвы, а Соловьев был настолько загружен работой в своем губернском присутственном месте, что и обычный прием гостей они с женой уже давно не проводили, не говоря о поездках в столицы.

Но вот командировали Павла Ивановича в Москву на неделю по вопросам его ведомства, и он навестил Заянчицких, которые и слышать ничего не хотели о гостинице, в которой поначалу остановился тот. Тем более что квартира была на летнее время наполовину пуста: дети — Кирилл, Лидия и Николай — жили в пору каникул на даче в Михайловке. Там же обитал и знакомый уже нам Николай Иннокентьевич Земсков, приехавший в первопрестольную по своим писательским делам и, как все-

* Действие данной главы происходит в 1917-и году.

гда в подобных случаях, остановившийся у своей двоюродной сестры, Марии Павловны.

В субботу вечером, как водится, чета Заянчицких, прихватив с собой Соловьева, отправились в Михайловку.

Стояла середина лета во всей своей зрелой красе, все в природе находилось в томлении, жизненные соки питали уже не только сами растения, но и многочисленные плоды, радующие глаз, вкус и обоняние, готовые дать в подобающее время семена будущей жизни. Все вокруг дышало утверждающей силой бытия, в котором даже умирание было частью этой вечной жизненной гармонии. И в этом бытии, казалось, не было места ничему дисгармоничному, злему, ничему бессмысленному, как, например, преждевременная и насильственная смерть. А ведь за две-три сотни километров отсюда люди «сеяли семена» иные — стреляли друг в друга из пушек, пулеметов, ружей, травили газом. Шла война, бойня, которая не оправдывалась никакими объяснениями и соображениями: ни политическими, ни экономическими, ни национальными. Гибли и калечились миллионы человеческих тел, жизнью, судьбой, а вместе с ними гибла и травилась природа. Та самая природа, которая давала и дает человеку все необходимое для жизни, а значит и самое жизнь.

Подъезжая к деревне, наши дачники видели отдыхающих людей, наслаждающихся этой летней природной идиллией. Но такова суть военного времени — о чем бы ни говорилось и ни думалось, все возвращается к теме войны. Вот и сейчас представилось, что и там, в немецких землях, люди вот так же наслаждаются земной красотой, земными благами, в то время как их дети и внуки разрушают не только эту красоту, но и венец творения — человеческую жизнь. А ради чего и кого?!..

Когда путники добрались до дачи, их встретила веселая молодежь и аппетитные запахи приготовленного обеда. В саду, в тенистой его части, стоял большой покрытый скатертью стол, на котором стоял в вазе огромный букет роз всех цветов и оттенков.

Умывшись и немного отдохнув с дороги, Михаил Григорьевич с супругой Марией Павловной и Павел Иванович присоединились к Земскову, детям, горничной и старой няне Агриппине Тимофеевне, которые уже сидели за столом и с нетерпением ожидали приехавших, чтобы узнать все московские и российские новости, и прежде всего новости с фронта.

Обед, как и принято в культурном обществе, прошел в легком общении. Лишь сведения с фронта, словно невеста откуда взявшаяся в ясный солнечный день и заслонившая солнце туча, на некоторое время сделали пасмурным настроение собравшихся. Но через некоторое время молодость, которая говорила: война? кровь? смерть? — это все где-то там, далеко, так далеко, что и нереально вообще, совсем не в этой, а может, и вообще в другой какой-то жизни, с которой мы имеем только косвенное соотношение, брала свое, и восстановилась ясная безмятежная погода в молодых, а вместе с ними в некоторых и не очень молодых душах, и возобладало веселое настроение.

Только Земсков с Соловьевым да разве что старая няня посерьезнели и не оставляли этого настроения после разговоров о войне. Видя это, хозяйка, Мария Павловна, после обеда предложила мужчинам пройти в беседку и поговорить, как она выразилась, на мужские темы.

Беседка находилась в тихом живописном уголке сада. Михаил Григорьевич, захвативший с собой пару бутылок легкого десертного вина и пачку сигар, убрал из беседки все лишнее, оставленное здесь детьми и женщинами, и быстро устроил нечто похожее на маленький мужской клуб.

— Хорошая погода стоит, господа...— начал Заянчицкий.

— И такая же, наверное, сейчас на передовой...— не мог отойти от темы войны Земсков.

— Безусловно, такая, а на Украине, на австро-венгерском, и еще лучше будет,— поддержал Павел Иванович.

— Вот вы все война-война,— Михаил Григорьевич наполнил бокалы и предложил их собеседникам.— А ведь она лишь на время оттянула политический взрыв, ибо к лету 1914-го общественный кризис был в апогее. Вот сейчас на дворе, как говорится, 16-й, и положение вновь резко обострилось, усилилось революционное движение.

— Думалось, что в годину внешней угрозы, когда на кон поставлена сама независимость, люди всех сословий, политических убеждений и национальных амбиций, как это всегда было в русской истории, соберутся вокруг идеи защиты отечества,— сказал Земсков, слегка пригубив вино.

— Где там!— поддержал его Соловьев.— Буржуазия вся в оппозиции, интеллигенция хочет устроить все на западный манер и прямо сейчас, в военное время. Все партии, даже умеренные октябристы, требуют свобод и уже сегодня!..

— Но разве это хорошо, что царь отказался выполнять требования народа, проводить реформы, более того, распустил Думу?! — воскликнул Заянчицкий и залпом выпил бокал вина.

— Простите, милостивый государь, какие реформы во время войны, слыханное ли это дело?!

— Николай Иннокентьевич, так ведь кризис власти — кризис! — и он все усиливается с каждым годом! Система прогнила сверху донизу!..

— Так может, он и кризис, что его целенаправленно создают...— начал Земсков, но Заянчицкий перебил:

— Вот, вот! Сейчас вы скажете о мировом за-а-аговоре!..

— Михаил Григорьевич, вы сами о нем сказали! Я же имею в виду не то, что требуется раскрывать и доказывать, а то, что находится на поверхности — заявления ведущих представителей буржуазии, настроения интеллигенции, действия политических партий...

— И ведь они обращаются не только к верховной власти, но и к народу! Причем работают с его самой активной частью — армией. Посмотрите, что творится на фронтах. Антивоенное настроение все больше охватывает солдат, и даже часть офицеров. В сознании солдат движение против войны и самодержавия переплелись и уже нераздельны!— с горечью произнес Соловьев.

— Господа, я удивляюсь, как можно не видеть очевидного! Прими царь требования народа, проводи реформы всей политической системы и экономические, дай свободы, и все само собой устроится, как нельзя лучше. Рынок сам отрегулирует все экономические отношения, парламент решит все насущные общественные и юридические вопросы, предприятия сами, исходя из прямой выгоды, произведут все необходимое и передовое для обороны, армия, составленная сплошь из добровольцев, с воодушевлением пошедших на фронт защищать завоевания свободы, победоносно завершит войну!..

— Сударь, вы прямо сказочную картину нам рисуете! — перебил его Павел Иванович.

— Михаил Григорьевич, все это звучит действительно хорошо.— Николай Иннокентьевич встал и, стоя, продолжил:— Но скажите, милостивый государь, почему нельзя сейчас, прекратив все революционные действия, мобилизоваться всему народу, всем силам, всем прослойкам, обществам и партиям и победоносно завершить

войну? А потом уж тихо и спокойно, когда будет полностью устранена внешняя угроза, заняться совместным и благотворительным общественным творчеством? Вы же и иже с вами призываете разрушать имеющееся и создавать новое в разгар войны, когда и положение на фронтах остается тяжелым и неопределенным! А то может получиться, как в шутке моего знакомого профессора медицины Петра Ивановича: «Больной пошел на поправку. Но не дошел...»

— Шутки шутками, но поймите, что если самодержавие и весь уклад нашей жизни, начиная от прав, свобод и земли и кончая экономикой, привел к поражению в русско-японской войне, к революции 1905 года, а после в течение десяти лет ничего не было реформировано, то где гарантии, что и эта война не завершится поражением, навязыванием России невыгодных, а может быть, и кабальных условий, не говоря уже о потере территорий, и вновь никаких реформ проведено не будет?

— Уважаемый Михаил Григорьевич, остановитесь на минуту и посмотрите как бы со стороны на то, что вы предлагаете,— продолжал Земсков.— Идет 17-й год, уже три года, как враг стремится разрушить нашу страну извне, направляя на это все свои силы, ресурсы, экономическую мощь. И в это же самое время, исходя, мы верим, из благих намерений, вы и ваши единомышленники хотите разрушить существующее устройство, согласен, несовершенное во многих отношениях, при этом, только теоретически доказывая и на словах обещая, что будет создано нечто другое и совершенное, которое сразу и во всех аспектах разрешит все вопросы нашей российской жизни, и одновременно будет одержана победа в войне. Таким образом, нетрудно увидеть со стороны два одновременных действия — разрушение извне и изнутри!

— Вы хотите сказать, что я и все мы, кто ратует за перемены,— союзники Германии и Австро-Венгрии?— как-то очень тихо спросил Заянчицкий.

— Нет, Михаил Григорьевич, нет, просто те, кто хочет производить кардинальные изменения в стране во время кровопролитной и изнуряющей войны, похожи, не напрямую, нет, Боже упаси, на людей, кто поневоле действует в том же направлении, что и противник...

— При этом ни я, ни Николай Иннокентьевич, не отрицаем необходимость постепенных последовательных и выверенных реформ в мирное время при одновременном укреплении традиционной для страны власти. Так? — обратился Павел Иванович к Земскову.

— Совершенно верно!— подтвердил тот и, повернувшись к Заянчицкому, предложил: — А не выпить ли нам мировую?

— Мировую войну или революцию, о которой твердят большевики? — хмыкнул Заянчицкий.

— Если бы можно было таким образом закончить эту войну и не допустить революцию — «не при нашем доме будет сказано!»,— то я со всем моим удовольствием! — в ответ пошутил Земсков.

Со стороны дома раздался громкий смех. За ним зазвучали перебивающие друг друга голоса и снова смех. К беседке подбежала покрасневшая Лида, а за ней Коля.

— Пап! Ну что он,— она кивнула в сторону брата,— все меня Виталием дразнит? Какие мы с ним жених и невеста?

— Жених, жених, а кто же еще?!— подшучивал над сестрой Николай.

— Хватит вам, «первоклашки»,— смеясь, подошел Кирилл.

— Ладно тебе, зазнайка-выпускник!— капризно, как бы обижаясь, но в то же время с той интонацией в голосе, которая всегда выдает глубокую симпатию, произнесла Лидия.

— И впрямь, дети малые,— улыбнулся Земсков.

Молодые убежали в глубину сада, и уже оттуда доносились их возгласы и смех.

Они, беззаботно веселясь, отдыхали от учебы, от экзаменов, от реалий военного времени, которые чувствовались и здесь, вдали от фронта, впрочем, как и во всей стране.

Вдруг прозвучал дальний одиночный выстрел, затем второй, третий... На фоне разговора о войне и революции они заставили собеседников слегка вздрогнуть.

— Сосед со товарищи уток стреляют,— прокомментировал Михаил Григорьевич...

* * *

О многом думалось Курилову, но дело, прежде всего*. Лицензию они до сих пор не получили, и трудности на этом не закончились. Как часто случается на Руси, появились сомнения: внутренние и со стороны коллег — оправдана ли с моральной стороны платная «Скорая помощь», и, если да, будет ли она востребована в объеме, достаточном для окупаемости затрат и хотя бы небольшой прибыли?

Думали и так и эдак, но, как ни смотри, выходит одно — медики практически одни из самых низкооплачиваемых работников. А раз так, то они — в том числе и скоромощные трудяги — любыми путями будут искать возможность заработать по профилю своей специальности — жить и детей кормить-то надо? С другой же стороны, есть люди, кому может понадобиться помощь, не имеющие прописку и страховой полис. А еще есть такие, кто не нуждается в деньгах — в том плане, что у них этих самых «деревянных», американских и прочих рублей «куры не клюют». И если нет такой «Скорой», которая приедет быстро и обслужит качественно, то они ее сами создадут... Поэтому по теперешней жизни выходит, что дело-то вроде нужное.

— Воспользоваться же сможет любой, кому потребуется экстренная помощь или медицинская перевозка,— убежденно говорил Драницкий.— И не только имеющие деньги, но и те, у кого время поджидает,— а «03» не едет и все тут! Кстати, работать мы можем и с клиентами всех страховых компаний, и с предприятиями. Кроме того, есть направление, где мы будем всегда нужны — перевозка лежачих больных и пожилых, в том числе и на далекие расстояния. Ведь для нас нет ограничения по дальности, мы можем транспортировать и по России, и в страны Ближнего Зарубежья, и дальше, если потребуется.

— Убедительно, Виталий Анатольевич, молодец! Вот так и нужно мыслить и действовать!

— Стараюсь,— расплылся в улыбке тот.

— Так, друзья мои,— Курилов обратился к собравшимся в офисе для планирования дальнейшей работы сотрудникам.— Какие еще будут доводы, мысли и идеи?

— А мы можем организовать консультации врача, составление плана лечения и подбор лекарств прямо на выезде?— задал вопрос Геннадий Никитович.

— Почему же нет? Если в бригаде будет квалифицированный врач, а у больного на руках медицинская карточка и результаты свежих исследований, то это вполне возможно,— ответил Николашкину Курилов.— Мы можем это отразить в должностной инструкции врача нашей «Неотложки».

— Великолепно! — воскликнула Юлия Александровна, как всегда живо отзывающаяся на волнующие вопросы.— Тогда мы можем в будущем организовать и детскую «Неотложку», да?! Это же замечательно, если включим в перечень услуг осмотр ребенка педиатром, назначение лечения и, по желанию родителей, консультации по питанию, развитию, закаливанию и так далее!

— Да, Юлия Александровна, это неплохо, и со временем обязательно сделаем. Нужно будет, как минимум, найти соответствующего врача, который бы относился к своей работе с детьми не по принципу: «Где у тебя болит?..— Получи таблетку или

* Авторы вновь переносят внимание читателей в начало нынешнего века.

укол!» — а совершенно иначе, — поддержал Андрей, любясь чарующими его до сих пор серо-голубыми озерами ее глаз на фоне легко вьющихся и ниспадающих до плеч темных волос. — Видите, оказывается, если подумать и творчески подойти к вопросу, можно очень многое сделать. Но вношу поправку — были бы, кроме желания, деньги, и еще, как говорил рачительный хозяин Иосиф Виссарионович, «кадры решают все!»

— В принципе и «Скорая-03», и платная «Неотложка» могут мирно сосуществовать, и у людей всегда будет выбор, — развеял последние сомнения менеджер Медведкин. Но, имея принцип мышления по типу весов, то есть во всем видя противоположные стороны, тут же добавил: — К слову сказать, я читал, частные «Скорые» очень распространены в Прибалтике и Финляндии, где их работа оплачивается из бюджета, а помощь людям оказывается бесплатно...

— Начал за здоровье, а кончил за упокой! — засмеялся Курилов. — Валентин Александрович, об этом можно только мечтать! Но пока, к сожалению, у нас в России это нереально, сами понимаете, — разве только какой олигархер, как говаривает один знакомый доцент-патриот с медико-физикультурного факультета нашего университета, не возьмет нас на свое полное содержание?

— Да уж... — промолвил Драницкий.

— Лучше послушайте, что я узнал из истории «Скорой помощи», очень интересно, да и полезно знать, раз уж мы в этой сфере подвигаемся.

— Ну-ну!

— Скорая медпомощь в России впервые стала развиваться — само собой — в Санкт-Петербурге, — Курилов достал из портфеля блокнот, перелистнул несколько страниц и стал читать. — В конце позапрошлого века вопросами организации ее занимались хирурги Н. А. Вельяминов, К. К. Рейер, Г. И. Турнер, а затем и И. И. Греков. Курсы первой помощи и проект ее создания — их работа. Однако в дореволюционные годы скорой и неотложной помощи даже в губернских городах не существовало. В 20-е годы ее осуществляли один-два врача, имевшие в распоряжении лошадь с повозкой. Потом в губернских городах организовали по 2-3 пункта скорой медпомощи. В штате каждого пункта были два врача, выезды осуществлялись на двух лошадях. А в конце 20-х годов уже создавали пункты на промышленных предприятиях. Таким образом, «Скорая помощь» возникла уже при Советской власти.

— Интересно! Ведь сейчас многие говорят — вот, до революции! — а ведь многое из того, к чему мы все привыкли, было создано после нее, — присоединилась к разговору бухгалтер Литвинова Анна Алексеевна.

— Да, это так, — согласился Курилов.

— Все это хорошо, о чем мы говорим, интересно. Но как отнесется население к платной «Неотложке»? — задумчиво глядя на Андрея, спросил Медведкин.

— А что? — загорелся Курилов. — Может, и правда — перед планированием работы провести такое ненавязчивое изучение мнения людей по этому поводу?

— Разумно! — поддержали его Юлия и Валентин. Драницкий же, чуть поморщившись, встал и, вытащив из пачки сигарету, вышел на балкон.

Курилов мельком, но с интересом, посмотрел ему вслед и обратился к Николашкину с Медведкиным:

— Давайте, подумайте, как нам это лучше сделать. Хорошо?

— Будет сделано!.. Подумаем... — в один голос сказали те.

Думали долго, так как, словно черти из табакерки, на первый план стали «выскакивать» предложения: провести опрос прохожих на улице, разбросать листовки по почтовым ящикам и дать объявления — все с соответствующими вопросами и контактными телефонами. Ну, то есть набор рекламных действий, появившихся и

бурно распространившихся еще в конце восьмидесятых годов. И самое интересное — такие предложения делали люди достаточно далекие от данной деятельности — Николашкин, Медведкин, Литвинова... Насколько же въелось это в сознание!

Курилов сразу отверг предложенное. Просто никто на такое внимания обращать не будет. Лестничные площадки у почтовых ящиков (к досаде уборщиц) сплошь усеяны листовками, которые народ автоматически выбрасывает, не читая и даже не заглядывая в них. А на улице прохожие, как от чумы, шарахаются от опрашивателей всех мастей, как только завидят их с блокнотами и ручками и внимательно-добрым, заинтересованным выражением глаз.

— Андрей Васильевич, так как же будем опрос-то проводить? — спросил самый непосредственный из всех Николашкин.

— Думаю, что разумнее всего сделать так. У меня знакомый главврач 1-й горбольницы. Я поговорю с ним, и, если он позволит, мы в белых халатах, естественно, представившись медиками, — а таковых среди нас будет большинство, — побеседуем с больными в палатах, зададим им интересующие нас вопросы. И людям развлечение, и нам польза. Кроме того, среди них потенциальных клиентов «Скорой» гораздо больше, то есть выборка, как говорят социологи, будет качественной, несмотря на то, что, пользуясь их же языком, количество респондентов будет не больше тысячи человек.

— Весьма разумно! — согласился вернувшийся Драницкий, и вместе с ним одобрительно зашумели остальные.

— Ну что ж, если коллектив не против, я сегодня свяжусь с больницей, — завершил дискуссию Курилов.

Добро на проведение исследования было получено, подготовка не заняла много времени, и в течение пяти рабочих дней бригада наших «социологов», разделившись на двойки, исправно трудилась в больничных палатах, добывая сведения и скрашивая досуг больным, у которых все дни, как один, в этом невеселом заведении.

В результате на вопрос «Куда вы обратитесь в случае нужды — в платную или бесплатную службу "Скорой помощи"?» после информации о возможных тарифах: 39 % заявило, что обратятся в бесплатную, ибо платная слишком дорога для них, 34 % — в бесплатную службу, потому что больше доверяют государственной медицине, 12 % — в платную, так как хотят более комфортного медобслуживания, 5 % — также в платную службу из-за удручающе долгого ожидания бесплатной «03» и 10 % не смогли определиться с ответом или просто не пожелали отвечать.

— Ну что ж, — сказал Курилов, когда в коллективе шло обсуждение данных, полученных в горбольнице, — получается, что примерно 15—20 процентов людей в случае необходимости обратятся к нам. Это хороший стимул для работы!

— Мне еще понравились рассуждения одного молодого больного, — включился в разговор Медведкин, явно обрадованный результатами, доселе, честно говоря, немного сомневавшийся в перспективах платной «Скорой». — Он в ответ на замечание другого больного, что брать деньги за спасение чей-то жизни аморально, сказал буквально следующее: «Ничего аморального в этом нет! Напротив, безнравственно жить на маленький оклад. Представьте, детский хирург со стажем более пятнадцати лет получает по нынешней жизни копейки! А участковый врач, мало того что с утра до вечера занят, так еще берет работу и на дом — много всякой писанины. Да у любого продавца в коммерческой сети зарплата больше, чем у врача, отвечающего за здоровье и жизни людей!» Вот, Анна Алексеевна не даст соврать, на вопрос, откуда он это знает? — парень сказал, что сам из семьи врачей.

— Один доктор, — поддержала тему Виктория, — не выдержал и откровенно заявил: его как врача раздражает мнение, что медицина должна быть бесплатной. В до-

казательство он привел пример ресторана и магазина, где за все люди платят. Почему же мы, заявил он, врачи, тратим время, отвечаем за здоровье, а порой и жизнь своих пациентов, спасаем их... и получаем за все это буквально гроши!?

— Вика, он прав и неправ,— сказал Курилов.— Зарплата врача должна быть в разы больше, чем сейчас. Но ни в коем случае нельзя сравнивать оплату труда врача с официантом и продавцом, даже не по форме, а по сути. Медикам обязано платить государство, соответствующая статья бюджета которого формируется из страховых отчислений работающих и налогов с богатых. Не будем сейчас углубляться в вопрос, кого считать таковыми и каков должен быть налог с них — сие есть тема особого разговора. Но такой подход, считаю, самый верный.— Андрей осмотрел всех сослуживцев. Они внимательно слушали, и на их лицах прочитал согласие с его мнением.— Однако это не исключает наличие платных медицинских услуг в соответствующих центрах для тех граждан, кто хочет на более высоком уровне, более комфортного и без очередей обслуживания...

— Правильно! — включился доселе молчавший Драницкий.— Что касается «Скорой», то городская выезжает, в основном, когда есть угроза жизни и здоровью больного. Это — травмы, острые заболевания: судороги, кома, потеря сознания, асфиксия, «острый живот», серьезные сердечно-сосудистые нарушения, отравления, роды и любые нарушения течения беременности, детские заболевания и психические расстройства. И не важно, где находится больной: дома, на улице или на работе. Во всех остальных, так называемых «домашних», случаях положено вызывать районную «Скорую». А уж ее прождать, как мы с вами хорошо знаем, можно достаточно долго. Много и других нареканий на районные службы. В оправдание скажу: маловато в них персонала. Поэтому платная «Скорая» может стать альтернативой именно районной службе.

— Один раз у моих соседей был такой случай, если позволите,— обратилась к шефу Литвинова.— У сына травма ноги с открытой раной. Приехала обычная «03» и прямо в лоб: «Платить будете?». Пока соседка раздумывала, они вылили на рану перекись, смазали йодом и уехали... А на следующий день мать сама повезла его в травмопункт, где наложили швы.

— Все зависит — опять же! — от людей,— возразила ей Елена Александровна.— В моей семье очень часто вызывали «Скорую» и отцу, и бабушке, которой под восемьдесят было. Приезжали быстро и старенькую прямо дома несколько раз спасали от смерти — делали все необходимое, пока той не становилось лучше. Конечно, случаются разные ситуации, но, думаю, что и в отношении небогатых людей платная служба будет нужна при больших сложностях с обычной, если нужна срочная госпитализация лежащих больных или их дальняя транспортировка.

— Помню, раза два, еще до поступления на медицинский, приходилось везти на «Скорой» племянника в инфекционку и мать с инфарктом,— эмоционально поддержал разговор Геннадий Никитович.— И что вы думаете, в обоих случаях машины были очень холодные (и это зимой!) и с разбитыми рессорами. Это, может, и совпадения, не исключая. Но всего два раза — и вот так! Не часто ли? Тогда и подумалось, что без знакомых и финансового «подогрева» не обойтись, если хочешь качества.

— Ну, не знаю, возможны и совпадения, а я вот во время наших исследований в горбольнице поговорил с людьми, и выяснилось — большинство доверяет только бесплатной «03», сколько ни вызывали, приезжали достаточно быстро, грамотно и внимательно обслуживали...— Медведкин запнулся и робко взглянул на Курилова.

— Продолжайте, продолжайте Валентин Александрович,— улыбнулся тот.

— Нет, я уже все сказал...

— Одна больная в той больнице, где мы были (я разговорился с ней во дворе),— вступил Николай-водитель,— сказала: «Вот представила я: приехала платная, надо везти в больницу, а лифт сегодня не работает, и этаж-то девятый, и деньги-то все крупными купюрами...»

— Я навел справки насчет бесплатной и платной «Скорой» в Москве,— прервал его Драницкий.— Так разница огромна: у платной есть все, что нужно, все лекарства. И сидят иногда по несколько суток — только плати. А бесплатная в той же ситуации порой отказывается ехать, ссылаясь на некризисную ситуацию.

— Не дай Бог оказаться в таком положении в чужом городе...— промолвила Елена Александровна.

— Я думаю, что кому-то очень выгодно «не пущать!» организовывать платную услугу. Ведь наверняка есть люди, желающие вложить свои (!) деньги в доходное дело. Поэтому и нет до сих пор в городах таких служб.

— Разговор на эту тему портит нервную систему,— пошутил Курилов и жестом дал понять, что пора кончать дискутировать.— Пусть у людей будет выбор, и они, в зависимости от ситуации, сами решат, что им лучше,— подвел он итог дискуссии.— А теперь давайте от общих вопросов и эмоций перейдем к непосредственной организации дела. На дворе уже двадцать первый век все же,— и, улыбнувшись, встал.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ПОГОНЯ

Родился в 1961 году в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Опубликовано более сорока научных работ, несколько очерков, одна книжка стихов. Печатался в сборнике «Иван-озеро», в журнале «Приокские зори».

Первым делом Валерка бегло обследовал хлопковое поле. Шастая по нему, заодно разогревался: поздней осенью южное солнце не справлялось уже с утренней прохладой, хотя днем было еще довольно тепло. Быстро понял: не добыть и десяти кило подбора за весь день, как ни пыхти, ни партизань,— машины и люди почистили тут все хорошенько. Горожане, вовлеченные в хлопкоуборочную кампанию — студенты, школьники, работники всевозможных организаций, предприятий — занимались не только сбором чистого хлопка, но также и подбирали хлопок, который оставался в полях после прохода комбайнов. Сбитый на землю или невыбранный из полураскрывшихся коробочек, он был запыленный, засоренный листьями, мелкими обломками хлопковых кустов, принимался и учитывался отдельно от чистого хлопка. Его и называли «подбор».

Валерка потратил еще полчаса и заглянул на два соседних поля. Те оказались не лучше: сезон клонится к закату, других, скорее всего, не будет. «Ну, и что теперь,— размышлял он, возвращаясь и на ходу забрасывая жалкие хлопковые комочки встречным девчонкам в фартуки*, подмигивая симпатягам.— Вот молодцы-то девчата: на какое поле ни привезут, хоть на голое с виду, проходят себе дисциплинированно одну пару рядов, берутся за другую, плывут тихо-тихо по бороздкам, чирикают, отдыхают... и набирают-таки свой махонький урожай. Хотя, нет, не все. А Катька... Томка из 9 «б» — Тома — Томочка: не хуже нас меняют ряды, в чужие лезут — те еще партизаны... Ну и? Побираться здесь не буду — надоело. Можно компанию клик-

* Для ручного сбора хлопка использовался довольно вместительный фартук квадратной формы из плотной хлопчатобумажной ткани, с длинными прочными завязками в углах. В нем же сборщики переносили и взвешивали хлопок.

нута: поднатужимся, наскребем по полтора-два кило на подстилку — и в картишки где-нибудь под тутовником. Во второй половине дня еще придумаем, чем заняться. Завуч поворчит малость вечером и все,— знает Зоя, тоска смертная тут собирать... Или рискнем опять на хирман* заглянуть, где подбор чистят? В прошлый раз не вышло, но тогда народу много было вокруг: сторож, три тракториста подкатили груженные тележки, еще люди какие-то из совхозной конторы... Если сейчас движем — до обеда далеко, очень может быть, что один сторож там окажется».

Нашел глазами Рифа: он медленно ступал по своему междурядью, склонился раз другой за редким хлопковым клочком. Направился к нему напрямую, поперек грядок, сминая кирзачами полусухие, свободные уже и от хлопка, и от листьев кусты хлопчатника. Рифкат обернулся на хруст и ждал приятеля: неспроста, конечно, спешит.

— До вечера тут ковыряться решил? — насмешливо спросил Валерка, подойдя.

— Еще чего. Так, размяться с утречка. Че, идея есть?

— Да идея та же: попробуем на ближний хирман смотаться. Может повезет, а? Где-то поля три до него.

— Вы ж впустую недавно сходили.

— А тут не впустую будешь болтаться?

— Вдвоем пойдем? — соглашаясь, спросил Риф, и глаза его разом взбодрились.

— Не, Петруху захватим: главный вес возьмет, если повезет... И для остротки, если погоня — мальчик крупный.

— Ему только предложи. Второй год на хлопке, а так и не научился руками шевелить, топчется вокруг одного куста, топчется. Хотя на этом поле и сноровка ни к чему... Вот фокус будет, если Петруха двадцаткой сегодня отметится, в передовики выйдет,— хихикнул Рифкат.— Ну ладно, какие есть будут наши действия?

— Я отвлеку сторожа, а вы с другой стороны набиваете три фартука. Берите очищенный хлопок, потом замусорим, сдадим как подбор: за чистый не сойдет — видно, что из под машины. Свои фартуки себе на горбы, мой — волоком. Свиснете, я вас нагоню — и ноги. Старый план. Взвешиваем все, делим поровну. Если что не так, свисну я — «сматывайте удочки»... Сейчас разобьемся, уйдем по одному. Встретимся вон у того дерева.— Валерка кивнул на пирамидальный тополь, торчащий пикой над молодыми тузовыми деревьями, что протянулись по границе поля.

Потом он принялся высматривать неизменную желтую кепку Петрухи. Рослый, массивный Петруха быстро был найден. Как и ожидали, согласился без колебаний. Тут же проверил фартук, два раза перевязал шнурки на ботинках, движения его сделались резкими, нетерпеливыми. Петруха падок был до всяких проказ, авантур, но, слава богу, не горазд на их выдумки, потому как доходил обычно до края. Кто-то однажды показал ему как можно проволокой устроить замыкание в розетке, и он за короткое время половину розеток в школе пожег, не боясь совсем, что током шандарахнет самого; скандал был о-е-ей!

Подойдя скрытно к цели, ребята обрадовались,— все складывалось, как надо: сторож — худой, моложавый старик с буденовскими усами сидел один на небольшом топчане в тени древнего тутовника и попивал чай. Малое хозяйство, которое он стерег — несколько куч хлопка, очищенного от полевого сора, по полтонны каждая, небольшая горка подбора (видно вчера до нее руки не дошли), две очистительные машины,— находилось на некотором расстоянии от него, и никакой ограды. Скорее всего, очистные дела здесь начнутся после обеда, когда станут подвозить сегодняшний подбор. Валерка кивнул в сторону самой дальней от сторожа хлопковой кучи,

* Место складирования собранного хлопка в хозяйствах и на территории хлопкоперерабатывающих заводов.

прошептал: «наша». Риф тихо «агакнул» и хлопконалетчики приступили к исполнению плана. Валерка вернулся немного назад, вышел на дорогу и открыто зашагал к хирману. По ходу он придумывал, как завязать разговор, о чем расспросить старика. Риф с Петрухой, где вприсядку, а где пригнувшись к земле, перебежками направились в обход к намеченной куче.

— Ассалом алейкум,— почтительно поздоровался Валерка со сторожем, подойдя к топчану.

Тот слегка кивнул головой в ответ, настороженно и вопросительно глядел на него: «Зачем пришел сюда этот юный урус вместо того чтобы быть в поле, как остальные?» Сторож знал, теперь нужно держать ухо востро: хлопка в полях осталось совсем мало, найдутся охотники поживиться им с хирмана, а как же... позавчера только двоих вовремя увидел — ни с чем сбежали.

— Сув бор*? — спросил Валерка.

Старик опять кивком головы указал на двадцатилитровый бидон, стоявший рядом.

Валерка через силу сделал несколько глотков из неизвестно кем использованной кружки и задал еще один традиционный вопрос.

— Қалайишлар**?

— Хороший дела, хороший. А твой школа где работает? — раздраженно отозвался сторож.

«Не рад мне совсем. Подозревает уже бабай***, подозревает,— соображал Валерка.— На узбекском разумных вопросов нет больше, придется по-русски приставать к нему».

— Здесь, недалеко собираем. Как с планом у вас, бригадир-ака****? План бригада выполнила? Есть, наверное, уже план... А совхоз как? В этом году хлопка больше, говорят, чем в прошлом, да?

— Какой тебе я бригадир! Зачем большой план тебе? Ты свой думай. Попил сув и иди, давай, иди,— сторож, явно обеспокоившись, поднялся с топчана, закинул тюбейку на голую макушку, поправил поношенный чапан и вразвалку направился к хлопковым кучам.

Валерка коротко свистнул, видя, что еще пять-десять шагов, и Риф с Петрухой будут обнаружены — наверняка они подобрались уже к хлопку. Сам потихоньку потопал в сторону от хирмана, временами оглядываясь; увидел как старик, осмотрев свою территорию, вернулся на топчан.

Из придорожных деревьев послышался приглушенный голос Рифа: «Лерыч, давай сюда».

Валерка заторопился на зов, надеясь увидеть хотя бы килограммов двадцать добытого хлопка. Но подельники его сидели на смятых, пустых фартуках.

— Только подкрались к той куче,— невесело доложил Рифкат,— и тут свист, и ширк — ширк по земле. Ясно, кто ширкает. Мы — задний ход. Кажется, не заметил дед.

— Что, назад идем? — спросил расстроенный Валерка.— Теперь бабай еще внимательней будет.

— Как эт назад! — заартачился возмущенно Петруха.— Я его уже руками трогал, мой хлопочек,— точняк. Стоило переться? Еще надо попробовать как-нибудь.

— Ну и как? — усмехнулся Валерка.

— Позвали — и думайте.

* Вода есть? (узб.)

** Как дела? (узб.)

*** Дед (тюрк.)

**** Ака — уважительное обращение к старшему(узб.)

— Слушай, пацаны,— вскочил на ноги обрадованный Риф,— по ложному следу пустим бабая. Забыли? ... Давай, я внаглую, чтоб он видел, закину в фартук немного хлопка — пять-семь кэгэ, не больше,— из той же дальней кучи и побегу. Он за мной. Вы опять же — набиваете три фартука и деру. Подержу его на хвосте немного и вывалю хлопок на землю: сдаюсь мол — твоя взяла. Потом к вам. А?!

— Класс, Рифа! — просиял Петруха.— Да, завались еще способов пахты* надывать — только покумекать надо. Мы раз бункер комбайна хорошо разгрузили — водила свалил куда-то, облегчиться — точняк. Х-ха — двойное облегчение словил.

— Вспомнил про комбайны,— фыркнул Валерка, недовольный Петрухиным восторгом.— Они давно на стоянках, на приколе. Деловой, блин... Тогда и без комбайнов интерес был собирать — хлопка полно.

— Какой, нафиг, интерес! — огрызнулся ответно Петруха.— Как рабов гоняют в поле, платят копейки. «Беленький, пушистенький, всех раком поставил» — точняк.

— Ты гнилушка, все-таки, двуличная,— всерьез уже возмутился Валерка.— Кто тебя гоняет?! Кто хотел сильно домой, тот уехал давно: родичи нашли повод выдернуть отсюда... Сколько нас приехало в совхоз в конце сентября? 120 человек где-то — из шести старших классов. Сейчас ноябрь заканчивается — половина не наберется. И тебя выдернули бы, если б захотел. Нет, скажешь? Не рвешься что-то домой... Ну, мало платят, да... хотя, если вкалывать, неплохо можно было заработать, взять даже по минимуму — по 5 копеек за килограмм подбора. 80 кило в день — и выходит... трэм-пэрэм... 4 рубля, стольник почти за месяц. Только не про тебя песня: ты чистого больше 15 не собирал никогда, а подбора — не больше 25. Ни разу норму не осилил. И плевал на все нотации, уговоры. Раб, блин!

— Че ж сам не делал по 80 в день, если выгодно так... даже когда хлопка до фи́га было?

— Через плечо. В охотку работаю — вот че. И 80 кило подбора у меня было за день, и не раз. А интерес я больше спортивный имел в виду: движение, соревнование. Усек?.. Один хрен, не поймешь.

— Куда уж нам.

— Хорош бодаться,— не выдержал Риф.— Или пустые назад идем?

— Ни фи́га! — поднялся решительно Петруха.— Я готов. Лерыч, мир, поднимайся, потом доругаемся.

В этот раз получилось почти, как задумали. Риф легко увел сторожа в сторону от хирмана. Дед погнался за наглецом, во всю бранясь на родном языке. Бежать — он не бежал, двигался в стиле, сходном со спортивной ходьбой, но очень энергично. Не удержало его от преследования и пустячное количество хлопка, которое Риф успел захватить с собой. Наконец Рифкат решил, что пора, сбавил скорость, высыпал хлопок на землю, помахал пустым фартуком сторожу и «дал по газам». Покружив немного по окрестным местам, он взял нужное направление и через несколько минут добежал до Валерки с Петрухой. Здорово прогибаясь, оба тащили на плечах и спине по набитому до предела фартуку и еще волокли по земле третий такой же. «Килограммов 55—60 будет, еще на завтра останется», — оценил деловито всю добычу Риф и взвалил свой вес на плечи. Довольные невероятно удавшейся вылазкой топали ребята неторопливо в сторону своего поля; Валерка мурлыкал, как позволяли частые вздохи-выдохи: «Несет меня течение сквозь запахи осенние...» — из новой песни Юрия Антонова. Но продолжался спокойный отход недолго; внезапно позади послышался близкий совсем, грозный окрик: «Стой, ўгрилар**! Бросай пахта! Секир башка будет!»

* хлопок (узб.)

** воры (узб.)

Риф первый обернулся всей неуклюжей конструкцией из собственного тела и грузного фартука на нем, увидел настигающего их сторожа с обнаженным кинжалом во вскинутой руке — всего метрах в десяти, и панически проревел: «Пацаны, бабай с ножом!» Все трое рванули бегом вперед, крепко вцепившись в фартуки; грохотали по пыльной полевой дороге носорогами; с трудом удерживали свою нелегкую, неудобную ношу, которая то и дело выводила из равновесия, норовила соскользнуть с плеч. Лидировал Петруха, несмотря на то, что его оседлал самый тяжелый фартук — Валерка позаботился. Расстояние между беглецами и сторожем увеличилось приблизительно вдвое. Но силы, извлеченные страхом, истратились быстро, и ребята перешли на резвый шаг; часто оглядывались. Притомился и жилистый бабай. Некоторое время так и шли, не отдаляясь и не сближаясь: юность загрузилась как раз настолько, что старость не отставала от нее. Скоро впереди показалось поле, на которое сегодня привезли школу.

— Ребя,— испуганно вскрикнул задыхающийся Валерка,— мы ж прям к Зое его ве...дем! Давай, влево — тут недалеко кол...литор большой.

«Ребя» в секунду поняли, в чем дело, без звука свернули вслед за Валеркой влево, и сторож за ними.

Прошли еще две сотни метров; завиднелись верхушки камыша над поверхностью земли — там и находился тот самый дренажный коллектор.

Позади раздался голос бабая, в котором грозные нотки явно уже смешались с предупредительно-просительными: «Стой, ахмоклар*! Чужой совхоз там!»

— А-а, боится,— догадался вслух Рифкат, громко пыхтя.— По коллектору граница сов...хоза идет. Не хочет, чтоб... чтоб хлопок в другой совхоз уволокли.

Он обернулся на ходу, споткнулся и, сделав по инерции еще пару шагов, остановился. Рывком сбросил с плеч на землю фартук с хлопком, ставший уже неимоверно тяжелым, упал на него.

— Пацаны,— с облегчением окликнул он Валерку с Петрухой, которые продолжали уперто шагать к пограничному коллектору, еле передвигая дрожащими от долгого напряжения ногами,— стоит бабай.

Они тоже стали, скинули с себя груз, тревожно ждали, шумно дыша.

Сторож молчал, устало глядел на ребят. Валерка с удивлением засек в его растрепанных усах еле приметную улыбку. Наконец бабай артистично изобразил удар по шее своим узбекским ножом с кривым концом и ткнул указательным пальцем в сторону беглецов: попадетесь, дескать, горло порежу. Потом спрятал нож в ножны и зашагал восвояси.

— Мы его сделали, ребя! — тихо воскликнул Петруха, опускаясь на свой фартук.

Несколько минут отдыхали в безмолвии, развалившись на фартуках — вымотались вконец.

Не выдержал первый Петруха:

— Слушай, а если б догнал бабай, ударил ножом?

— Запросто,— хмыкнул насмешливо Риф.— Это ж басмач бывший. Всадил бы по рукоятку в задницу. В твою сложно промазать. Ты и летел первым поэтому.

— Сам-то чесал,— со смехом выдавил Петруха.— И хрюкал еще, как кабан. А Лерыч, Лерыч, все пытался обогнать меня — такой, то с одного бока зайдет, то с другого. В конце я жуть как хотел, чтоб ты бросил свой фартук... или Риф. Сразу свой швырнул бы — точняк.

— А я ждал, когда ты сбросишь или Риф,— засмеялся Валерка.

— А я, когда у вас терпенье лопнет,— хохотнул Рифкат.— Валерка — молоток все же, вовремя спохватился. Еще чуть-чуть и явились бы пред очи Зойкины: вот, Зоя

* дураки (узб.)

Михална, стахановцы ваши, пожалте две нормы — не прошло и полдня. И бабай наш тут подруливает — представляете! Скандал!

Теперь все трое хохотали без удержу, перебирая комичные подробности погони.

* * *

Вечером сторож собрал простой полевой дастархан: заварил свежий зеленый чай, наломал большую слоеную лепешку, нарезал дыню, добавил карамельных конфет в старую стеклянную вазочку с трещиной. Знал, бригадир непременно заедет на хирман, быстро закончит здесь свои дела и присядет, как обычно, на топчан — уважит старика. Не терпелось рассказать про сегодняшний случай, про этих хитрых белых юнцов, которых ему так и не удалось догнать. Он был уверен, нужно доложить: «Вдруг заметит бригадир нехватку. Хотя, вряд ли — немного хлопка стащили. Но все равно — наказать надо шакалов наглых... упрямых; чуть сердце не выскочило, пока гонялся за ними. Бригадир-то лучше знает, как это сделать... Да-а, грамотный человек Рашид, грамотный: саратовский сельхозинститут учился. И опытный: сначала — агроном, быстро главный агроном стал и директором стал бы, а он раз — и в бригадир. Шесть лет уже. Кто говорил, что за премией хорошей пошел и зарплатой, кто, что бумага марасть надоело: отчеты-матчеты всякие. Какая разница. Хорошо, что так. Начальник он хороший: года мои чтит, не орет, когда ругает, не сравнить с Эргашем из соседней бригады — как его терпят?.. Поля свои Рашид, как мулла Коран знает: вот и с урожаем всегда, и заработок в бригаде есть — хвала Аллаху».

Когда, наконец, бригадир подошел, сторож подождал, пока он отведаст дыню с лепешкой, выпьет пиалу чая, и выложил ему с большой серьезностью свой рассказ; не раз вскакивал с топчана, изображал отдельные свои действия.

Бригадир поначалу нахмурившийся, к концу этого представления уже смеялся.

— Найти их надо, Рашид-ака,— уверенно сказал под конец сторож.— Я всех троих запомнил: двоих на лицо, а третий — высокий такой, широкий, как силач молодой. Мы с вами их быстро отыщем — одна школа городская в совхозе работает. Из этой школы они. Воруют же, шакалы, а! Первый раз не вышло, они опять. Наказать надо, да Рашид-ака?

Бригадир молчал, прихлебывал чай. Потом усмехнулся.

— Мы, Нигмат-ака, когда в школе учились, часто таскали с колхозной бахчи арбузы, дыни. Много не брали — съедали за раз. Тоже придумывали, как подобраться незаметно. И убегать приходилось от сторожей. Если ловили, стыдили, по шее можно было получить. Дружку моему сторож как-то из ружья врезал солью... А вы в школьные годы не занимались такими вещами, Нигмат-ака?

— Бывало,— кивнул простодушно сторож.— Только мы не за сладким лезли в поле, а за кочаном капусты... или картошки копнем и бежать — тогда еды совсем мало было.

— Да-да, другое время.

— Но хлопок — не дыня, не картошка. Стратегический сырьё! — заметил серьезно сторож.

Рашид засмеялся осторожно, боясь поперхнуться — он как раз доедал очередной кусок дыни.

— Откуда, Нигмат-ака, слова такие мудреные берете? Мне как раз это вот сырьё больше нравится,— кивнул бригадир на свой недоеденный кусок.— Без всякой переработки в дело идет, а наслаждение! Хорошая дыня... Честно говоря, Нигмат-ака, не хочу я искать этих ребят, наказания им требовать. Их недели две назад надо было в город вернуть, к учебе. Нет, держат тут, сопли морозят: как же — весь хлопок, все до последнего грамма собирается. Будь моя воля, перепахал бы уже свои поля, чем го-

нять технику, людей за остатками хлопка — мы теряем на этом больше, чем выгадываем. Ладно, нам приходится комедию ломать, а школьники причем? Торчат здесь без толку... Они, может, и бунтуют против этого, когда на хирман за хлопком идут.

— Не будем, значит, искать? — уточнил на всякий случай сторож, плохо разобравшись в последних словах бригадира.

— Нет,— отрезал Рашид.— Успокойтесь, Нигмат-ака, вы что могли, сделали. Хлопок у нас остался, не съедят они его. Сегодня не сдали, завтра сдадут, получают несколько рублей. Забудьте.

— Ладно,— послушно кивнул притихший Нигмат-ака.

Скоро бригадир уехал, а сторож допивал чай и думал: «Странно решил Рашид, неправильно решил. Надо, чтоб неповадно было. Совсем, видать, времени нет».

Сергей Овчинников
(г. Щекино)

ТУРЦИЯ

Родился в 1963 году в Щекино. Окончил рязанский медицинский институт. Публиковался в журналах «Альбом», «Время и мы», «Наша улица», «Родина», «Роман-журнал 21 век», в «Литературной газете». Автор нескольких книг прозы. С 2001 года издает и редактирует литературный альманах «Тула». Член Союза российских писателей.

В маленьком городке срединной России короткое северное лето началось в середине мая долгожданной волной тепла, ослепительно ярким солнцем, головокружением от запаха молодой зелени. Молодежь хлынула на улицы полураздетой — долгоногие девушки в коротких юбках и открывающих животы кофточках, мускулистые парни в цветастых пляжных шортах, майках. У всех было праздничное настроение, Софья возвращалась домой от родственников тоже радостной, блаженно поглядывая по сторонам, когда яркий солнечный день вдруг начал быстро сереть и меркнуть. Рубцом тучи вспухло у горизонта небо, утихли птицы, поднялся ветер, за клубилась на улице пыль. Атмосферный фронт быстро двигался в сторону города, люди вокруг закрывали окна и форточки. Софья тоже поспешила домой, чтобы успеть до грозы закрепить дверь балкона — по телевизору всю неделю показывали то наводнение в Европе, то ураган в Америке, то сорванные крыши соседнего Ефремова.

— Раньше, при Советах, — десять минут назад, захлебываясь от эмоций, говорил Софье дядька, старый ритор и философ (он когда-то преподавал в университете, но был изгнан оттуда за отсутствие политкорректности), — по телеку, в основном, вещали про достижения народного хозяйства! А теперь смакуют ужасы и несчастья! Чужая смерть и чужие несчастья всегда пользовались успехом толпы! Советы, при всех их ошибках, пытались делать из нас народ! А сейчас из народа делают толпу!

Софья социализма почти не помнила, выросла в девяностые годы двадцатого века сиротой, как многие дети России того времени: отца убили рэкетеры, а мать вскоре захла и умерла от рака. Тете и дяде, как водится, порой было не до племянницы, большей частью воспитывала Софью бабушка — старшие поколения, закаленные войной и послевоенными трудностями, с меньшими потерями пережили очередную русскую революцию. Но к началу нового века запас прочности стариков иссяк, большая часть их ушла в могилы, а бабушка Софьи слегла после инсульта, и так, в постели, тлела уже тринадцать лет.

Софья вбежала в подъезд, когда тучи совсем приблизились. Под ними высветились огненные росчерки — Господь оставлял в небе свои автографы, при этом воздушный удар был такой силы, будто низко над городом крушили звуковой барьер как минимум несколько истребителей. Тряслись и звенели оконные стекла, ревели

сигнализацией автомобиля, на город обрушился крупный град. Кусочки небесного льда скакали по асфальту, гремели о железо подоконников. Софья вспомнила о семействе ворон, которые гнездились на громадном тополе рядом с ее кухонным окном, кинулась взглянуть на птиц, успокоено улыбнулась — одна из ворон сидела в гнезде, накрыв его крыльями. Вскоре град прекратился, на землю щедро и шумно полил дождь. Улицы превратились в подобие горных рек. Текущая вода пенилась, омывала поврежденные градом автомобили. У одной из машин было разбито стекло. Софья узнала внедорожник Германа, своего бывшего мужа.

Они поженились, когда Софье исполнилось двадцать, а Герману — двадцать два. Квартиру снимали в соседнем доме: Софье нельзя было уезжать далеко от бабушки. Господь подарил им с Германом три года совместного счастья, а затем что-то темное, болезненное, висящее в русском воздухе, разрушило их жизнь. Герман, как многие сверстники, занялся бизнесом — взял кредит, купил пять машин, организовал частное такси. У него вскоре появились шальные деньги, новые заботы и друзья, а Софья все кормила и обстирывала бабушку. Германа это злило, они начали ссориться, закончилось все разводом. После дележа имущества Софья осталась одна, потерянная и раздавленная.

Жить ей не хотелось, она чувствовала себя ущербной, никому не нужной. Чтобы встряхнуть племянницу («поднять ее самооценку» — по словам дяди), родственники взяли ее с собой на отдых в Турцию, наняв сиделку для бабушки.

Утопающий в цветах, удачно расположенный в горном распадке турецкий пятизвездочный отель показался Софье земным раем. Восхищала красота Средиземного моря, изящество лежащего рядом курортного городка, услужливая атмосфера отеля. Софья была молода — ей оказывали внимание многие турки в гостинице. Она боялась их, но, по совету тети, согласилась пройтись по городу с наиболее скромным из ухажеров, молодым барменом отеля, с условием, что рядом будут ее родные.

Прогулка вдоль моря в город выдалась замечательной, она изменила жизнь Софьи. Вечерние облака то и дело закрывали светящимся краем заходящее солнце, на поверхности моря еще торчали головы купальщиков, дети бежали к воде, с криком падая в волны. Сладкий, пахнущий ванилью воздух набережной пьянил, как вино, сумрачный силуэт византийской крепости висел над эффектно подсвеченной бухтой с приседающими на воде кораблями. В темном воздухе тихо играла восточная музыка, вокруг текла праздничная толпа, говорящая на двенадцати языках. Среди цветов, пальм и фонтанов гуляли нарядные турецкие семьи. Софья плавно двигалась вместе с ними сквозь анфилады зеленых арок из цветущих лиан, кустов и деревьев. Сердце Софьи замирало от восхищения, ее сознание внезапно расширилось, как экран включившегося компьютера. Софья обрела мимолетный дар, взглянув на лицо прохожего, узнать его прошлую жизнь и провидеть будущую. В ее голове рождались волшебные звуки и запахи детских, почти забытых снов. Софья вспомнила прочитанное недавно у знакомого писателя: «Человеческое сознание в обыденной жизни помещено в навязанные извне скудные рамки, освободиться можно с помощью любви, молитвы, путешествия, творчества»... «У каждого способа есть свои издержки, — думала Софья. — С любовью не получилось, а вот путешествие на пятерку!»

Турецкого ухажера, подарившего Софье волнующий мир детского счастья, звали Топалом. Небольшого роста, чрезмерно худой, будто иссушенный южным солнцем, он молча шел рядом, угощая своих русских гостей мороженым, фруктами, вареной кукурузой.

— Ю лайк маис? Ю лайкайскрем? — спрашивал он предупредительно, едва заведя лоточника, и дядя отвечал — «онлигерл, сэнкью», — по-русски обращаясь к женщинам:

— Красиво! Но вы думаете, это их обычная жизнь? Нет, большинство из них живет бедненько. Это все глянец, картинка для туристов. Они на этом деньги зарабатывают!

Топал, не понимая русского, вежливо улыбался.

— Ю кэн си олд таун,— говорил он, указывая на византийские развалины, их ржавые пушки, смотрящие в море.— Византиан темпл...

Топал казался не страшным и потому, когда тетя с дядей решили возвратиться в отель, Софья рискнула остаться.

— Будь осторожна, Джульетта,— напутствовал ее дядя, входя в маршрутку.— Лечение венерических болезней в страховку не входит!

Софья лишь усмехнулась:

— Все равно дома никто не ждет!

Теперь они могли держаться с Топалом за руки. На мостике, оплетенном цветущими лианами, над светящимся бассейном с ленивыми вуалехвостами он впервые поцеловал ее, но так волновался, что вышло как-то по-детски, со стуканьем лбами. Он явно не походил на изощренного турецкого донжуана. Софья смеялась, он смущался, но было видно, как у него перехватывает дыхание от ее близости.

— Уай ю лаух? — спросил он обиженно и, не дождавшись ответа, пробормотал: — Крейзи рашен вумен... Бат вери бьютифул...

— Донт уорри,— успокаивала его Софья.— Джаст рашн пипл... как это... мери!

К полуночи у Софьи возникло чувство, будто они с Топалом знают друг друга целую вечность. Когда он произнес: «Мейби си ю май флет?» — она кивнула, тем более что в сумочке у нее лежал заранее приготовленный латексный чехольчик. Дядя часто рассказывал Софье про опасности отельной любви, коварных турецких мужчин, каждый из которых соблазняет за курортный сезон много женщин.

Наверное, дядя что-то напутал. Топал в самый ответственный момент растерялся. Пришлось Софье, говоря иносказательно, взять дело в свои руки. Ласки Софьи довели турка до безумия, он даже слегка заговаривался. После они лежали в темноте среди чуть влажных от их усердия простыней, спотыкались на английских фразах, рассказывая друг другу о своем детстве. За окном еще слонялись туристы, мелькали огнями машины и мотоциклы, улица притихла ближе к утру, когда сквозь решетчатые жалюзи в комнату стал пробиваться свет. Софья вспоминала умерших родителей, семейные поездки летом к Черному морю — какое же это счастье, когда папа и мама живы! Топал соглашался и тоже был откровенен: ему двадцать семь, родился в многодетной семье, в горном поселке, в ста километрах от моря. Отслужил в армии, пять лет работал у отца в семейном поселковом кафе, затем сбежал сюда, в город. Два года был подсобным в отеле, накопил нужную сумму, окончил курсы английского языка и школу официантов, барменом служит всего два месяца...

Утром вместе поехали в отель: Софья отсыпаться, а Топал — работать. Они провели вместе две оставшиеся у Софьи курортные ночи. К ее отъезду Топал шатался от недосыпа и усталости, при этом он говорил, что никогда в жизни не был так счастлив, подарил Софье золотой перстень. У нее почему-то сжималось сердце, когда она глядела из отъезжающего автобуса, как он машет ей рукой на прощание.

Дома у Софьи началась, по выражению дяди, «эндорфиновая ломка». Маленькая квартирка бабушки выглядела убогой, родной северный город казался холодным, страшненьким, неудобным. Резали глаз мусор на обочинах, грязные лужи разбитых дорог, дымящиеся вдалеке фабричные трубы. Остро не хватало мужской нежности, Софья тосковала, глядела на телефон и боялась звонить,— сначала нужно было провериться у венеролога. Анализы оказались хорошими. Софья тут же набрала турец-

кий номер. Топал кричал: «Ай лав ю!». Она отвечала ему, заглядывая в специально купленный русско-турецкий разговорник: «Бен сени севьюрум»!

Вскоре звонки стали ежедневными, Топал тратил, как после оказалось, половину своей зарплаты на эти переговоры. Дядя, узнав от бабушки, что Софья и Топал поддерживают связь, объявил, что все это глупо, у ребят нет ни одного шанса, они же из разных цивилизаций, почти с разных планет!

— Найди себе русского,— при встрече сказал Софье дядя, прибавив полную вульгаризмов сентенцию, смысл которой был в том, что детородные органы мужчин разных национальностей сильно не отличаются.

В следующие месяцы жизни Софья пробовала «найти себе русского». Ее познакомили с несколькими.

Первый — осторожные движения, рябое лицо, волчий взгляд,— оказался тюремным охранником. В первый же вечер, сидя в кафе, он принялся вспоминать, как они «ломают» заключенных в зоне. Тех, кто не подчиняется, бросают в карцер, густо посыпанный хлоркой «для дезинфекции», поливают из шланга холодной водой. Карцер дымит хлором, разъедая легкие и кожу стоящего там человека, подвергнутого экзекуции кричит, корчится на бетонном полу... Софья выскочила из-за стола, оплатила свой счет, прошипела, не заботясь о дипломатии:

— Ты полный отстой, животное! Перед Богом ты больше преступник, чем те, которых вы мучите!..

Второй, коммерческий директор какой-то фирмы, торгующей запчастями для иномарок — лысоватый, дородный, выпуклые глаза с кровавыми прожилками на белках,— был из тех ушибленных деньгами новых русских, которые нашли свою правду «собирая богатство на земле». Они сделали деньги предметом культа, тратя их на большие машины, большие дома, большие путешествия, почему-то начиная считать себя при этом большими людьми. У нового знакомого Софьи, к примеру, на сей счет была целая философия! Они как-то вместе дегустировали французскую кухню модного ресторана в областном городе, заказав луковый суп, жаркое из осьминогов, яблочный десерт. Расставив толстые ляжки «удачливый менеджер» сидел напротив Софьи, покачивая столик выпирающим животом. Задышавшись от своей тучности, говорил, что Бог (Софья интересовалась, ходит ли менеджер в церковь?) создал всех разными: одних господами, других — рабами. Он себя относил, конечно же, к господам и потому не видел ничего дурного в том, что не знал, куда вкладывать деньги, дабы их не уменьшила инфляция, тогда как ближним, своим работникам, он платил зарплату, едва позволяющую сводить концы с концами. Софья внимательно слушала, в этот раз, не высказывая своего мнения, чтобы после навсегда откланяться. Она не представляла себя в постели с этим боровом, не испытывала к нему ничего, кроме холодного отвращения.

Третьим был, по его же словам, «контрабас» — бывший контрактник, сапер из инженерной разведки федеральных войск на Кавказе. С ним Софья сошлась ближе всего. Главным событием в его жизни стали три года контрактной службы в Чечне при Ельцине, накануне дефолта. Их тогда обманом фраговали в российской провинции, высаживая в поле кавказского предгорья, размещая в армейских палатках, где нужно было топить печь, чтобы не примерзнуть ночью к сырому брезенту, где туалетом служил поначалу глинистый, смердящий овражек. Они укрепляли блокпосты, строили казармы (большей частью за свои деньги), разминировали поля, зачищали от ваххабитов аулы. Но им не давали свободно действовать, иначе от аулов ничего бы не осталось, в Кремле велась сложная игра, замешанная на политике и деньгах. Чтобы получить зарплату, контрактник должен был отдать часть ее офицеру. Хочешь в отпуск — плати. В увольнительную — плати. «Контрабасы» надеялись:

приедет генерал и все рассудит, но вертолеты проверяющих регулярно сбивались вскоре после вылета из Моздока, еще на ингушской территории. У чеченцев в штабе российской армии были свои информаторы, о предстоящих воинских операциях они узнавали раньше, чем офицеры части. Повстанцам направляли деньги не только из-за границы, но прямо из Москвы, под видом выкупа за похищенных офицеров. При возвращении в Россию личное дело многих контрактников теряло денежный аттестат, у бедолаг просто крали надбавку за «боевые» дни!

— Все хотят жить хорошо,— то и дело повторял «контрабас» главную, усвоенную им в Чечне истину.— При мне в нашей части сменилось три начфина, двух посадили. Все хотят жить хорошо!

После войны он по ночам иногда кричал во сне, днем был похож на большую испуганную птицу,— без причины крутил по совиному головой. Однажды, в забытье тонкого сна, он принялся душить Софью, после с ним случился запой, оставаться с ним далее было страшно.

Четвертым был мелкий лабазник, имеющий в собственности, на одном из местных рынков, небольшой павильон, где торговали колбасой и сосисками. Он почему-то считал себя удачливым бизнесменом, хотя к тридцати годам так и не созрел до мысли, что главное умение мужчины не просто зарабатывать деньги, но быть ответственным по отношению к людям, семье, детям. Его интересовали только развлечения, секс и деньги, он принципиально не хотел жениться и заводить детей в обозримом будущем.

— Предупреждаю сразу, я не люблю бюрократии! — первым делом сказал он Софье.— Погуляли и разошлись! Мне не нужен штамп в паспорте! И детей мне заводить рано!

Глядя на него, Софья мысленно переходила на язык Элочки-людоедки. «Не могу взять в толк, хоть убейся,— раздраженно думала Софья,— почему создать семью в России сейчас хочется только женщине? Для русского мужчины это запаadlo? Кто женился — тот лох? Будут бегать от юбки к юбке, пока в пятьдесят лет не окажутся Джо из анекдота, который на хрен никому не нужен! Не хватает мозгов понять, что здоровье не вечно, нельзя развлекаться до пятидесяти, рожать детей надо в молодости! Но этим оленям и дети не нужны! Хрен с вами, живите свободными, чуваки! Посмотрим на вас в старости! Работайте, копите на свой «Порше»! Девяносто процентов из вас окажутся в конце жизни с шишом в кармане и вошью на аркане!»

Скорее всего, ей не везло — в России много порядочных, умных, добрых мужчин, она их просто не встретила. Может, Софья открывала не те дверцы в душах новых знакомых, ведь человек напоминает большой комод с множеством отделений, впечатление зависит от того, какой ящик откроешь: в одном лежит грязное белье, в другом — праздничная одежда.

— Мужики мне попадают какие-то порченые,— жаловалась Софья дяде.— Все травмированы чем-то — богатством или отсутствием денег, полицией, войной, тюрьмой, алкоголем...

— Русская цивилизация больна,— грустно кивал дядя, раскуривая трубку с экзотическим, пахнущим полынью табаком.— Нравственная деградация, почти все накапливают вещи, деньги, чтобы возвыситься над людьми! Воспринимают людей в лучшем случае клиентами, а чаще — как врагов, конкурентов! Человеческое счастье трактуют, как победу над другими! Но это — архаичное, отсталое мышление! Лично мне ближе мысль, что все люди братья! Можно жить в мире, не унижая, не подчиняя, не побеждая друг друга!

Софья для себя решила: деньги, автомобили, пиво и власть сейчас интересуют русских мужчин гораздо сильнее женщин! Тогда пусть не обижаются, что им не отвечают взаимностью!

А Топал продолжал звонить, Софью тянуло вновь оказаться летом в его приморском городе. Правда, над ухом зудел дядя. Он был уверен, что турок морочит племяннице голову. Софья придумала, как вывести кавалера на чистую воду. С первым теплом полетела в Турцию с подругой Ксюшей, не предупреждая Топала. Поселились в пятизвездочном отеле неподалеку от городской набережной, рано утром отправились на дело. Софья быстро нашла улицу и дом, где находилась памятная квартира, позвонила несколько раз, выставив перед глазком Ксюшу. Им долго не открывали. Софья была уверена, что все кончено, турок у себя с женщиной, но тут дверь отворилась. Заспанный Топал удивленно смотрел на Ксюшу, но еще больше он удивился, когда перед ним возникла Софья! Как раненая львица ворвалась она в квартиру, проверяя комнаты, шкафы, туалет, балкон, пространство под кроватью. Никого не было! Топал и Ксюша долго еще смеялись, вспоминая об этом.

Две недели пролетели как сладкий сон. За год телефонных переговоров Софья и Топал значительно улучшили свой английский, теперь они могли рассуждать о довольно сложных вещах — например, о турецкой и русской истории. Софья обнаружила в Интернете много интересного. Оказывается, турки и русские не всегда воевали друг с другом, бывали союзниками. Русский флот защищал Стамбул от египетского султана Али-Паши, когда он разбил турецкую армию. Была совместная десантная операция на Корфу, под управлением адмирала Ушакова. В 1922 Ленин помогал Кемалю оружием и деньгами, хотя противниками турок были православные греки...

Софья и Ксюша часто ужинали на огромном балконе, опоясывающем квартиру Топала. Пол здесь был выложен кафелем, вокруг стола теснились плетеные кресла, сразу за перилами начиналось царство мушмулы, гранатовых и апельсиновых деревьев. За ними открывался вид на улочку, щедро украшенную цветами небольшого отеля, расположенного напротив. Стол, покрытый чистой скатертью, был уставлен тарелками с фруктами, орехами, пахлавой, в центре помещался многоярусный чайник. Из отеля ресторана доносилась восточная музыка, за столом появлялись родственники Топала — загорелые мужчины в ярких рубашках, скромные сестры в темных платках и платьях (они прекрасно готовили на кухне сарму, турецкое подобие голубцов с виноградными листьями вместо капустных). Мушмула бросала дрожжащую тень на светлую скатерть, чай в стаканах обжигал руки. Топал говорил, что сейчас Россия и Турция не враги. Меж ними не было ссор вот уже 130 лет, за это время Россия два раза воевала с Германией, несколько раз с Польшей. Против русских выступали Финляндия, Румыния, Венгрия, и даже братские Болгария, Грузия! Разливая чай, Топал рассуждал о том, что миссия Анатолии — связывать Европу и Азию. Она — мост меж Западом и Востоком, поэтому в Турции нужно строить не только мечети, но и университеты, книжные магазины, театры. Топал был идейным приверженцем политики Ататюрка, при этом он избегал свинины и водки, хотя намаза не совершал, любил пиво и не имел ничего против христианства Софьи. Единственное, о чем они спорили — кем будет по вере их ребенок?

Как-то втроем, вместе с Ксюшей, гуляли вдоль моря — олеандровые заросли на набережной, жаркая синева неба, крики купальщиков, — Софья спросила про геноцид армян в Османской империи.

— Была война, — хмурился Топал, — но мы больше не хотим воевать! Армении, Турции, России нужно дружить! У России есть атомные бомбы, нефть и газ, а в Турции много солнца, пляжей, отелей, где русские любят отдыхать. Зачем нам воевать, если можно ездить друг к другу в гости?

— Наивные, — сказал дядя, когда Софья пересказывала ему слова Топала, вернувшись в Россию. — Воевать все равно придется! Новый мировой порядок не отвяжется! Его пушечным мясом выбрали мусульман! Сейчас расчищается площадка для

строительства нового, разрушают основы прежних обществ: ислам, христианство, национальные государства, семью...

Дядя так волновался, что Софья начинала опасаться за его здоровье.

— Ты что-нибудь слышала про гендерное равенство и ювенальную юстицию в Европе? — одышливо спрашивал он, приподнявшись в кровати, после инфаркта он большей частью лежал. — Поинтересуйся! Традиционные общества ломать будут очень сильно! Новый порядок создает на планете зоны хаоса! На их фоне центры силы выглядят более привлекательно, так стабильнее их валюта...

Софья не хотела верить в плохое, она была занята оформлением приглашения для Топала, дядя вечно преувеличивал опасности.

Топал прилетел в конце ноября, когда турецкие курорты закрылись на зимние каникулы. Ему хотелось увидеть русскую зиму, о которой у заморских народов были сказочные представления. Софья ездила встречать его в Домодедово. С неба сыпала снежная крупа, оставляя на лобовом стекле такси мелкие капли. На земле снег быстро таял, слякотный ноябрьский зазимок тянулся уже больше трех недель. Деревья протягивали к серому небу окоченелые ветви, о днище машины стучал мерзлый щебень обочины, кое-где в низинах, по-над речками стоял туман, скрывающий железные вышки противоракетной обороны с белыми тазами антенн. Машину покачивало из-за плохой резины, Софья боялась, что ее экипаж с шашечками на крыше сломается, но все обошлось. Вскоре Топал сидел рядом с ней, разочарованно глядя из окна такси на грязные бока машин в сутолоке подмосковных пробок.

Наутро Софья торопилась на рынок, чтобы купить ему теплую одежду, наивный турок прилетел в легкой курточке и летних ботинках. Спустя пару дней, когда Топал чуть свыкся с уличным холодом, собрались в Ясную Поляну: на стене, в комнате у Софьи, висела фотография Льва Толстого, — седая борода, кустистые брови, пронзительный взгляд мудреца, — Топалу хотелось узнать, как жил русский деревниш.

Погода сделала им подарок: в Ясной было удивительно солнечно для конца ноября. За округлыми башенками входа в усадьбу начинался березовый «прешпект», серебрилось зеркало стылого пруда. От «прешпекта» к строениям под зелеными крышами расходились щебенистые дорожки с красноватыми участками обожженной и утрамбованной глины. Людей вокруг было мало. Возле кормушки на дереве снова ла осторожная белка. Собака, похожая на лису, трогала носом ладонь, ожидая подарка. Стая галок ворошила клювами опавшие листья в яблоневом саду, тут же пасся скаковой жеребец с несколькими репьями в длинном хвосте. Возле конюшни за Топалом погнался гусак-двоеженец, охраняющий свой небольшой гарем. Среди старых яблонь тарахтел маленький трактор, влажно чернели свежие кротовины рядом с деревом влюбленных, вокруг которого, смеясь, бегали дети.

— Я сказала обойти три раза! — кричала им классная руководительница. — А вы уже все тридцать три!

— А желание говорить вслух можно? Или надо скрывать? — звенели голосами юные заклинатели желаний.

Когда дети ушли, сделалось удивительно тихо, если не считать слегка гудящей за лесом большой дороги. Меж влажных стволов Заказа попискивали синицы. Полетному свежо выглядела зелень еще не увядшей сныти. Указатели на столбах направляли к могиле старца, к его любимой скамейке на окраине молодого ельника. Ветви голых яблонь кое-где сохраняли увядшие яблоки. Лаяла рыжая овчарка у огороженного плетня...

Софья и Топал, будучи в России, часто навещали дядю — у него случился второй инфаркт, он почти не вставал, но голова у него работала исправно, если не считать

легкой забывчивости да высохшего английского. Теперь Софья выступала в качестве переводчика.

— Рене Генон и Клаудио Мути, современные европейские философы, неспроста приняли ислам! — говорил дядя, задыхаясь. — Европа теряет энергию, стареет, прямо как я. У коренных европейцев рождается слишком мало детей. Уровень жизни и уровень свобод для Европы оказался важнее продолжения рода! И потому, Топал, европейские женщины отдают мусульманам тело, а некоторые мужчины — душу. У Европы сейчас нет идеи, она живет логикой изнеженного и развращенного тела. Но некоторые люди, пассионарии, не могут жить без идей! А ислам такую идею предлагает! Но эта идея простовата для русских!

— Дядя, хватит! — останавливала его Софья. — Как я переведу слово «пассионарии»?

— А как ты переведешь «пошлость» или «авось»? Русский язык богаче английского! Но русский язык сейчас уничтожают, вот что обидно!

Мужчины чокались рюмками с текилой, которую Топал считал невинным для мусульманина соком американского кактуса. Топал и Софья преподнесли дяде набор трубок из камня и дерева, а тот добавил недостающую сумму для покупки компьютера. Ноутбук для Топала вскоре был куплен, чтобы молодые каждый день могли видеться в Скайпе.

Начали готовиться к свадьбе. Пришлось оформить и перевести с русского на турецкий множество документов, навестить российское консульство, расположенное в Анталье, сдать кровь для анализов. У Топала подтвердилась талассемия, болезнь Средиземноморья — брак с турецкой женщиной был для него нежелательным, отчасти поэтому он искал себе женщину из дальнего зарубежья. Многие друзья Топала взяли в жены полячек и немок. В российском посольстве каждый день регистрировали с десятком браков турецких мужчин с русским женщинами.

— Турция пополняется новыми янычарами, — узнав об этом, сказал дядя. — Если, не дай Бог, будет война, твой сын, Софа, окажется на чьей стороне?

— Хватит! — восклицала Софья. — Войны не будет! Границы стали прозрачными! Люди ездят туда и сюда! Народы смешиваются! Зачем воевать?

— Все смешиваются, кроме англосаксонской аристократии, армян и евреев, — грустно подтвердил дядя. — Смешение народов и вер делает вас похожими на пластилин!

— Дядя, хватит! — кричала Софья. — Смешение делает нас жизнеспособнее! Гены и культуры обогащаются!

— Есть в том, что ты говоришь, что-то предательское, — махнул рукой дядя. — Ты обогащаешь турецкий генофонд, но при этом обедняешь русский! Оправдать можно все, только нужно ли? Делай что хочешь, но хотя бы осознавай, что происходит!..

Софья уже не хотела отступать. После года мытарств свадьба в Турции все же случилась — были чуть влажными от свежести огромные букеты подаренных им цветов, Софья разбивала каблуком большую ритуальную тарелку, отец жениха разрезал ножницами красную ленточку, связывающую золотые кольца. По турецкому обычаю Топал целовал Софью в лоб, танцевал с друзьями, украшенный гирляндой из подаренных гостями купюр. После загса ездили в горы и к морю — фотографироваться. В альбоме и памяти Софьи остались ее белое платье, лепящиеся к скалам, как ласточкины гнезда, старые турецкие дома, едва заметная дымка над порогами горной реки в тесном ущелье Дымчай, где им подавали форель в ресторанчике над водой, мощные стены византийской крепости, отвесной стеной падающие к морю.

После свадьбы Софья улетела в Россию, нужно было присматривать за бабушкой и дядей, он слабел на глазах.

— Скоро я узнаю,— говорил он,— кто из нас был прав: православные, мусульмане, иудеи?

— Тебе страшно? — спрашивала Софья, подавая ему чай.

— Нет,— качал головой дядя.— Я в преддверии большого путешествия. Не верю, что Господь будет мучить меня в аду. Он слишком мудр и добр для этого. Добрые и мудрые не бывают мстительны. Меня мучит другое... Наше поколение здесь, на земле, плохо сделало свою работу!

— Что ты имеешь в виду? — Софья поправляла ему одеяло.

— Мы потеряли свою страну! В том, что сейчас происходит, есть что-то неправильное, незаконное! Россия растекается по миру третий раз за столетие! В нас ослабело чувство родины! У нас великая история, но разве мы достойны своих предков?

— Охота тебе нервничать? — успокаивала дядю Софья, подавая ему кислородную подушку.

— У меня такое чувство,— после нескольких глотков кислорода говорил старик, при этом у него внутри что-то хлопало,— будто я не сделал что-то важное, не подумал, не уяснил до конца! Я почти всю жизнь думал, что главное впереди! Но это было такой глупостью...

Софья протирала влажной салфеткой руку больного, чтобы сделать укол. Дядя гладил ее по голове:

— Мне жаль, что ты уедешь так далеко... Не придешь ко мне на могилу, забудешь, как молиться по-русски...

— Я обещаю, что буду молиться за тебя по-русски,— плакала Софья.— И мой ребенок будет говорить не только по-турецки, но и по-русски! Он будет любить Россию, я обещаю тебе. Прости нас. Но мы с Топалом любим друг друга, а любовь все искупает. Разве не так?

— В России заигрались фальшивыми идеями,— целовал ее в голову дядя,— мы думали о мировой революции, о социализме в отдельно взятой стране, об электрификации, коллективизации, индустриализации, а про душу человеческую забыли...

Софья не хотела спорить. «Не люблю эти мужские игры в войну, в политику, в революцию, в переустройство мира,— думала она.— Когда-нибудь они доведут планету до гибели. Пока мужчины воюют, борются за власть и зарабатывают деньги, женщинам нужно рожать детей, любить, спасая мир этим. Если у человека нет любви, детей, в этой любви рожденных, то вся жизнь зря, напрасно, впустую»...

Софья оторвалась от мыслей, обнаружив себя у окна в бабушкиной квартире. Гроза закончилась, туча сдвинулась на восток, сыпал остаточный дождь, который с каждой минутой слабел. На улицу выскочили дети, они шлепали по лужам прямо в сандалиях и смеялись. Испуганные собаки выглядывали из-под лавок, тревожно поглядывая на небо.

Софья подошла к компьютеру, включила Скайп. После гудка на экране высветилось лицо Топала. Он сидел на своем балконе в окружении родственников, за их спинами видны были деревья мушмулы с округлыми плодами вроде абрикосов. Топал спрашивал что-то про «их цветы». Софья принесла к экрану букет, который они вместе собирали в горах после свадьбы. Цветы уже высохли, но еще пахли немного, их запах напоминал аромат увядшей скабиозы.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ДВЕНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ

Наш постоянный автор. Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР и России. Имеет более полутора тысяч публикаций в областных, городских, районных и многотиражных газетах, выступлений на областном радио. Печатается в альманахах «Иван-Озеро», «Дом Радуги», «На крыльях Пегаса», «Пегасик» (для детей), «Ковчег», «День тульской поэзии», «ЛитераТула»...

Автор сборников «Взгляд назад»(1984 г.), «За чинами я не гнался»(1987 г.), «Посади дерево»(1992 г.), «Сорняки»(1998 г.), «Горка детства»(2001 г.), «В погоне за упущенным временем»(2010 г.), «Вдохновение вне расписания» (2011 г.), «Главное — оставаться человеком»(2012 г.), «Пробуждение»(2013 г.) и других.

— Здравствуйте! — поздоровался Василий, выходя на поляну, до этого наблюдая из-за листвы за мужичком, который своеобразно рубил дрова: подбрасывал чурбачок в воздух и на лету разрубал его пополам — и так несколько раз подряд, значит, это совсем не было случайностью.

Ловко он все это проделывал, и создавалось впечатление, что не многокилограммовые поленья взлетали над его головой, а какие-то кусочки масла, и рубил их не топор, а нагретый нож или сабля.

— Ну, здравствуй, здравствуй, добрый молодец, — оторвавшись от своего занятия, обернулся на голос дядька. — С какой бедой-печалью пожаловал?

— Ух, ты? Вы со мной поздоровались, как в русских народных сказках. Словно я сам в сказке оказался.

Мужичонка, издав издали казавшийся маленьким приземистым, при близком рассмотрении оказался довольно высоким жилистым человеком и совсем еще не старым, хотя густая борода и увеличивала количество лет.

Дроворуб усмехнулся.

— Так ведь мы сами моделируем окружающее нас пространство. Кто-то выбирает серые беспробудные будни, а для кого-то радостно жить в сказке. Но для этого надо потрудиться, чтобы создать такую сказку.

— Я заметил: оригинально дрова вы рубили — топор как по маслу идет.

Мужчина внимательно посмотрел на молодого человека, лицо которого выражало неподдельное удивление и восхищение от увиденного, засмеялся в свои рыжие усы, вогнал с размаху лезвие топора в широкий пенек, торчащий из земли, и, пригладив бороду, ответил без смеха:

— Это — иллюзия. Издав издали показалось. Да и шел ты с подветренной стороны, поэтому и стука топора не слышал. Не все то, что видят наши глаза, происходит в действительности. Человеческий мозг — очень сложная, не изученная до конца

структура, которая дорисовывает любую увиденную картину, а тем более не понятную, на свой лад, используя знания, которыми обладает тот или иной индивидуум.

— Вот это вы закрутили предложеньице,— прямо как у Толстого получилось. Вы, часом, не философ?

— Ну, это дело нехитрое,— улыбнулся местный житель.— Поживи с мое. Понаблюдай за окружающим тебя пространством. Глядишь, и сам философской мудрости наберешься.

Может, я подбрасывал уже две половинки и махал топором, но создавалось впечатление, что я в воздухе рублю. А если я придумал себе такое специальное упражнение для укрепления мышц спины и рук?

— Конечно, такое может быть и вы правы, но что-то очень странно все это выглядит.

— А что тут странного? — изумился пожилой мужчина.— Это у вас, в городе, тренажеры всякие есть, а здесь — в лесу используешь, что попадется.

Меня, кстати, Пантелеймон Ферапонтович зовут. Для простоты можешь меня звать дядя Пантелей.

— А я Василий — студент. В Семеновку иду — это деревня такая.

— Как же, как же, знаю. В двенадцати километрах отсюда.

— Вот-вот. Я иду, а меня смотрите, какая туча нагоняет,— полнеба закрыла, и всполохи видны, гроза будет. Увидел ваш домик — решил попроситься переждать грозу. Пустите?

— Отчего не пустить такого добра молодца. У меня и пироги успели. Угощу и чаем напою. Да и мне, старику, пообщаться с молодыми интересно: как живут? чем дышат? чем увлекаются? что волнует?

Только ты, мил-человек, сказал про грозу, и вся природа насторожилась,— бородач посмотрел по сторонам,— вот, кстати, будь добр, отступи на шагок назад — а то шмелик летит.

Василий посмотрел в том направлении, куда указывал его собеседник, и хоть и ничего не увидел, но на шаг отступил назад, как его и просили.

В тот же миг на большой скорости мимо самого носа парня проскочил какой-то гудящий комочек.

— Ух ты! Ничего себе! — опешил студент.— А вы, случаем, не волшебник?

— С чего ты так решил?

— Откуда вы узнали про шмеля, и что он пролетит именно здесь?

— Шмелик-то — он маленький, пугливый. Как только гроза — сразу ко мне прилетает. Я даже форточку не закрываю — жду. Надо помогать маленьким. Он влетает в дом и, сразу спрятавшись в дальней комнате, затихает. Сидит под потолком тихонько и только вздрагивает при каждом ударе грома. Но лишь дождь заканчивается мохнатый уже возле окна крутится, как бы говорит: «Загостился я тут у вас, а ведь пора и делами заниматься». Я ему в розеточку варенья наливаю и он, перед тем как улететь, обязательно угостится,— особенно любит малиновое. Но и от других не отказывается.

Да ты, Василий, в дом-то проходи, а то заболтались мы с тобой, а дождь он — ждать не будет: раз собрался, значит, ливанет, да так, что мало не покажется.

Только дед Пантелей закончил эту фразу, как набежавшая туча заслонила солнце, и капли дождя забарабанили по земле, по листьям, по крыше лесной избушки, по перевернутой верх дном кастрюле, висящей на низкорослом заборчике; словно природа исполняла какое-то музыкальное произведение написанное специально для ударных инструментов.

— Ух! Хорошо-то как — пробежаться под дождем! — прокричал хозяин, пере-

крывая шум стихии, когда он очутился на веранде.— В молодости, бывалочи, частенько под дожди попадал. Ты проходи, Василий, располагайся, а я тут на веранде окошки закрою, чтобы ветром стекла не побило.

Веранда была метра четыре длиной и почти пустая, если не считать узкой дорожки серого цвета с какими-то синими завитушками, кресла, стоящего в другом конце и тумбочки, на которой находились книга и подсвечник под три свечи. Рамы состояли из мелких стекол — такое Василий видел лишь в старых фильмах, теперь так не делают. Сбоку висела вешалка с козырьком для одежды и шляп. Но самое удивительное, что верхние стеклышки были разноцветными: красными, желтыми, голубыми, фиолетовыми...

Парень обратил внимание, что все они искрились и переливались — это было необычно, ведь за окнами света поубавилось, стало темно, и дождь выливался сплошным потоком, не переставая и даже усиливаясь. А эти стеклышки словно впитали в себя частички света, тепла, кусочки ясного неба и дарили людям радость и надежду, не давая им загрустить, а наоборот, убеждали, что дождь скоро закончится — выглянет солнышко, запоют птицы, а цветы, умытые, напитавшись влагой, зацветут еще более яркими красками.

Василий улыбнулся своим мыслям и вошел в комнату, но очутился в небольшом коридоре. Прямо была дверь в комнату, слева находилась еще одна, а справа располагилась кухня, откуда шли характерные вкусные запахи.

— Ну, ты чего, мил-человек, застыл, как вкопанный? Присаживайся,— произнес, появившийся Пантелеймон Ферапонтович. Он вошел в кухню, открыл у печи заслонку и подбросил несколько дровишек. Раздул слегка теплящийся огонь и закрыл металлическую дверцу. После этого подошел к столу, на котором стоял самовар, снял трубу, чиркнул спичкой о коробок, поджег бумажку и бросил внутрь. Посмотрел, как там разгорается, добавил несколько тоненьких щепочек и установил трубу на место. Зажег пять свечей в подсвечнике, стоящем тут же на столе, и столько же свечей в другом подсвечнике, примостившемся на буфете. Достал из буфета чашки, ложки, сахарницу, банку с варением, розетки и блюдо, наверное, под пироги.

— Ну, что,— хлопнул в ладоши старичок.— На Руси испокон веков ведется хорошая традиция — путника сначала накормить-напоить, а потом расспросами занимать. Тем более этот ливень, который ты за собой притянул, как-то переждать надо.

— Ну, выдумаете тоже,— улыбнулся молодой человек.— Я его не тянул за собой — он как-то сам по себе двигался.

— Э-э-э, не скажи, Василий, тучи следовали тем же направлением, что и ты. Природа нахмурилась и расстроилась — словно хочет что-то сказать или предупредить. Ты случайно не совершил ничего плохого? Или может, собираешься что-то сделать? Ведь ты же умный человек в институте учишься.

— Да, на последнем курсе.

— Значит должен знать, что мысли — материальны. Вокруг нас не вакуум, а информационное поле. Когда мы говорим, что нас осенило — это значит, что буквы сложились в определенное слово, а слова во фразы и цифры — в какие-то комбинации: и мы что-то изобрели, открыли какой-то закон, либо написали интересное произведение.

Может быть, думаешь о чем-то нехорошем?

— Чушь какая-то,— сдвинул брови юноша.— Ничего я не собираюсь совершать плохого.

Он пожал плечами и хмыкнул.

— Вас, дядя Пантелей, послушать и можно увериться, что шаманы или целые африканские племена, думая о дожде — и правда, его притягивают.

— А то как же! — воскликнул лесник и всплеснул руками. — Именно так оно и есть.

Налетевший порыв ветра распахнул створку окна и погасил свечи, стоящие на столе.

Хозяин дома потянулся и закрыл окно, а затем щелкнул пальцами, и все пять свечей в подсвечнике загорелись одновременно.

— Ух, ты, а вы все-таки волшебник?! — то ли спросил, то ли произнес утвердительно парень.

Мужчина поморщился, переживая, что дал промашку.

— Это я автоматически. А может — это фокус такой.

— Когда электрические лампочки благодаря реле включаются от хлопка — это понятно, но со свечами, тем более с пятью, такой фокус пройти не может.

— Ну, да, действительно, я — волшебник!

— Вот уже несоответствие. А зачем тогда дрова самому рубить? печь разжигать? стол накрывать? пироги выпекать? воду носить?

— Волшебство не для баловства. Так ведь и облениться можно, молодой человек. Взмахнул рукой или даже нет — только подумал о чем-либо, и мысль твоя тут же материализовалась. И все — пропадет блеск в глазах, мы перестанем удивляться и радоваться, как дети, когда им удастся познать что-то новое. Пропадает интерес к жизни, когда живешь на всем готовом. Поэтому мы, настоящие волшебники, не тратим волшебство по пустякам, а трудимся, как и все остальные люди. Труд — он облагораживает. Ты даже не представляешь, какое я получаю удовольствие, когда делаю что-либо своими руками. И потом эта приятная усталость, и ломота в теле. Плету корзины, вырезаю фигурки животных из дерева и раздаю деревенским ребятишкам. Да много чего. А волшебство мы приберегаем для особых, экстренных случаев.

Я и в лес перебрался жить, чтобы скрыться от тунеядцев и бездельников. Любили наседать и канючить: сделай им то, помоги в этом. Тебе ведь ничего не стоит, ты же — волшебник. А сами палец о палец не ударят для себя самих. У меня все готово.

Хозяин дома взял неизвестно откуда появившийся на столе керамический чайник и стал разливать по чашкам горячий свежесваренный душистый напиток.

Свечи, потрескивая, разгорелись в полную силу, освещая помещение. Кухня оказалась довольно просторная — у окна, расположенного напротив двери, большой стол, по краям четыре удобных стула с высокими гнутыми спинками; справа в углу старинный сундук лежал с открытой крышкой, рядом находилась металлическая раковина с краником, торчащим прямо из стены. Сверху висело несколько открытых полочек со всевозможными баночками, коробочками, сверточками и все это вперемежку с фигурками животных, вырезанными из дерева. С другой стороны почти всю стену занимала печь, похожая на русскую и высотой с человеческий рост, с широкой, почти круглой заслонкой наверху и двумя маленькими дверцами снизу для дров и золы.

От печи по всем стенам тянулись трубы, значит отопление — паровое.

— А что электричества у вас здесь нет? — посмотрев по сторонам, поинтересовался гость.

— Ох, насмешил, Василий! — захихикал старичок. — Какое же в лесу электричество?

— Но ведь свечи очень быстро прогорают, да и дорого.

— Свечи прогорят, а я воск растоплю, фитилек вставлю и новую свечу сделаю. Да и потом долго не засиживаюсь — с закатом спать ложусь. А под свечки вырезаю из дерева разные формочки, и получаются интересные фигурки, словно сказочные персонажи.

— Значит, вы телевизор не смотрите и радио не слушаете, и чем же вы здесь занимаетесь — одни в глуши?

— За лесом присматриваю. Ведь кто-то должен взять на себя такую обязанность. А телевизор — что в нем хорошего? Там ведь ничего нужного не покажут, ну, разве что за редким исключением. А в основном засоряют мозги с юных лет еще не окрепшим, несформировавшимся личностям. А новости мне и сороки рассказывают, — засмеялся волшебник.

Он развернулся к печи, открыл большую заслонку, достал поддон с румяными пирожками и при помощи специальной матерчатой рукавички сложил их на приготовленное блюдо.

— Вот угощайся. Это — с грибами, а те — с ежевикой и земляникой.

Студент разломил пирожок пополам и начал дуть внутрь, чтобы скорее остудить и попробовать — уж очень волшебные запахи распространялись по кухне, и аппетит сразу проснулся.

— Ну, как тебе мое угощение? — поинтересовался хозяин дома, с улыбкой наблюдая за Василием, который уминал уже третий пирожок, запивая его душистым чаем.

— Выше всяких похвал! Давно не ел таких вкусных кулинарных изделий! Да вы — настоящий мастер. И правда — волшебник.

— Экий ты право, юноша. Причем здесь волшебство. Если ты что-либо пытаешься сделать собственными руками и вкладываешь в это не только свои знания и навыки, но и душу, то у тебя обязательно все получится. И это не относится только к приготовлению пищи — это относится ко всему. Например, можно сделать обычную табуретку, на которую никто и внимания не обратит, а можно создать целое произведение искусства, которым все станут восторгаться. Кстати, об искусстве. Посмотри, какие песни звучат сейчас у вас на эстраде — песни однодневки, многие из которых спустя несколько лет никто уже и не вспомнит. Да и песнями это назвать сложно, — махнул рукой Пантелеймон Ферапонтович. — А народные песни — их даже вспоминать не надо — они на слуху у всех и передаются детям, а затем и внукам. Поют их и на свадьбах, и на других торжествах и пожилые люди, и та самая молодежь, которая на сцене исполняет так называемые «шлягеры». А почему так происходит — я тебе отвечу.

Потому что народные песни — и не только русские, но и грузинские, украинские, румынские или китайские создавали не ради денег. В них — боль, страдания и мудрость многих поколений, самое главное — есть душа.

Так что волшебство здесь ни при чем. Такие вкусные домашние пироги никакая магия не сможет сделать, уж поверь мне — пробовал.

Студент перестал жевать и глянул на мужчину. Тот превратился в древнего старика: лоб исполосовали глубокие морщины, щеки провалились, будто в беззубый рот, а борода стала раза в два длиннее. Словно объясняя Василию, положение вещей мужчина прожил за это время несколько лет. По крайней мере, у гостя сложилось такое впечатление. Хотя может быть, это просто отблеск свечей — игра света и тени.

— О! А вот и ворон прилетел — на дереве сидит, — посмотрев в окно, проговорил хозяин дома. — Жалуется на свою судьбу, на то, что приходится мокнуть под ливнем. Ругает тебя, за то, что ты притянул этот дождь.

— Да не притягивал я ничего, пусть не обманывает. А вы, что язык птиц понимаете? или шутите?

— А как же! Нам волшебникам без этого нельзя. И не только птиц, но и других зверушек и насекомых, чтобы быть в курсе происходящих событий — вдруг кому-то помощь срочно потребуется.

Ну, ничего, сейчас сильный дождь с грозой природе просто необходим — до этого, поди, две недели с неба ни капли. Так что можно и потерпеть — пусть земля насытится, умоется, приведет себя в порядок.

Ты в Семеновку в гости к кому идешь али как?

— Как вам сказать — я там родился.

— Значит, навестить родные места. Это очень хорошо — молодец! Чайку еще налить? И варенье малиновое попробуй.

— Спасибо. С удовольствием — очень вкусный у вас чай.

— На травах настоящий.

— Мы с родителями потом в город переехали, чтобы я смог окончить школу, поступить в институт. В деревне дед остался — не захотел переезжать. Родители у меня — геологи, мотаются по всей стране — дома не сидят. Деда навещали по несколько раз в год, когда родители из экспедиции возвращались. А в прошлом году дедушка Василий умер и дом свой мне завещал. Родители сказали: «Дом твой — поступай, как хочешь». Вот я и решил его продать.

— Эх, Василий, теперь понятно, что с грозой происходит. Я же тебе говорил, что мысли материальны, вот природа и расстроилась.

— Да ладно, это простое совпадение — стечение обстоятельств.

— Э-э-э, милый друг, не бывает случайностей, все в природе взаимосвязано: как приливы и отливы связаны с Луной, так и наши мысли с окружающим миром. Ведь, как бывает, не видишься с человеком несколько месяцев или даже лет, начинаешь о нем думать, вспоминать и через пару дней сталкиваешься с ним нос к носу.

— Ну, да, действительно, было со мной такое несколько раз.

— Вот видишь. Не продавай, мил-человек дом. Это же — родной дом, в нем родился, там прошло твое детство, а ты отказываешься от своей родины — можно сказать, продаешь ее.

— Да что вы такое говорите — это просто дом.

— Эх, Василий, это не просто дом — это корни, а ты обрубаешь их.

Пантелеймон Ферапонтович резко поднялся со стула, хлопнул от досады в ладоши — все десять свечей разом погасли, но зато вспыхнул яркий свет под потолком.

Студент посмотрел вверх — загорелись электрические лампы в пятирожковой бронзовой люстре, которой до сего момента там не было, но юноша этому уже не сильно удивился.

— Ты сказал, твоего деда звали Василий, значит, тебя называли в честь него?

— Угу.

— Угу, — передразнил гостя мужчина. — Дед, умирая, завещал этот дом не кому-то, а именно тебе, чтобы была преемственность поколений. Ведь без связи поколений нет продолжения жизни.

— Да мы не появлялись в нем уже около года. Он довольно старый, но еще крепкий — сделан добротнo с любовью на века. Отопление, правда, паровое, а газа и во-все нет.

— Ничего страшного. Можно приезжать на лето, дышать этим чистым деревенским воздухом, а воздух у нас здесь замечательный — сладкий, медовый, дышишь и никак надышаться не можешь. Поковыряешься в земле, что-нибудь посадишь, потом урожай соберешь — разве это не удовольствие?

Не сравнить с вашим городом — живете в многоэтажках, оторваны от земли русской, природы. Приватизировали свои квартиры и радуетесь. А чему? Приватизировали-то — воздух на уровне 12—30 метров над землей. А здесь — вот она земля!

Волшебник разгорячено ходил из угла в угол.

— Да и добираться сложно, — стал оправдываться юноша. Я сегодня на автобус опоздал, а другой — только вечером, вот и иду пешком.

— И что, пожалел об этом?
— Нет, в этом есть своя прелесть, и воздух действительно вкусный.
— Закончишь на следующий год институт, поступишь на работу, подкопишь денег — купишь какой-нибудь «жигуленок» и добираться станет гораздо лучше и быстрее. Потом постепенно дом подлатаешь, проведешь газ...
— Да я с покупателем договорился — он вечером приедет дом смотреть.
— А ничего страшного, человеку и объяснить можно, что передумал продавать свое родное родовое гнездо. Я уверен — он поймет. До Семеновки — 12 километров, это примерно два часа ходу, у тебя будет время, чтобы все обдумать и принять правильное решение.

Хозяин дома опустил на стул и вздохнул:

— Самое главное — не спеши, подумай хорошенько, разберись в своих чувствах. Не делай поспешных выводов, ведь спешка, ты сам знаешь, когда нужна: при ловле блох, при расстройстве желудка и при охране границы.

Что тебе эти деньги, вырученные от продажи? Они просочатся сквозь пальцы, растают, будто снег летом, исчезнут, словно вода в песок и не заметишь, как они закончатся.

А дом — это основа. Как я уже говорил — это корни, это тонкая связующая нить с твоими предками, это память о них и даже уважение.

Потом женишься, детишки пойдут. Куда семью будешь вывозить на отдых — в Турцию? Египет? А лучше на все лето в нашу русскую деревню — в свой собственный дом.

Раньше большие семьи были — по восемь, пятнадцать человек. Правда, времена не из легких — не все выживали. Хоть ртов и много, но как-то прокармливали, а с другой стороны — какое подспорье родителям! — помощники подрастали. Всяко бывало, но жили дружно — друг за дружку грудью вставали, на помощь по первому зову приходили. А жениться кто из семьи надумает, так всей деревней молодым избу ставили рядом с родительским домом. И с детства приучали к труду: тяжелому, изматывающему, сельскому.

В четыре часа утра просыпаться и пасти корову, а вечером пригонять обратно — поить, мыть, доить. Осенью косить траву — заготавливать сено. И чтобы оно не сгнило под дождями.

Зато сызмальства каждый знал истинную цену хлебу, молоку... Не продавай дом, Василий, не хорошо это как-то.

— Честно говоря, вы меня огорошили своими размышлениями, я даже задумался, — а правильно ли поступаю?

— Вот я уже слышу голос не мальчика, а мужчины. Появились здоровые мысли в твоих словах, а это главное. У тебя в запасе еще двенадцать километров, чтобы все спокойно обдумать и прийти к кому-то решению.

Тебе идти пора, а то я голову заморочил — вижу, мысли шевелятся, в голове твоей не помещаются.

— Но ведь дождь сильный и затяжной, — задумчиво произнес гость.

— Разве? — удивился волшебник.

— Так это ворон говорил.

— А ты уже веришь в это? — засмеялся Пантелеймон Ферапонтович.

— Ну, как же ворону не верить, если он говорит такое, — решил подыграть старику Василий. — Это мудрая птица, давно на свете живет. Стоит прислушаться

Мужчина прищурился, внимательно посмотрел на юношу и произнес:

— Говоришь правильно, но сам не веришь в то, что говоришь.

Он щелкнул пальцами, и дождь прекратился, появилось солнце, запели птицы.

Лесничий приоткрыл одну створку окна — запахло свежестью.

— Мил-человек, отклонись, пожалуйста, назад — шмелик обратно летит.

Василий посмотрел вглубь дома. Оттуда показался гудящий комочек, неторопливо пролетел возле самого носа студента и, слегка ударившись о стекло закрытой створки, сполз на подоконник.

— Экий ты, брат, неловкий,— засмеялся мужчина.— Опять не справился с управлением — промахнулся. Ну, лети сюда, бедолага, откушай твоего любимого вареньица — я тебе уже налил.

Шмелик словно услышал слова хозяина дома, расправил крылышки и, перелетев к столу, осторожно сел на край розетки с малиновым вареньем.

— Я не пойму одного,— задумался молодой человек.— Если вы говорите, что вы — волшебник, зачем вам нужно что-либо объяснять кому-то и уговаривать? С помощью волшебства воздействовали на человека, и он поступил так, как вы считаете нужно, хотя это, может быть, и неправильно.

— Вот ты сам и ответил — это может оказаться неправильным. У человека должен быть выбор, и он сам обязан принять решение. Иначе человек станет мучиться, почувствует какое-то неудобство, будет пытаться что-то вспомнить. Начнутся нервные срывы, и в итоге человек или сопьется, или покончит с собой, или попадет в дом для умалишенных.

Простой пример: много у тебя знакомых, которые бросили курить? И не неделю назад, а уже давно?

— Я таких не знаю,— честно признался студент

— Человеку объясняешь, что — это вредно, уговариваешь бросить, доказываешь, ругаешься, насильно кладешь в лечебницу, заставляешь прилеплять антитабачный пластырь, показываешь последствия от курения, болезни... Но все без толку. В лучшем случае, так называемый пациент, держится несколько месяцев, но потом снова начинает курить. Я лично знаю только троих, которые не докурили сигарету, скомкали почти целую пачку и сказали сами себе: «Мы бросили окончательно и бесповоротно». И с тех пор не курят: один — около пятнадцати лет, а двое других уже более двадцати.

Конечно у них и сила воли огромная, но главный фактор — это то, что они сами приняли решение. А по поводу волшебства, какой же я волшебник? Я просто человек, живущий в ладу с природой.

— Как же тогда объяснить появившуюся люстру и электричество в глубине леса? а зажигающиеся свечи? рубку дров? разговор со шмеликом? прекращение дождя от щелканья пальцами?

Старик посмотрел на потолок. Юноша последовал его примеру — никакой люстры там и в помине не было.

— Может быть, это были всполохи грозы, а показалось, что — электричество и остальное мозг, как мы говорили,— смоделировал и дополнил картинку?

Василий посмотрел на свечи. Они продолжали гореть — все десять.

— Шмелик почувствовал запах варенья и прилетел. А дождь просто сам закончился,— туча проплыла дальше.

Студент сидел и не знал что сказать — все аргументы и доказательства рассыпались.

— Ну, что, Василий, небо прояснилось — тебе пора, тем более что встреча назначена, а людей негоже заставлять ждать. Осталось пройти двенадцать километров. Спасибо, что зашел и удачи!

Как он оказался на дороге юноша не помнит. Но за то время пока шел до Семеновки Василий принял окончательное решение. Покупатель не обиделся, когда ему объяснили ситуацию, а даже похвалил студента.

И у Василия, словно камень с души свалился — стало легко дышать и радостно на сердце. «Какой же здесь все-таки чистый, вкусный, прозрачный воздух», — подумал юноша и, плюхнувшись на спину в траву возле дома, стал наблюдать за проплывающими облаками. Эти белые воздушные создания начали складываться в какую-то картину. В итоге это оказалось лицо, и рот расплывался в улыбке.

«И природа радуется за меня», — засмеялся Василий. Он протер глаза — по небу просто проплывали облака.

Через год студент окончил институт, нашел работу, женился. У них родился сын, с которым они всей семьей с удовольствием приезжали в дом деда и проводили там целое лето. Жилище Василий совместно с отцом, когда тот не уезжал в экспедиции, отремонтировал и даже подстроил небольшую веранду, состоящую из маленьких стеклышек, сверху которой вставил разноцветные. Когда бывал дождь, они любили с женой и сыном, а иногда и с родителями сидеть на веранде, пить чай из тульского самовара, во что-нибудь играть, вести неспешные беседы или слушать музыку дождя и наблюдать за цветными стеклышками, которые, хотя и было темно, переливались всеми цветами радуги, как будто в ясный день впитывали энергию природы и передавали ее людям в ненастное время.

Когда спустя несколько лет Василий решил навестить старика-лесовика Пантелеймона Ферапонтовича и поблагодарить того за то, что отговорил продавать дом деда, то сколько ни искал, так и не нашел избушки. Деревья и кусты те же, тропинка на месте, а строений никаких нет.

Может, ему пригрезилось или приснился этот чудной старичок, или — это действительно волшебник. А волшебники, как говорил Пантелеймон Ферапонтович, появляются, когда в этом есть необходимость и исчезают, лишь только их миссия завершается.

Кто знает...

Сергей Одинокоев
(г. Тула)

КАСТИНГ

Эпизод из возможного будущего

Выпускник филологического факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого, аспирант; студент 4-го курса ТОККиИ, артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в журналах «Рюкзачок знаний» (2007 г.) и «Приокские зори» (2011 г., № 3), сборниках «Вечный огонь памяти» (2010 г.) и «В поисках жанра» (2011 г.), альманахе «Ковчег» (2012, 2013 гг.).

Что сейчас модно — завтра негодно.

Пословица

*Армию станут уважать тогда, когда попасть
в нее станет не легче, чем в правительство.*

Г. Ф. Александров (1908—1961)
советский партийный и
государственный деятель

Дверь с надписью «КОМИССИЯ» распахнулась. Позеленевший юноша с заплаканными глазами вывалился наружу. Громогласный мужской голос председателя комиссии провозгласил:

— Следующий!

Молодой человек, чья очередь подошла, в нерешительности застыл возле двери и робко спросил:

— Можно?

— Не «можно», а «разрешите войти»! — одернул его другой голос: более грубый и резкий. — Когда же вы все, наконец, запомните?! Ведь знаете, куда пришли!

— Извиняюсь... — пробормотал молодой человек, откашлялся и затем бодро и решительно рявкнул:

— РАЗРЕШИТЕ ВОЙТИ!

— Входите! — повелевающим тоном сказал председатель комиссии. — Представьтесь, пожалуйста.

— Будущий рядовой Иванов!!! — заорал вошедший.

— Отставить! Чуть потише, — скомандовал грубый голос.

— Будущий рядовой Иванов, — прошептал молодой человек.

— Отставить! Чуть погромче.

— Будущий рядовой Иванов!

— Спасибо, достаточно, — сказал председатель. — Итак, откуда вы?

— Я родом с Колгуева.

— Это город? — уточнил секретарь.

— Никак нет.
 — Поселок?
 — Никак нет.
 — Село?!
 — Никак нет.
 — Деревня?!
 — Никак нет.
 — А что это?! — секретарь в недоумении вытаращил глаза.
 — Остров в Северном Ледовитом океане, — ответил молодой человек.
 — Однако откуда вас принесло, — с удивлением воскликнул председатель комиссии. — Чем занимались раньше? Где учились?
 — Окончил среднюю общеобразовательную школу № 1 города Нарьян-Мар с золотой медалью...
 Комиссия поморщилась и с недовольством посмотрела на молодого человека.
 — И, к сожалению, — виновато улыбаясь, продолжил он, — без проблем поступил в Поморский государственный университет...
 — Какой ужас!!! — хором воскликнула комиссия.
 — Но, к счастью, быстро осознал, что учеба — это не мое и, добившись отчисления, примчался прямиком к вам.
 — Это правильно, — вновь хором сказала комиссия и облегченно вздохнула.
 — Понимаете, я очень хочу в армию! — горячо, с чувством заговорил молодой человек. — Я просто не мыслю своей жизни без службы и военной формы!!! Пошлите меня в самую горячую точку, дайте мне самого злющего врага — и я докажу вам...
 — Тихо, молодой человек, тихо! — прервал его председатель. — Умерьте свой пыл! Мы вас прекрасно понимаем: сейчас все хотят в армию, не вы один такой... Но количество мест, сами понимаете, ограничено. Конкурс очень большой, поэтому никто вам не может гарантировать, что вы будете допущены к службе. Вступительную программу подготовили?
 — А как же!..
 — Не «а как же», а «так точно»! — снова одернул его грубый и резкий голос: это оказался военный комиссар.
 — Так точно, товарищ комиссия! — не зная, к кому конкретно обратиться, крикнул молодой человек.
 — С чего начнете?
 — Я бы хотел начать с подтягиваний и отжиманий...
 — Ну, этим вы нас не удивите, — заметил председатель. — Тут каждый второй приходит и подтягивается, и отжимается...
 — Тогда... э-э-э... строевая подготовка!
 — А вот это интересно, — оживился комиссар. — Ну-ка, пройдитесь, продемонстрируйте нам свой строевой шаг!
 Молодой человек бодро промаршировал по периметру комнаты.
 — Стой, раз-два! — с одобрением крикнул военком. — Так, а теперь мы проверим, как вы знаете строевые команды. Нале-во!.. Напра-во!.. Кр-р-ру-гом!.. Шагом марш!.. Ать-два! Ать-два! Ать-два!.. Вспышка слева!.. Вспышка справа!.. В колонну по три налево — бегом марш!.. Стой, раз-два! Дугами назад разомкнись!.. Огладить лошадей!.. Вольно, разойдись!.. Ну что ж, неплохо, неплохо.
 — Теперь проверим вокальные данные, — подключился помощник военкома. — Строевую песню запе-вай!
 Молодой человек, маршируя на месте, старательно запел:
 — Через две, через две зимы-ы...

— Отставить! — крикнул комиссар. — Это уже неактуально. Что-нибудь другое.

— У солдата выходной...

— Отставить! Что-нибудь поновей.

— Расцветали яблони и груши...

— Отставить! Поновей, молодой человек, поновей!

— Муси-муси, пуси-пуси, миленький мой...

— Другое дело, — похвалил председатель комиссии.

— Стой, раз-два! — вновь скомандовал военком. — Так, а теперь этюд на предлагаемые обстоятельства: вы идете по плацу, а справа от вас неожиданно появляется старший по званию. Ваши действия?

Молодой человек перешел на строевой шаг и первым отдал честь воображаемому старшему по званию.

— Ну что же, хорошо, очень даже хорошо. Посмотрим ваше личное дело, — сказал председатель комиссии и передал слово председателю военно-врачебной комиссии. Тот, поправив очки и взяв в руки личное дело, старательно стал зачитывать:

— Так... Иванов Иван Иванович. Рост: 185 см — хорошо! Вес: 80 кг — отлично! Параметры: 90/60/90 — замечательно! Анализы сданы — прекрасно... Аллергии и судимостей нет?

— Никак нет!

— Изумительно!.. Так, а где же справки? Вы медобследование проходили?

— А как же... Ой, то есть так точно! Вот справки, товарищ комиссия! Прямо на следующей странице.

— Ах, да. Ну-ка, что тут у нас?.. Заключение врачей: отоларинголог — «Здоров, блин!», окулист — «Все видит, гад!», психиатр — «Не псих... а жаль!», стоматолог — «Обалденные зубища!»... Так, ну это вы все по месту жительства проходили, там вам могли что угодно написать. Там вас врачи почти не смотрят: так, для галочки, зашли и вышли... А нашу сверхподробную военкоматскую медкомиссию вы прошли?

— Так точно... — поблбднв, ответил молодой человек.

— Ну? А результаты где?

Молодой человек нехотя достал из кармана смятый листок бумаги и протянул его председателю военно-врачебной комиссии.

— Вот... пожалуйста...

— Утаить хотели? Напрасно: от нас ничего не скроешь! Так, что тут?.. Батюшки! Да тут целый букет!.. У вас же, дружок, ОРЗ!!!

— Какое ОРЗ?! — в недоумении воскликнул молодой человек. — Я здоров!

— Это сейчас здоровы! А этой весной болели?

— Ну, я не помню... Может быть...

— Так не может быть, а точно! У нас аппараты не ошибаются! Вот и обследование показало: «Этой весной, с 27 апреля по 3 мая, в организме было ОРЗ». Прошло меньше года. Следовательно, вы временно негодны!

— Но подождите! — воскликнул молодой человек. — Там, в обследовании, помимо болезней, еще и сданные нормативы указаны: бег, метание гранаты, результаты стрельбы... Да вот же! Вы меня направляли в тирный кабинет!

— И какие результаты? — поинтересовался комиссар.

— Сто из ста!!! Несмотря на то, что у вас у всех винтовок прицелы сбиты!

— Что ж, похвально... Но на одной стрельбе, молодой человек, далеко не уедешь, — возразил председатель военно-врачебной комиссии. — Ведь чтобы служить, надо еще и отменное здоровье иметь. А у вас искривление позвоночника.

— Какое искривление?!!!

— Как же? Вот хирург пишет: «Сколиоз. Отклонение от нормы на 1 градус».

— Да разве это искривление?! Его даже на снимке не видно!

— Ну, видно, не видно, а врач-то обнаружил. Значит, есть! И потом... Ой, да вы полностью негодны: у вас же плоскостопие!!! Тот же хирург пишет: «Первая степень»...

— Так это же самая маленькая! Раньше с такой брали...

— Вы нам тут историю не бередите! — вмешался секретарь. — Что было раньше — было раньше! А сейчас мы и с половиной степени не берем. Вот так! Приказ Минобороны.

— Ну, возьмите меня!!! Да я... я вот что могу! — и молодой человек с места сделал тройное сальто назад.

— Дорогой друг! — воскликнул председатель комиссии. — Мы не отрицаем, способности у вас есть, но поймите: вы проходите кастинг в армию, а не в какой-то там вуз или аспирантуру поступаете...

— Да! — подхватил комиссар. — Это вам не сборище очкастых и заумных зубрил, это — АРМИЯ! И не каждому дано в нее попасть...

— Разумеется! — согласился председатель военно-врачебной комиссии. — Если мы всех подряд будем забривать — и здоровых, и больных, — что же у нас тогда получится?!

— Я ЗАПЛАЧУ!!! — в отчаянии крикнул молодой человек и бросил на стол пакет с пачкой денег.

— Как вам не стыдно! Уберите!.. — возмутился председатель комиссии.

— Ой, подождите! — оживился помощник военкома. — А сколько там?

Члены комиссии с остервенением бросились на пакет, но вскоре, брезгливо отбросив его, расселись по своим местам.

— Вы издеваетесь? — вновь возмутился председатель комиссии, правда, уже по другой причине. — Что вы нам тут суете?!

— Сто тысяч!!! — рыдая, проговорил молодой человек.

— Сто тысяч! Рублей!! Ну и что это?! Ну и куда это?! Ну и кому вы это предлагаете?! Да нам депутаты, бизнесмены, олигархи чемоданами валюту приносят, недвижимость за рубежом предлагают — лишь бы их детей в армию взяли! А вы — сто тысяч! Уберите и не позорьтесь!

Молодой человек забрал пакет.

— Да не расстраивайтесь вы так! — сказал комиссар. — Ну, вернетесь домой, поступите опять в свой вуз — будет у вас высшее образование...

— Я не хочу высшее образование! Это позор!!! — вытирая купюрами слезы, проговорил молодой человек.

— Кто спорит, — согласился председатель военно-врачебной комиссии. — Конечно, это непрестижно... Но что поделать? Не всех же в армию! Она для избранных, а вы, товарищ Иванов, судя по результатам обследования, простой смертный...

— Не переживайте! — ласково сказал секретарь. — Ведь были времена, когда ребята только и думали, как откосить: взятки давали, искали у себя какие-то непонятные болячки, калечились — бывало и такое!..

— Вы мне тут историю не бередите! — огрызнулся молодой человек. — Что было раньше — было раньше!.. Значит так, или вы меня берете, или я... или я вот что делаю!

После этих слов молодой человек кинулся под стол, за которым сидела комиссия.

— Молодой человек, куда вы полезли? — испуганно затараторил председатель комиссии, чувствуя, как к его ногам приблизились руки и губы молодого человека. — Не надо этого делать! Вылезайте из-под стола! Немедленно!..

— Перестаньте целовать мои сапоги!!! — кричал военком, болтая ногами. — Они

хромовые, их только вчера почистили! Прекратите сейчас же! Уберите свои губы... Все голенища уже обслюнявили!.. Хватит...

И осознав, что простые слова тут уже не действуют, комиссар заорал:

— НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЯДОВОЙ ИВАНОВ, ВСТАТЬ!!!

Молодой человек пулей вылетел из-под стола.

— Прекратить безобразие!

— Есть прекратить безобразие!

— Равняйся! Смир-р-но! Слушай мою команду: не ревь! НЕ РЕВЕТЬ, сказано вам!!! Кру-гом! А теперь домой, на север, к оленям и знаниям,— бегом марш!!!

Молодой человек побежал к выходу.

— И умыться не забудьте! — крикнул ему вслед помощник военкома.

— Ушел?.. Слава Богу! — воскликнули секретарь с военкомом и перекрестились.

Дверь с надписью «КОМИССИЯ» распахнулась. Позеленевший юноша с заплаканными глазами и запачканным лицом выбежал наружу. И вскоре громогласный мужской голос председателя призывной комиссии вновь провозгласил:

— Следующий!

Елена Гаденова
(г. Тула)

Родилась в 1964 году, родом из Сибири. С 1986 года живёт в Туле. Автор четырёх книг и множества публикаций. Член Союза российских писателей.

РАДИ САМОЙ ЖИЗНИ

Блаженова Евгения проснулась рано, не было еще пяти утра. Хотелось пить, мысли не давали сосредоточиться. От того, что плохо спала ночью, лежала, прислушиваясь к глухим звукам проезжающих машин по трассе. А если вдруг засыпала, вздрагивала от неожиданного шума ветра в вентиляционной трубе и даже плакала, что не могла уснуть от всех этих звуков, на которые раньше и внимания не обращала. Несколько раз ночью вставала, подходила к окну и смотрела вдаль, в душе радуясь, что никто не мешает. Какое счастье смотреть на ночной город с высоты многоэтажного дома, видеть его дыхание, сотни, тысячи светящихся огней, и в который раз видеть утопающую в ночи среди силуэтов домов и деревьев церковь.

Совершенно неожиданно Женя почувствовала, что сегодня или завтра родится малыш. Схваток еще не было, но все внутри ее говорило о том, что этот момент наступил, это неизбежно, и совсем скоро случится.

Странно, но последние дни ребенок совсем не шевелился, лишь когда она поворачивалась, лежа, с одного бока на другой, чувствовала, как поворачивается и он, но совсем не толкается, как раньше. «Интересно, о чем он сейчас думает? Каким он родится, каким он будет?» — думала женщина, положив руки на живот. За окном показалось солнце, его лучи тронули небо. В окнах стал вспыхивать свет, к остановке подъехал первый рейсовый автобус, и слышались первые голоса и шаги спешащих на работу людей.

Часам к девяти она аккуратно сложила вещи для ребенка, приготовленные заранее, не спеша умылась, длинные волосы заплела в косу, посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась. Казалось, беременность сделала ее еще привлекательней, на белом, чистом лице карие глаза выделялись особенно выразительно, ровные подкрашенные брови подчеркивали их красоту. Глаза улыбались, словно жили на ее лице сами по себе. Длинные волосы также были ее гордостью. Ухоженные и послушные, они в любое время блестели, словно солнечные нити, отчего их хотелось потрогать. Знакомые часто ее спрашивали: «Неужели настоящие?»

Родильный дом района находился далеко — не сразу найдешь. Невзрачная двухэтажная постройка, которую невозможно назвать родильным домом. Со всех сторон двери, а где вход — трудно догадаться. Сделав два круга, Женя стала громко стучаться, но было тихо. Наконец с боковой стороны увидела звонок, обрадовалась, что

сейчас ее услышат, однако все словно вымерли. Вообще говорили, что этот родильный дом скоро закроют на ремонт и на окраине города строят новый.

Дверь открыла высокая худая женщина лет сорока в грязном голубом халате и с тряпкой в руке:

— Войти можно? Столько дверей, а где вход в роддом не указано.

— У нас кругами ходят те, кому интересно знать, кто родился. Зачем пришла-то?

— Как зачем? Вот рожать пришла.

Вопрос удивил беременную.

— Рожать? Ну ладно, зайди, садись вот здесь.

В маленькой прихожей женщина показала на один единственный стул, что стоял у входа.

— Подожди, врач сейчас придет. Нечасто к нам приходят сами-то рожать.

— Замужем?

— А что!?

— У меня самой трое детей, муж сидит. Здесь работаю давно, все уходить собираюсь, но привыкла, да и живу рядом. Сейчас уберусь и домой сбегая, только вот платят мало.

Женщина еще о чем-то спрашивала, быстро вытирая пыль с окна и стола.

Когда пришла врач, в соседней комнате стало шумно, слышались разговоры, стук посуды, звон медицинских инструментов.

— Раиса Степановна, тут беременная пришла.

— Ну и что? Иди-ка сюда! Воды отошли, схватки были?

— Нет!

— Так зачем пришла?

— Чувствую, что роды приближаются.

— Мало ли, что ты чувствуешь. К нам на «скорой» привозят, а мы в ЦРД отправляем; коек свободных нет, может, ты неделю еще до родов пролежишь. Иди домой, начнутся схватки — вызывай «скорую». — Женя была готова расплакаться, но сидела, обдумывая, что делать дальше. Врач поняла, что уходить она не собирается.

— Что ж мне делать с тобой?

— Раиса Степановна, ну девчонка-то молоденькая, рожать пришла, роды первые и боится, небось.

— Карта обменная с тобой?

— Да!

— Давай! Так! По сроку скоро роды. Ладно, раздевайся. Вера, халат ей принеси.

Через несколько минут вновь прибывшая оказалась в халате без единой пуговицы.

— Одежду сложи в эту наволочку и положи на полку вон за той шторой, когда к тебе придут, одежду пусть забрать не забудут.

— А если не придут?

— Что, одиночка что ли?

— Да, в общем нет!

— Ну, а если не придут, то не переживай, куда вещи не денутся, документы и деньги заberi с собой.

После неприятной процедуры, как это называют в роддоме — дезинфекции, врач спросила данные: сколько лет, место жительства, каково самочувствие на данный момент, потом сунула в руку градусник и ушла в другую комнату.

Уборщица Вера оставила свои дела и села рядом на кушетку.

— Боишься?

— Да вроде нет!

— Ничего, все рожает! Кого ждешь-то?
— Все равно кто родится!
— Что-то не везет нам. Вчера список новорожденных посмотрела — лишь три пацана. Одни девчонки!

Услышав голос Раисы Степановны, уборщица быстро вскочила и загремела ведром в углу.

— Так, Блаженова, сейчас сдашь анализы. Вот тебе направление, поднимайся на второй этаж, в одиннадцатую палату, там на сохранении лежат. Ну, и пока все, отдыхай!

В роддоме было тихо, акушеров видно не было. Женя нашла нужную палату, в которой лежали еще две женщины и тихо разговаривали. Койка оказалась около окна.

— На сохранение положили? — услышала она первый вопрос от незнакомок.

— Да, пока вот сюда направили. Вы что, так и лежите целый день? Времени уже одиннадцатый час.

— А в одиннадцать обход. Есть хочешь? Как зовут?

— Нет, не хочу, а зовут Евгения, Женя.

— Пацанское имя.

— Если захочешь есть, у нас в тумбочке бери, яблок много принесли. Хочешь варенья?

— Спасибо. А вы здесь давно лежите?

В палате лежали две женщины. Одна совсем молоденькая, другой далеко за сорок.

— Давно лежим: Света с начала беременности, а я месяца два. Ой, как здесь все надоело, — взмахом руки указав на соседку.

— А вы сами откуда?

— Я из района. Муж военный, в военном городке живем. Вот третьего решила родить. Врачи говорят: ребенок неправильно лежит, кесарево будут делать. А я очень боюсь! Двоих родила, а все боюсь. Муж мой очень хороший, успокаивает и еду каждый день приносит.

Женщину, что постарше, звали Майя Григорьевна. Она принесла литровую банку сметаны из холодильника и предложила будущим молодым мамам поесть.

Молоденькую Свету постоянно тошнило, кивком головы она показала отказ. Уже несколько месяцев женщина считала дни, чтобы скорее вернуться домой. Из-за страшного токсикоза ей пришлось лежать в больнице с первых недель беременности. Все дни она проводила в кровати, нервничала, но старалась сдерживать плохое настроение.

Ровно в одиннадцать пришла врач.

— Ну что, мамочки, как у нас дела? Майя Григорьевна, как ваше самочувствие?

— Нормальное, Раиса Степановна, только скажите, скоро ли мне рожать? Я уже устала здесь лежать.

— Недели две, а потом искусственные роды будем вызывать.

— Уж скорей бы отмучиться.

— Так, что у тебя, Светочка? — И, улыбнувшись, тронула живот беременной, прослушала стук сердца плода, сказала, что все хорошо.

— Как у тебя дела? — обратилась Раиса Степановна к Блаженовой. — Температура в порядке, анализы сдала?

— Да, час назад!

— Отдыхайте.

После обхода в корпусе послышалось оживление. Их палата оказалась рядом с санузлом, откуда раздавались громкие голоса и смех. Вставать не хотелось, разговаривать было лень и даже жевать яблоки, что щедро раздавала Майя Григорьевна. От

вида за окном становилось тоскливо — редкие, торчащие из стороны в сторону ветки деревьев на фоне белого мартовского неба. Еще вчера светило солнце, а сегодня легкий морозец сковал оттаявшие лужицы. Захотелось отвернуться к стене и ни о чем не думать. Соседки тоже скоро замолчали: Майя Григорьевна читала, а Света заснула, немного поворчав, что пичкают ее таблетками, а она их пить все равно не будет, только ребенка травят.

Неожиданно все вздрогнули от громкой фразы: «Вставайте, вставайте обедать!»

Из палат стали выходить матери в темно-синих халатах, и что удивительно: все халаты были без пуговиц и поясов. Придерживая и соединяя полы рукой на животе, женщины шли на обед. Столовой как таковой не было. В небольшом холле стояло два огромных холодильника и четыре квадратных стола с несколькими стульями, которых на всех не хватало. Бледные, с плохо расчесанными волосами, медленными шагами, тихо перешептываясь друг с другом, роженицы подходили к раздаче, брали жидкий суп, второе и ровно двести граммов — третье. Каждой из женщин подумалось, что кормят в роддоме не ослабленных после родов матерей, а ясельную группу детского сада, настолько вид пищи был жалок. Те, кто пошустрее, заняли стулья сразу. Остальные обедали стоя, держа в руках тарелки и стараясь как можно тише греметь ложками.

Пожилая повариха на раздаче, выдавая тарелку или стакан, разглядывала каждую женщину, а раздав всем пищу, долго и пристально смотрела на них, словно боялась, что кто-нибудь возьмет лишний кусок хлеба или масла. От ее взгляда многие отворачивались и, стоя к ней спиной, молча ели.

После обеда тихий час. В родильном доме стало так тихо, что слышались голоса малышей из палаты новорожденных, куда некоторые мамы пытались заглянуть.

Спать не хотелось, в голове смешались все мысли. А когда из родовой послышались крики только что привезенной роженицы, всем стало не по себе, затошнило, и как будто заболело все тело. Страшно не хотелось слышать эти крики, но весь роддом как будто замер, жалея ту, что сейчас мучается.

— Кричит-то как, бедная!

— Да, в душе все переворачивается!

— Когда же отмучается, Господи!

У женщин все мысли сосредоточились на этих криках.

— Ой, мамочки, а-а-а, да помогите же кто-нибудь!

Света и Майя Григорьевна возмутились: «Да сколько же ей кричать, человек рождает, подойти, что ли, не могут!»

Сколько времени прошло, Женя не знала, не помнила, когда закончились крики — она заснула. Соседки по палате на ужин ее будить не стали и, как только она открыла глаза, доложили, что чай остыл, стоит на тумбочке, сообщили, что у той, которая так долго кричала, родилась девочка, и они ее видели.

Перед сном около двери их палаты, которая была еще и рядом с душевой, оживленно толкались в очереди женщины со всего этажа. Душ был один, а желающих — много, и всем надо попасть обязательно, но вода, как назло, льется медленно. Те, что пришли раньше, сидели на кушетке, те, кто позже, занимали очередь, уходили, возвращались. Скоро кормить детей, и все спешили.

Так прошел день.

Ночью у Жени начались схватки. Сильные боли почувствовала не сразу. Внизу живота вдруг сильно заныло, стало происходить непонятное: такое впечатление, что бедра и тазовые кости расходятся. Боли усиливались, и Женя вышла в коридор, села на кушетку, не зная, что делать дальше. И началось... ни сидеть, ни лежать, боль и снова боль. Минут через двадцать появилась сонная акушерка, увидев ее, спросила:

- А ты что здесь сидишь?
— Схватки начались, чувствую себя плохо.
— Ладно, сейчас.

Помыв руки, она велела идти за ней. В коридоре встретила дежурная акушерка с первого этажа.

- Рожать, что ли, собралась?
— Да, вот веду. Сегодня только у двух роды принимали, ночью и днем, с одной очень намучились.

Подойдя к предродовой, акушерка сказала снять халат, сунула в руки сменное постельное белье, войдя в палату, показала на кровать: «Раздевайся, ложись здесь».

Вглядевшись, Евгения увидела четыре высокие кровати без спинок. На каждой лежали короткие матрацы, а на одной был свернут. Ярко горел свет. Она расстелила простыню, сняла ночную рубашу, со слезами забралась на кушетку и накрылась простыней. Лежать было невмоготу, охватывал страх, казалось, боли полностью овладели сознанием, потекли слезы...

Услышала голоса акушерок, и на какой-то миг стало легче. Когда одна из них вошла, надевая перчатки, обрадовалась, что скоро все кончится. Увидев роженицу, акушерка остолбенела:

- Ты что это голая лежишь, вот дура!
— Так вы же сами сказали: «Все снять!».
— Сказали, сказали, одевайся. Подожди, я ночнушку чистую давала тебе?
— Нет!

— Тогда на эту, надень. Давай посмотрим, что у тебя, не пора ли тебе... Нет, лежи еще, будут схватки сильнее, дыши глубже, поняла?

Спокойно лежать уже не пришлось, она стонала, поворачиваясь с одного бока на другой, иногда чувствуя то облегчение, то снова боль, которая приводила ее в отчаяние. Лежать было неудобно — маленький матрац — и голова все время оказывалась на железной сетке. Когда схватки усиливались, по совету акушерки, дышала глубже и мертвой хваткой держалась за кровать, стараясь не кричать.

И опять резкая боль... И с этой невыносимой болью сливалась огромная трещина на стене, похожая на злобного паука, который смотрел прямо в лицо.

- Спишь, что ли? Рожать думаешь?

Акушерка толкнула рожавшую женщину, быстро сделала укол и снова ушла. От укола по всему телу прошел жар, горело все: тело, руки, лицо — и сознание словно куда-то провалилось. И опять: боли, стоны, стоны, боли, боли, схватки, слезы...

Простыня, клеенка — все сбилось на кровати. Била дрожь, тряслись руки, бросало вновь и вновь в жар... раскалывалась голова.

- Дыши глубже, тужься, не ленись,— повторяла акушерка.

Врач из другой смены, увидев происходящее, засуетилась:

- Срочно в родовую!

Женя спустилась с кровати, придерживая рукой живот:

- Боюсь, не дойду! — и заплакала.
— Дойдешь, следующая дверь рядом...

В родовой мучила только одна мысль: вдруг ребенок сейчас пойдет, задохнется, погибнет... После пересменки новая врач больше понравилась Жене своим отношением. Она говорила роженице одно и то же:

— Не волнуйся, сейчас ты родишь, ты хорошая, спокойная, только слушай и делай, что я тебе буду говорить.

Ее мягкий голос успокаивал.

- Тужься, еще, еще и последний раз...

И все, больше никаких мучений.

— Девочка у тебя родилась, слышишь?

Она положила ей на грудь мягкий маленький фиолетовый комочек. Крохотный человечек с маленькими ножками, ручками вдруг заплакал. Охватило огромное счастье и облегчение.

Вся сжатая, согнутая под воздействием долгой привычной обстановки, девочка сначала странно затихла, потом приоткрыла глазки и вдруг заплакала.

— Отмучилась! — сказала акушерка и накинула на родившую женщину простыню, потом быстро привела другую стонущую, что привезли на «скорой» и у которой схватки начались еще дома, еще раз предупредила, что вставать после родов можно часа через три, четыре.

... Все позади, есть прекрасная дочь, маленькое чудо, и ради нее необходимо жить. Сильно хотелось пить и, несмотря на слабость, Женя решила встать, но женщины в палате удивленно спросили:

— Куда это ты пошла? Упадешь еще!

— Пить очень хочется!

— Сейчас мы тебе принесем!

— Ладно, я сама дойду.

— Пить воду можно только кипяченую в самоваре, да только сейчас там нет её.

— Я схожу в умывальник.

Идя по тусклому коридору, неожиданно встретила Раису Степановну.

— Блаженнова, у тебя неважные анализы, перевожу тебя на первый этаж, где лежат с заболеваниями, рожать там будешь.

— Я родила уже!

— Как родила? Когда?

— Час назад!

— А идешь куда?

— В умывальник воду пить!

— А самовар для чего, в какой палате лежишь?

— В четвертой.

— Ладно, иди, отдыхай! Родила-то кого?

— Девочку!

Подходил к концу второй день пребывания в родильном доме. Кормить дочь, сказали, принесут утром.

Женщины в палатах лежали молча, думая каждая о своем. Штор на окнах не было, поэтому старались не включать свет, да и не хотелось смотреть на серый, в трещинах потолок, где во многих местах отвалилась штукатурка и побелка. В окна заглянуло утро. Притягивали, светились и исчезали звезды, озаряя самый обычный прожитый день, полный особой таинственности, таинственности рождения новой жизни и мыслями о будущем, таинственности этих звезд, от созерцания которых сжималось сердце, от уходящей ночи, что, забирая в свои сны, оставляла надежды на лучшее будущее и ожидание первых лучей солнца, чтобы жить дальше ради детей, ради любви и ради самой жизни, которая никогда не закончится...

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

— Иди, спать ложись, Валентин, неужели не устал писать? Каждый день одно и то же, а потом на здоровье жалуешься.

Поэт посмотрел на жену, внимательно вглядываясь в ее лицо.

— А помнишь, тебе нравилось, что я много пишу? Ты восторгалась, просила читать тебе стихи еще и еще. И я читал много стихов и много о любви!

— Когда это было, дорогой мой поэт! Давно, очень давно. Я и сейчас говорю, что стихи твои прекрасны, да только кому они нужны? Мы уже лет десять не можем купить тебе новый костюм, а ведь скоро твой юбилей! Всю жизнь мечтали о доме, а живем в хрущевке. У тебя до сих пор нет своего кабинета. Пенсий едва хватает на оплату квартиры, продукты дорожают с каждым днем...

— Но я — признанный поэт! Интересной была работа, много сделано! Ты что, меня упрекаешь?

— За что мне тебя упрекать? Не обижал никогда, а чувство недосказанности, недолюбленности между нами есть. Как будто все время чего-то не хватало. Ты часто был в командировках, в своих вечных творческих разъездах, я с одной работы на другую, изматывалась — вот так и жили.

Случалось, хотела к тебе подойти, обнять, а ты писал и все время просил не мешать.

— Ладно, пойду, чайник поставлю.

Жена поэта, Алина Сергеевна, еще несколько секунд молчала, потом вздохнула, глянула на напольную вазу с искусственными цветами, которые она давно собиралась выбросить, посмотрела на себя в зеркало и, дойдя до кухни, включила небольшой приемник. Она давно разочаровалась в жизни. Молодость не вернуть, здоровье пошатнулось, от работы устала, пенсионный возраст страшил, впереди — пустота.

Единственное, что ее радовало — это прогулки с трехлетней внучкой, которую она баловала и брала к себе при любом удобном случае. Она любила дочь и сына, но любовь к этой маленькой девочке делала ее существование на какой-то миг счастливым тем счастьем, которое продляло её желание жить.

Фонари на улице давно погасли, но дом содрогался от громкого стука: кто-то делал ремонт и не мог остановиться.

«Сейчас никто ни с кем не считается», — подумала Алина Сергеевна и вместо чая налила в тазик воды и стала протирать пыль на полках. Спать не хотелось, а привычка делать что-то по ночам давно стала ее хобби, как говорила она мужу и соседям.

Поэт сидел за письменным столом. Мысли его охватывали все, что воспринимал слух: громохание лифта, оры за окном, плач ребенка в соседней квартире, звуки далекой музыки. Но вдруг все исчезало, и перед ним являлись образы тех, кого он очень часто вспоминал.

Он видел детство, отца, который не вернулся с фронта, мать, с которой пацаненком ходил по несколько километров в день из деревни в город и обратно, чтобы продать молоко. Он вспомнил молодую женщину, которая была в него влюблена, и многие годы постоянно ходила на его творческие вечера и встречи, дарила цветы. Женщина была запоминающейся, высокой и очень худой, но длинные волнистые волосы притягивали взгляды, красиво свисали с плеч и были необычного цвета — каштаново-золотистые. Каждый раз она была одета в новую вязаную вещь. То это было длинное платье с причудливыми узорами и крупными застёжками, то брючный костюм, или сарафан, вышитый бисером.

Да, он нравился женщинам, но жена ждала первенца и мысли о рождении ребенка были более важные. Часто жена лежала в больнице, нужны были деньги, которых не хватало, и он работал, много работал...

Валентин вдруг поймал себя на мысли, что никогда не изменял супруге за все годы их совместной жизни. Поэт осмотрелся, как будто в первый раз увидел супружескую кровать, которая была застелена все тем же, уже выцветшим, гобеленовым покрывалом, по-новому, с удивлением он посмотрел на старый письменный стол, на стеллажи с книгами, которые когда-то сделал сам.

Много лет многотомники известных писателей смотрели на этот мир, храня в се-

бе истории и события, иногда глотая непротертую пыль, а иногда, пользуясь случаем, читались. Вот, собственно, и вся жизнь. В зале росли дети, но все, что касалось воспитания и быта, лежало на плечах Алины Сергеевны.

«Да, жизнь быстро пролетела!» — мелькнуло в голове Валентина Григорьевича. Он искренне страдал. В этот миг ему казалось, что боль, которая пронзала его сердце, никогда не исчезнет. Боль, что не смог сделать счастливой жену, решить жилищный вопрос (увеличить, хотя бы на одну комнату, квартирку, в которой он даже не может сделать ремонт — нет средств). Боль, что не баловал подарками женщину, с которой прожил много лет, что прошел мимо детства своих детей, упустив что-то важное и для себя и для них. Боль за свою Родину, которую любил преданно, и все катаклизмы, происходящие в стране, переживал, как личную трагедию. Он мечтал прожить жизнь достойно во всех отношениях, и ему это удавалось. Пусть изданных книг не так много, но он ни у кого ничего не просил, не унижался. Выступая на творческих встречах, всегда говорил о боли, что являлась спутницей его судьбы. Деграция в обществе, открытое пьянство молодежи и подростков, постоянный протест в душе к везде слышимой нецензурной речи, тихое исчезновение интеллигенции — закрывались дворцы культуры, исчезали книги местных писателей, в средствах массовой информации не уделялось внимания той духовной пище, без которой невозможно существование вообще. Открывались торговые центры, рестораны, пивные забегаловки и ларьки, игорные дома, ничего не делалось для детей, для грядущих поколений.

Поэтому было невыносимо больно от того, что он ничего не мог изменить. Его мечты о лучшем будущем давно свелись к нулю.

Он вдруг ощутил во рту соль и удивился: из глаз катились крупные слезы.

Валентин Григорьевич почувствовал на себе чей-то взгляд, хотя в комнате кроме него никого не было. Внимательно осматривая комнату, увидел портрет Пушкина, в небольших рамках фото жены, сына, который служил военным в Мурманске, дочери и внуки, несколько общих. Вытирая слезы, поэт вдруг вздрогнул и удивился, что на какие-то секунды забыл обо всем. Прямо в лицо поэта смотрела икона Богородицы «Неувядаемый Цвет». Ему показалось, что она улыбалась, держа на руках маленького Спасителя и красивый цветок, похожий на лилию. Он увидел в этом особое знамение, успокаиваясь и внимательно всматриваясь в икону. Икона потрясла его до глубины души. Живые глаза Богородицы смотрели на него с любовью, открывая в нем чувство счастья, трепета перед жизнью и необъяснимо прекрасным ощущением: «Этот «Неувядаемый Цвет», как жизнь, никогда не исчезнет, потому что есть еще дела, есть желания, я напишу новую книгу, сделаю ремонт в квартире, куплю внучке огромную мягкую игрушку!»

Несколько минут он сидел задумчиво за столом, ощущая тепло, исходящее от иконы, медленно встал и пошел на кухню. Он увидел, как Алина Сергеевна настраивает приемник на свою любимую волну радио-ретро. Слышались то громкие, то затихающие звуки знакомых мелодий. Он почувствовал нежность и высшую благодарность к этой женщине, которая была верна ему всегда и во всем.

А все же она сохранила красоту: все те же красивые руки, зеленые притягательные глаза. Подойдя ближе, молча обнял ее и крепко прижал к себе.

«Завтра подарю ей красивый пеньюар или новое платье,— подумал он и, целуя в шею, тихо сказал: — Прости!»

Жена трогала в ответ теплыми ладонями спину, щекой касаясь его щеки, так же тихо произнесла: «Ты меня тоже прости!»

Они крепко обнялись. Казалось, замерло время, словно открыв для них особенное пространство. По радио пел Элвис Пресли, напоминая о молодости, и этот миг был тем глотком воздуха, который открыл для них новый этап их совместной жизни!

— Давай пить чай! Я сегодня пекла печенье для внучки, и нам полакомиться осталось. А еще, я думаю, может, нам с дочерью поговорить, пусть приезжают и живут с нами: жилье им оплачивать все труднее. Думаю, зять согласится, а мы уж как-нибудь в спальне доживем свой век, только вот шторы новые куплю, посветлее.

Валентин Григорьевич во всем согласился с женой,пил чай, искренне нахваливая выпечку, подумал, что и на кухне необходимо сменить мебель, приходили на ум строки из новых стихов, потом долго лежал с открытыми глазами, рассматривая темноту. Казалось, от иконы исходил свет, пространство светилось. Алина Сергеевна, держа в своей руке руку мужа, спала.

Светящийся воздух пронизывал все его существо! Он чувствовал новые силы и новую жажду к жизни. Новые мысли тревожили и радовали. Чувство уверенности, молодости переполняло, новый цикл стихов стал пробуждаться в нем с новой силой и, прижавшись головой к голове супруги, поэт шепотом произнес:

— Спасибо, Пресвятая Богородица!

Было невероятно тихо, но огромный мир прозы и поэзии смотрел на эту спящую пару добрыми глазами, наслаждаясь удивительным зрелищем. На всю комнату раскрывшимся золотым лотосом, пульсирующим мерцающими вспышками сиял Неувядаемый Цвет.

Татьяна Рогожина
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА «ОДНОГО ДНЯ МАЛО»

Печатается в журнале «Приокские зори», альманахах «Ковчег» и «На крыльях «Пегаса». Член литературного объединения «Пегас» при Тульском региональном отделении Союза писателей России.

ЗАРАЙСК

Приятная привычка гулять по воскресным дням появилась в прошлом году, вытеснив типичные дачные развлечения. Нам захотелось вдруг свежих впечатлений и новых фотографий.

Гулять решили подальше от дома, но так, чтобы вечером вернуться.

Супруг, человек основательный, призвав в помощь интернет, заранее составлял маршрут, изучал отзывы и определялся с объектами, которые стоит посетить, я же, существо изначально легкомысленное, в детали не вникала, на фото не смотрела, потому как хотелось сюрпризов, чтобы приехать, раскрыть широко глаза и удивляться не переставая.

Все незнакомое, любопытное, таинственное!

Накопив небольшой опыт поездок, вдруг поняли, что нам, слишком перегруженным информацией — книги, интернет, радио,— от воскресной прогулки нужны в первую очередь эмоции и ощущения, а не факты, названия архитектурных стилей и подробности чьих-то биографий, которые всегда можно узнать чуть позже, если будет в том необходимость.

Желание новизны и чуть-чуть авантюризма сделали из нас, инертных городских жителей, охотников за впечатлениями. Причем, впечатления эти каким-то образом каждый раз трансформируются в дополнительную энергию, которой в избытке хватает на всю рабочую неделю до следующей поездки.

А теперь все по порядку.

В начале июня гуляли в старинном городе Зарайске, что находится в Московской области.

Два часа с хвостиком туда и столько же обратно.

Нам времени не жалко, едешь себе, по сторонам поглядываешь, глаза от городской жизни отдыхают, да и в голове хорошо делается, пусто. Освободившееся место постепенно заполняют живописные пригорки, облака причудливых форм и всякие глупости. Глупости — это у меня, у мужчин такого не бывает.

— Надо же, везде жизнь,— удивляюсь я, едва успев разглядеть промелькнувшую картинку деревенской жизни, в которой девчонка ловко кидает мячик через забор, а он к ней возвращается снова,— интересно, а кто там за забором...

Добравшись до места и оставив машину на стоянке, первым делом отправляемся изучать кремль, расположенный, как и весь городок, на высоком берегу реки Осетр.

Самое забавное, с Зарайском мы познакомились в конце восьмидесятых, но память моя ничего об этом событии не сохранила. Вообще. Видимо потому, что задачи были другие. Во времена тотального дефицита катались тогда по московской провинции в поисках обуви, одежды и парфюмерии. Смутно помню только понтонный мост в Озерах и все. У супруга положение чуть лучше — в его воспоминаниях отыскались куры и утки, неспешно гуляющие вдоль кремлевской стены.

Так что удивляться будем, словно в первый раз.

Зарайский кремль неплохо сохранился, хотя построен так давно, что страшно представить. Архитектура лаконичная, без излишеств. Семь башен, у каждой свое название, два каменных собора, мощные въездные ворота.

Суровые стены крепости из красного чуть выщербленного кирпича готовы, как и пятьсот лет назад, отразить любую атаку врага, но признаки мирных времен — качели и трогательная стоянка для велосипедов, сбивают с них воинственный настрой. Цветущие ирисы с сиреневыми прожилками, пышные пионы, полосатый кот-попрошайка и чье-то венчание в Храме тоже говорят о спокойном течении жизни.

Возле ворот расположились лотки с сувенирами, а напортив открыта дверь, и можно подняться на стену. Едва ступив на стертую и крутую лестницу, слышим слегка ироничное предупреждение продавца:

— Смотрите, а то экскурсия скоро закончится, дверь — на замок, и будете там до следующей группы по кирпичам бегать, просить, чтоб выпустили, а у меня ключа нет...

О его словах быстро забываем, потому что со всех сторон потрясающие виды и новые ракурсы для фотосъемки. Местами переходы полуразрушены, а размеры провалов впечатляют. Здесь ушедшие времена ощущаются легким холодком по спине. Но если осторожно заглянуть в одну из бойниц, то акварельные краски зелени на фоне голубого неба возвращают покой.

— Закрываем, закрываем! — кричит экскурсовод, и мы спускаемся в настоящее, где неожиданно выясняется, что пора бы и покушать.

Неподалеку вполне современное кафе. Занимаем столик на улице, ждем, жмурясь на солнце, когда выполнят наш заказ, а мимо по каким-то своим собачьим делам бегают ничейные псы с вполне добродушными мордами, где-то смеются дети, тихо шуршат шины проезжающих редких машин. В двух метрах от нас, поднимая облачка теплой пыли, копошатся куры под присмотром не очень красивого, но бойкого петуха.

Приветливая официантка, вкусные котлетки и салат по вполне приемлемым ценам дополняют наши впечатления.

Тихий, уютный, немного сонный городок.

Пообедав, идем смотреть на живописную речку Осетр с небольшим искусственным водопадом, желтыми кувшинками и островками зелени, возле которых неподвижно стоят рыбаки в высоченных сапогах в ожидании удачи.

Умиротворение и неспешность, а в облаках голубые окошки. Наверное, для красоты. Или чтобы за нами присматривать?

Поднимаемся обратно в гору, чтобы пробежаться по центру городка, там тоже много интересного — торговые ряды 16 века, памятники, храмы и улочки, где нет ни одного высокого дома, зато имеется старинная водонапорная башня, загадочная издавна и совсем непривлекательная вблизи.

Облака вот-вот соберутся в тучи, но мы еще не все посмотрели.

От башни уходим влево и снова направляемся в сторону речки, но ниже по течению. Здесь находится святой источник «Белый колодец», но как только мы спускаем-

ся по длинной каменной лестнице с перилами, лавочками и вполне современными фонарями, начинается дождик, и судя по отсутствию просветов в небе, он надолго.

Нынешнее лето к единственному нашему выходному обязательно припасало тучи, когда грозовые, порой так себе, способные лишь пролиться коротким грибным дождем, что совсем не страшно, а иногда моросило что-то бесконечное и скучное, как сегодня.

Пора уезжать, а жаль. Мы не успели изучить местные музеи и не заглянули в село Даровое, где есть дом, в котором в юные годы жил Достоевский, романы которого мне всегда нравились.

Одного дня нам точно мало.

БОГОРОДИЦК И КУЛИКОВО ПОЛЕ

Странное ощущение осталось от посещения усадьбы графов Бобринских, построенной в далеком восемнадцатом веке.

Пробыв там чуть больше часа, мы поняли, что хочется сбежать. Причем без всяких на то оснований. Вроде бы и парк неплохой, пусть немного запущенный, но когда это мешало нам гулять среди деревьев? Сам дворец, стиль которого прост, сдержан и рационален, эффектно стоит на холме. Над входом висит колокольня, изящная и лаконичная в своем устремлении к небу. Хороши также и виды на город, улочки которого веером разбежались в разные стороны, начав свой путь от большого овального пруда, через который перекинут длинный ажурный мост.

Но ощущения комфорта нет.

Быть может, причина в пасмурной и ветреной погоде?

Или устроители что-то недоглядели, поместив возле ворот не рекламный щит со словами «Добро пожаловать!» и «Мы вам рады!», а длинный перечень правил, в которых перечисляется все, что в парке делать нельзя, а за нарушения полагается административная и даже уголовная ответственность. Причем, предупреждены мы были дважды — сначала у одного входа, потом у другого.

Как-то негостеприимно.

Посовещавшись, уезжаем на Куликово поле, которого я еще ни разу не видела, потому что военная тема мало интересует, а муж там бывал, но так давно, что мы не сразу нашли колонну, которая в его памяти осталась, как нечто высокое, чугунное и значительное.

И вот что удивительно, погода в селе Монастырщина, где находится музейный комплекс, все та же, с ветром и почти без солнца, но как же там оказалось здорово, несмотря на неубранную территорию после прошедшего накануне фестиваля авторской песни и помятые лица его участников.

Величие и мощь этого места стирает все шероховатости и мелочность нынешнего бытия.

Осмотрев все внимательно, оставляем вдали зеленые купола храма Рождества Богородицы и отправляемся на поиски чугунной колонны, что не дает нам покоя. В семи километрах от музея на Красном Холме памятник, тридцатиметровый триумфальный столб, поставленный в честь Дмитрия Донского, наконец-то нашелся.

Супруг с довольным видом изучает ниши с барельефами, что расположились в нижней части, а я, задрав голову, любуюсь золоченой маковкой с православным крестом, венчающей колонну.

Неподалеку расположилась смотровая площадка с бронзовой огромной плитой-картой, изображающей расстановку сил во время легендарного сражения, а чуть дальше — удивительно красивый Храм Сергия Радонежского, непривычный по ис-

полнению, с двумя боковыми башнями, стилизованными под шлемы русских воинов, а между ними, словно под защитой, спрятался небольшой храм.

Домой возвращаемся под присмотром небольшой, но мобильной тучки и с ощущением, что не все увидели и не все поняли. Это я про Богородицк и графскую усадьбу. Должна же быть причина, по которой оттуда захотелось сбежать. Позже выяснилось, что и не только мы...

Интернет предложил свои версии. Граф Алексей Бобринский, внебрачный сын Екатерины II и Григория Орлова, вполне мог оставить некий отрицательный энергетический след, переживая из-за своего не очень законного появления на свет.

Несчастлива судьба и самой усадьбы, построенной на остатках земляных валов старой крепости. В 1941 году немецкие отступающие войска превратили дворец в руины, и лишь в конце шестидесятых началось постепенное восстановление «графских развалин».

Не обошлось в Интернете и без легенд. Там и «камень любви», на котором следует молодоженам непременно посидеть, чтобы получить гарантии любви на вечные времена, ибо на этом камне наблюдал закаты когда-то и граф Алексей Бобринский с полюбившейся ему крепостной девушкой. И подземный ход, который пока не обнаружен, хотя местные жители уверены, что тоннель существует, соединяя дворец с церковью. Имеется в усадьбе для полноты картины и свое приведение.

Быть может, именно призрак женщины в белом, что утопилась в графском пруду из-за неразделенной любви к садовнику, распугивает чувствительных туристов?

Сплошь тайны и загадки.

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ОТЕЦ

Дмитрий Амосов — рослый красавец с копной темных, вечно косматых, непослушных волос был коренным сибиряком, потомком первых казаков — переселенцев с Дона и Поволжья. Аборигены Енисейской губернии таких называли чалдонами. Общительный и услужливый, он со всеми находил нужный разговор, был лидером у деревенских мужиков. Те роились вокруг и липли к нему, как шмели на сахар. По вечерам в будние дни в амосовской кузне лавок не хватало. Мужики сидели на полу, постелив под себя лоскуты старой кошмы, и расходились по домам за полночь, частенько гонимые незлобивой женой хозяина Людмилой.

На шумных гулянках Дмитрий, лихо распластавший ромашковые меха старенькой гармошки и едва успевший пройти по аккордам, был тут же настоятельно востребован друзьями. Те торопили и до самой ночи не давали ему никакого продыху: «Спой да спой». Есть в заимке певцы и поголосистей, но застольный народ настойчиво требовал: «Давай, Амосов, давай!»

И он затягивал одну за другой старинные казачьи песни. Негромко, с легкой хрипотцой, раскатистым, будто Тунгуска на порогах, голосом. И сразу селяне начинали несмело, нестройно подтягивать, подвывать ему. А то просто тихо улыбались, потаенно смахивая увесистыми кулаками быструю талую слезу души.

Дома Амосов не навязывал своего главенства. Безмерно любил раскрасавицу Людмилу, однажды летним вечером выкраденную им из богатого чума. Отец девушки, уважаемый знатный оленевод Эмидак Монго, пообещал ее в жены известному в Приангарье охотнику Онкоолю Момолю. Степенный, знающий себе, своему слову цену Монго слушать не хотел о другом зяте. И вовсе не потому, что Момоль давал за невесту десять оленей, десять ящиков водки и пятьдесят баргузинских соболей. Да каждое лето на годовщину свадьбы обещал дарить тестю по шкуре медведя и рога сохатого в придачу. «Подумай, дочь! — уговаривал отец Людмилу. — Завидный жених из древнего рода желает тебя в жены. Момоль — такой же, как мы, эвенк. Сын тайги. Преданно служит ей. А как ты собираешься жить в поселке без Энин-Буги, прародительницы нашей, оленихи-мамы?!»

Но были запоздалыми доводы и уговоры отца...

К тому времени Дмитрий и Людмила уже полюбили друг друга и торопились стать мужем и женой.

Познакомились влюбленные в Байките на слете молодых буровиков нефтеразведки, где Дима в фойе клуба пел под гитару «Главное, ребята, сердцем не стареть!». Тогда напротив его стояла черноволосая девушка с распахнутыми, темнее ночи, лукавыми глазками и слишком откровенно разглядывала симпатичного парня. В какое-то мгновение молодого исполнителя так захлестнуло волной ее флюидов, что у того горло перехватило. Казалось, сердце вот-вот вырвется из груди и, пылая, поле-

тит к чаровнице... Возгорелся певец. Вспотел и задохнулся, забыв про все на свете, где есть и что делает. Не допев песню, смущенно извиняясь перед зрителями, он торопливо отдал гитару в руки виновницы своего провала. Та восхищенно и счастливо приняла ее, словно севшую на ладони жар-птицу. Потом они долго бродили по звенящим солнцем улицам, рассказывали о себе самое сокровенное, потаенное и только вечером спустились к причалу, где к назначенному часу стояла моторка, присланная за Людмилой отцом Эмидаком.

Потеряв рассудок от нахлынувших, неподвластных чувств первой влюбленности, первого расставания, Дмитрий растерялся, не зная, что предпринять и как дальше жить, без этого лесного чуда — такой прелестной и единственной во всем свете Людмилы. Долго не раздумывая, сел вместе с ней в лодку, которая полетела вниз по Тунгуске стремительной белокрылой птицей. Вскоре они предстали перед строгим взглядом Эмидака Монго, уничтожающе сердито смотрящего на незваного луча*. Тот, признаться, вовсе не ожидал такого приема. Оробел, сник. Не в его характере было такое, а вот же...

До стойбища добрались быстро. Дмитрий первым выпрыгнул из лодки на берег, а потом на руках вынес свое сокровище.

Красивый, крепкий отец Монго что-то сказал пожилому лодочнику, и тот легонько толкнул парня в сторону реки. Но трепетно дрожащие, крепко переплетенные руки влюбленных никак не удавалось разъединить. Они то расслаблялись, то вновь сцеплялись намертво, давая себе возможность побыть рядом, хоть на минуту дольше. Пожилой эвенк с пониманием и сочувствием поглядывал на влюбленную пару. Щуря и без того узкие глаза, терпеливо накручивал на большой палец свой длинный белый ус. Но после очередных нетерпеливых, возмущенных возгласов Эмидак теперь уж напористо, раз за разом толкал в плечо незнакомца. Отшатнувшись от горячо дышащей избранницы к лодке, Дмитрий запрыгнул в нее, успев на прощание шепнуть девушке, что его буровая вышка неподалеку от их стойбища, и он будет ждать любимую каждый вечер у Лунной косы. Старый эвенк не говорил по-русски и молча доставил его обратно в Байкит.

На первом же свидании Людмила сообщила о непреклонном решении отца породниться с Онкоулем Момолем. Свадьбу назначил на июль. В чуме о луче и говорить запретил. Но упрямца дочь решительно отказывалась подчиняться воле родителей. Они впервые поссорились. «Не позорь мое имя и честь древнего рода! Я сдержу слово, данное Момолу, и ты станешь его женой! Будешь еще благодарить за достойного мужа!» На этом Эмидак тогда сам прервал разговор, считая решенной судьбу дочери.

Спасая любовь, Дмитрий с Людмилой ломали головы, как устроить побег, понимая, что он возможен только в отсутствие Эмидака. Тот вроде собирался уйти на дальнее стойбище для пополнения перед свадьбой стада диких оленей. Юноша сразу уцепился за обнадеживающее обстоятельство, повеселел:

— Надо не упустить посланную нам свыше удачу! Возьмем с друзьями отгулы и под видом рыбацкой артели подежурим у реки в ожидании счастливого часа.

Но ничего из их затей не вышло бы, если бы выбор дочери не поддержала мать Людмилы Элана. Будто угождая мужу и жениху, она готовилась показать богатое невестино приданое, набивала куль за кулем роскошной постелью, посудой, шкурами да баргузинскими черноспинными соболями. Шила дорогие одежды томноокой любимице, благословляя единственную кровинку в новую жизнь, жизнь с любимым. Счастье для самой Эланы с привезенным знатными родителями мужем Эмидаком так и осталось несбыточным сном...

* Луча — русский (эвенк.)

Опытный и умный Эмидак, тревожась за дочь, учуял неладное и под всякими предложениями оттягивал время своего ухода в тайгу, неотлучно оставаясь в чуме.

А дни таяли и таяли, словно легкие облака в бездонном небе. Теперь уж считанные часы отделяли Людмилу от ненавистного жениха Онкоуля. Но Монго так и не решился оставить непослушницу без присмотра. Дотянул до последнего дня, до сумерек, и только тогда уплыл встречать прилетающего в Байкит ранним утром дорожного зятя Онкоуля.

«Вот она, моя жар-птица, судьба! Сейчас уж я поймаю ее!» Под покровом ночи счастливый Дмитрий вынес на руках из родного чума вмиг повзрослевшую, зареванную, но безумно счастливую Людмилу и унес к могучей, бурной Тунгуске — реке их новой жизни. Она уплывала с любимым дальше и дальше от родного берега. Покачивающийся в зеркально-серебристых волнах девичий силуэт вскоре исчез. Надолго. Навсегда.

Когда жена сообщила Дмитрию о второй беременности, он, кружа Людмилу в объятиях, пел и плясал. Их радости, казалось, не будет конца.

— Завтра же пошлю аргиш* к Эмидаку. Пусть твои отец с матерью перекочевывают к нам нянчить внуков. Хватит деду дуться. Скоро третьего наследника подарим, а ему все нейдет. Не молодые, чтоб одним в тайге жить. Как думаешь, прав я?

Как ей еще было думать-то. И только утром муж спросил:

— А можно ли тебе, солнышко, рожать? Врачи и первые роды нам не разрешали! — Люда уверенно и игриво ответила:

— При моей-то силушке грех, Митя, не рожать! Не беда! Медики страшат, мол, мой отрицательный резус фактор при положительном мужа — большой риск, но ведь родила близняшек-то. И ничего, слава Богу, здоровенькие.

— И то, правда. Быстроногие первенцы, словно кедрята на южном взгорке, подрастали час от часу. Без пяти минут двухлетки. Мужики! А тебе, знаю, не терпится вновь насладиться материнством. Рожай, радость моя, рожай. И десятерых прокормлю.

Крепко любил он своих черноглазых баркачан**. Те напоминали ему птенцов болотного черныша — задиристых, крикливых. Не проходило двух недель, как таежные чернышата начинали летать. И эти, амосики на одно лицо, заговорили и встали на ножки — года не было. Только мать скажет, кто из них кто. Толно от Коли отец отличить не мог. Но папа — хитрый. Быстро сообразил и Толе стал прикалывать сзади к рукаву маленькую булавочку. Люда удивлялась:

— День-деньской с ними, но совсем недавно стала их уверенно различать по вечно торчащим волосикам на макушке у Коли, а ты как-то быстро...

— Я — папа, мне кровь подсказывает! — улыбался довольный своей смекалкой муж. Но при первой же стирке его «хитрушка» обнаружилась.

— Дим! Твоя «зарубка» чуть палец насквозь не проколола! Сознаешься по хорошему, бить не стану, — шуточно и примирительно потрепав его смоляные вихри.

Редкие часы общения с малышами для Дмитрия — самые счастливые. Он полностью отдавался на откуп детских фантазий. Сынишки-шалунишки зарывали его в прибрежный песок, ставили на четвереньки и до своего полного изнеможения катались на отцовской спине. Раскрашивали терпеливого папу под собачку, зайчика и Вину Пуха. Уставших, но не утомившихся малышей Дмитрий усаживал на колени, весело читал им полюбившиеся «Уйгурские сказки». Потом серьезно расспрашивал: что запомнили. Мальчишки наперебой улюлюкали. Гомону — на весь дом! Но Дмитрий с вниманием слушал, подбадривал, поддакивал, будто что-то понимал в их бесконечном лепете, нежно глядя черные, пушистые головки.

* Аргиш — перекочевка (эвенк.)

** Баркачан — медвежонок (эвенк.)

В те годы семья жила в глухой заимке Куюмбе. Амосов работал мастером в версте от дома за Рыбачьим мысом на буровой. Та пикой упиралась в небосклон, по ночам пытаясь нанизать на себя игривые, подмигивающие, но всегда ускользающие от нее звезды.

В пургу, пятидесятиградусные морозы, когда и тайга-то от стужи кукожилась, смиренно укрывалась плотным белоснежным покрывалом, Дмитрий до полуночи стоически что-то мастерил в кузнице. Кому-то ладил отвалившиеся от саней полозья, кому-то «штопал» кухонную утварь, а Толе с Колей вечно ломающиеся игрушки.

Кормилица буровая давала щедрое пропитание куюмбовским семьям. Здесь зарабатывало на хлеб с маслом все местное мужское и женское население. Дмитрий же работать жене не разрешал: хватало ей дел по дому. Нуждались в уходе и неустанном внимании шустро растущие мальчишки. Теперь и до родов Людмиле оставалось всего два месяца. Надо бы ей слетать в Байкит к врачу, но погоды стояли нелетные: жгучий морозище с северным иглистым ветерком. В таком адском холоде даже металл сам по себе крошился, как сталинит при ударе. Вертолетчики отсиживались дома, по нескольку раз за день выбегали на крыльцо, вглядывались в мглистое небо и вымаливали у него милости.

Воздушное пространство над тайгой и заимкой в тот день наполнила радужно искрящая алмазная изморозь. Низкое солнце, пробивающееся к земле блеклым, рваным блином, лениво, безучастно сливалось с белой, стылой безбрежностью. И лишь дымящиеся печные трубы из домов да снежные коридоры лабиринтов, протоптанных вширь в два-три человеческих следа, обозначали в бесконечном царстве звенящей стужи обычную жизнь северян.

Дмитрий был на буровой, когда у Людмилы внезапно начались схватки. Соседей не дозвешься, и она, наскоро одев притихших ребят, вышла с ними на улицу. Кружилась голова, отнималась спина, резала ножом боль внизу живота. «Неужели роды?» Потом мало что понимала, но крепко держала в своих руках маленькие ручонки сынков. Ее с детьми догнала чья-то санная повозка, отвезла в медпункт.

Повар с буровой передал фельдшернице Марии Ивановне с рук на руки теряющую сознание Людмилу и ее замерзших, скулящих у ног безмолвной матери двухлеток, а сам помчался к Амосову.

В переднем углу конторы нефтяников на сколоченной из тесаных досок тумбе стояла единственная на заимке старенькая рация, которая неплохо работала при умеренно низких температурах. Но тут радист, как ни старался, настроить ее не смог. Это означало, что на санавиацию из Байкита рассчитывать не приходится.

Не раз в таких случаях опытная фельдшерница успешно справлялась сама. Но сегодня все складывалось против роженицы: отрицательный резус-фактор, кровотечение и... кома. Мальчик родился чудом, измученный, обессиленный сопротивлением сильным рукам чужой тети, вытянувшим его из тьмы.

Мама Люда уже была не с ним...

Малыш то на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал, то снова по-щенячьи взвизгивал, плакал. Словно опротестовывал свое насильственное появление на белый свет без мамы...

Мария Ивановна, вырастившая своих троих детей, по-матерински крепко привязалась к незаслуженно обездоленному судьбой на сиротство Андрюшке, ласково называя его «чернышом-амосенком», «крестничком». Держала более месяца в стационаре, не доверяя никому заботу о нем. В свободное от приема время склонялась над кюветкой беспокойного пациента. Постоянно разговаривала с ним, готовила молочные смеси, купала в травяных настоях. Городским летчикам заказывала разные детские премудрости, которые помогали крохе набираться сил, расти.

Вскоре Андрюша по-амосовски твердо решил смириться с навязанной ему жизнью, остаться в этом неуютном мире, чтобы поближе самому рассмотреть и познать его. Теперь уже почти не плакал, а все искал угольными, раскосыми глазенками добрую тетю в белом халате, ждал нежного прикосновения теплых рук, которым был обязан своим рождением. Наверстывал упущенные блага сном. Просыпаясь голодным волчонком, аппетитно опустошал приготовленные ему молочные бутылки.

Малыш крепчал!

Отец часто бывал рядом с Андрюшей, оставляя старших на попечение рано овдовевшей, бездетной сестры Сони, решившейся на время оставить солнечный Сочи, чтобы помочь брату подрастить сыновей.

Амосов уволился с буровой, чтобы тоже заботиться о малых детях. Каждый год с весны и до первого снега семейство проживало на дальнем зимовье. Сытно кормили их хлебосольная тайга и большая рыбная река Подкаменная Тунгуска. Потомственный таежный промысловик обеспечивал семью всем необходимым. Подрастающие парнишки охотно помогали ему. Отец приучал сыновей к тайге. Теперь она им — мать. Сам же любил берендеево царство всей душой, преданно, заботливо. Оберегал свои уголья от браконьеров, заботился о зверином и крылатом лесном живье. С раннего детства приучил мальчишек добрыми делами почитать их зеленую кормилицу, строго требовал соблюдать свои охотничьи заповеди: «Понапрасну — не губи!», «Беззащитным — не вреди!», «На дармовое — не жадничай!». Не словами — на деле показывал, как следует жить в таежном мире.

Сыновья в своей уже взрослой жизни, жизни без отца, помнили эти наказы. Хранили в памяти и случай, как отец однажды привез в дом маленького лосенка, названного им Валькой. До мельчайших подробностей он запечатлелся тогда еще подростку Андрею — «младшенькому».

...Малыш Валька едва стоял на нестойких, дрожащих, непослушных ногах. Скорее всего, был у лосихи вторым теленком, по воле какой-то нелепой случайности отбившемся от матери. Отец, «ставя на учет» по окрайку глухариные кладки, сильно испачкался и спустился к распадку, чтобы привести себя в порядок. Подойдя ближе, прислушался. Впереди что-то трещало, ерзало, мычало и хлюпалось в воде. Рискую безнадежно увязнуть в вековых завалах, все-таки пошел на шум. Вскоре увидел застрявшего между поваленных ветром и старостью деревьев маленького лосенка. Долго не думая, пробился к нему и высвободил малыша из смертельно опасного плена. Смельчаку, тут же названному им Валькой, не дал и недели от роду. Оголодавший и слабый, тот отчаянно пытался самостоятельно выкарабкаться на сушу. Но скользкий, трухлявый сушняк обламывался под острыми и быстрыми копытцами, крошился и снова тянул упряма в студеной талую воду. Этот треск, услышанный Амосовым, и спас бедолагу. Не произошли встреча с отцом — ему б не жить!

В доме Валька быстро освоился, отогрелся в теплом предбаннике на старом отцовском полушубке. Напился молока с манкой, отоспался. И на завтра уже шустро бегал по подворью, брыкался, высоко подпрыгивал и тузил забор. Полюбил тетю Соню, почему-то считая именно ее своей матерью. Стоило той спуститься с крыльца, как чуткий Валька оставлял забавы, мчался к «мамке» стрелой, облизывал, тычась симпатичной мордочкой ей в живот. А когда она выносила лосенку пойло — молоко с кусочками размоченного хлеба — чуть не сшибал кормилицу с ног, на лету хватая и засасывая в рот края ее цветастого фартука. Бесконечные Валькины наскоки от подарка брата ко Дню 8 Марта вскоре оставили лишь жалкие, жеванные лохмотья.

Прислонив ведро к забору, тетя Соня ногами, и руками пыталась удерживать алюминиевое ведро в стоячем положении. Но Валька всякий раз, прежде чем приступить к очередной кормежке, старался поддать долгожданному ведру копытом и

только после этого спешно окунал в аппетитное питье ушастую мордочку. Лишь изредка его голова высывалась наружу, чтобы хлебнуть воздуха. Лосенок громко сопел, фыркал, мотал белой, мокрой мордой.

В такой час откладывались дела, и вся семья с восторгом наблюдала за любимцем. К концу трапезы Валька от копыт до холки был в молоке и крошках. Пойла хватало и на всех нас. Лобастый шустрик не по разу благодарно обегал семейный круг, оставляя на каждом печать телячьей нежности и признательности, а заодно изрядно испачкав одежду своих почитателей. За сутки малыш набирал около двух килограммов привеса.

— Осенью,— вспоминал Андрей,— отец навсегда разлучил нас с лосенком. «Это зверь. Таежный зверь! Не игрушка вам. Его место там, на лесных тропах». И увез Вальку на дальнее зимовье за Медвежью гору. Быстроногого, упитанного, с явно обозначившимися, набухающими на лбу бугорками.

...Как-то, два года спустя, повстречались они на узкой, каменистой лосиной тропе. Отец узнал его издали. Но Валька остановился первым. Задрал голову, долго смотрел на идущего навстречу человека. Чувственными, влажными и волосатыми ноздрями втягивал глубоко в себя летящий от него ветерок. Словно в раздумье переминался с ноги на ногу, хрипло мычал, прижимаясь упитанным крупом к поросшему лишайником скальному выступу. И замер, словно что-то сопоставлял и припоминал.

Отец остановился в нескольких шагах от могучего красавца. Протянув к нему руки, тихо позвал: «Валька! Валька...» И тут же, вздыбив копытами известняковую пыль, молодой лось ринулся к своему спасителю. Приблизившись, трижды обегал его, потом остановился, приосанился. Мотая головой, будто хвастался сильными, ветвистыми рогами. Добродушно хоркал, сопел, хукал. Как в лосячем детстве, осторожно прижимаясь к родному существу торсом. Потом подошел вплотную. Слегка склонившись, стал лизать лопастым, розовым языком старенькую фуфайку, лицо и руки отца. Теперь в холке Валька вымахал под два метра и весил около полтонны.

Расчувствованный благодарной памятью, отец дрожащими ладонями гладил доверчивую, тычущуюся в него Валькину морду. Зверь млел от удовольствия, когда добрый человек ласково трепал за длинные уши, теребил свисающую на грудь клином густую, шелковистую бороду, одобрительно хлопал ладошками по высоким, стройным ногам.

Так вот они долго и близко общались, оба довольные и счастливые от неожиданной встречи, хорошо понимая друг друга и разговаривая на языке идущих от сердца звуков и телодвижений...

Расходились в разные стороны медленно, неохотно, будто, зная наперед, что никогда уже их тропы не пересекутся...

Много позже Дмитрий Амосов погиб в тайге не от клыков и копыт диких зверей, с которыми прожил свой век бок о бок. Его убила шальная браконьерская пуля, бездумная рука злого, ненасытного человека. Нет, не человека... Нелюдя.

В ту горестную весну, навечно разлучившую сыновей с отцом, старшие близнецы Анатолий с Николаем бороздили моря и океаны капитанами дальнего плавания, «младшенький» Андрей работал в Эвенкийской нефтеразведке бурильщиком.

Сыновья помнят и любят отца по-прежнему нежно, как в далекие годы своего взросления.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Известный русский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Я советский, как есть, наяву и во сне.
И меня тут не переиначишь.
Я родился в рабоче-крестьянской стране
И воспитан на слове, «товарищ».
Рвать у жизни свое никогда не спешил —
Все равно все в Господних пределах...
Не российский, а русский по духу души,
Православный по вере и делу...

* * *

На черных крышах деревень поморских,
Где в полный рост — тупик и нищета,
То здесь, то там
Грибами из навоза —
Телетарелок белых лепота.
Такие у реальности гримасы...
И в «ящиках» всю на фоне их
Народные шуты и педерасты
Тусуются на шабашах своих...

* * *

Пес кинулся к брошенной корке,
Как кинется каждый из нас,
Оттиснутый на задворки

Судьбою в какой-то час.
Припал благодарной мордой
Он к милости чьей-то людской.
Но снес его, нынче в моде,
Железобетонный «крутой».
Стремглав налетел иномаркой.
Не знаю марки какой.
Но знаю —
жизнь запросто всмятку
Размажет тебя, «крутой».

* * *

Так далеко до мирового братства,
Но что тебе до твердых кулаков,
Когда б ни тень ползучего коварства
Предателей, лгунов, клеветников.
Беда не в том, что некая паскуда
Глядит победоносно, свысока,
А в том, что скрыто давят косяка
Завистник каин, прохиндей иуда

* * *

Храм не пророчил перемен.
У стен его играли дети.
А чуть поодаль — на холме
Под небом четырех столетий,
Познав покой и беспредел
Годов глухую вереницу,
Дуб монастырский шелестел,
Как рукописью летописец...

ПОЛЫНЬ

Знобит в полях полынь осеннюю.
По впадинам и по буграм
Она печально и рассеянно
Дрожит, как в лампочке вольфрам.

И бьет в лицо холодным светом
С пустых озер, с речных излук.
Сорву полынь. Потру — и лето
Вдохну порывисто из рук.

ЗМЕЯ

На шорохи в траве сухой
Я оглянулся.
Столкнулся взглядом со змеей —
Не отшатнулся.
Пригрета солнечностью дня,

Под плеск разлива
Она глядела на меня
Миролюбиво.
В глазах ни злости ледяной
И ни коварства,
А сила мудрости земной
И блеск лукавства.

* * *

Памяти любимой

Двадцать лет мы прожили, как альпинисты,
Вдруг зависнув над бездной — рука в руке.
Двадцать лет мы держались, зубы стиснув,
Но ушла ты слезой по бескровной щеке.
Да, мы были с тобою — завидная пара.
Да, схватил я от жизни коронный удар.
Вот и все. Говорю это не для пиара.
Я не бомж, не артист.
Мне не нужен пиар.

* * *

Романс ли,
арию
или гимн —
их я
слушать
люблю один.
Плакать,
зубами скрипеть,
подпевать —
без лишних,
как женщину
целовать.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Изойдут
И сила,
И гордыня.
Потускнеют
Лица.
Голоса.
Все уйдет —
Останется пустыня.
И глаза
Упрутся в небеса...

* * *

В туманах угасает снег
И терпким ветерком проталин
О том, о сем, о тех о сех ,
Напомнят мартовские дали

Из-за оврагов и холмов,
Из-за полей и перелесков,
На реках лед ломая с треском,
Летит их многозвучный зов.

В нем шум дерев и птичий крик,
Ручьев пронзительные скрипки...
И в лунном свете нежный лик
В мгновенья грусти и улыбки...

ЗАКАТ — 1965 ГОД

Александру Служеникину

Как на скатерти синей
 вишневым вином
Растекалась
 сквозь ветви вишневого сада
Над далекою крышей,
 далеким окном
Золотая загадка
 большого заката.
В жилах
 хмель разливалась,
 навстречу горя,
Дням, что ждали вдали
 за весенним фасадом...
И сквозь белые вишни
 глядела заря.
Как кокетка
 своим обещающим взглядом...

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

То не бесы в поле чистом,
в поле вьюжном, поле мглистом,
в незнакомой стороне.
То витии, то артисты,
культуристы, дарвинисты,
ницшеанцы и фрейдисты —
надрывают душу мне...

ВРАГИ

Смотрели из-за дальнего стола.
Смотрели, наблюдая, изучая.
И я наткнулся на него случайно,
На этот взгляд врага из-за угла.
Глаза такие я встречал не раз —
Недобрые, как будто из укрытья.
Какого черта вы за мной следите?
Откуда вы? Я знать не знаю вас...

* * *

Сирены декаданса русского.
Греха изящного певцы.
А проще, если вне искусства,
То — шлюхи или стервецы.

К ним, не скрывающим пристрастья,
Встречал не раз в стране родной
Помешанных на сладострастии
Девиц литературных рой.

В их щебете — все томно, сладко.
Гостиница... Бокал вина...
Красиво, если б не догадка,
Что тут наигранность одна...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

«ПОЗАДИ ГРОЗОВАЯ ЭПОХА...»

Посвящается 69-й годовщине со Дня Великой Победы

Член СП России, выпускник Литинститута им. Горького. Автор 15-ти поэтических книг. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» им. Н. Рубцова и «Сибирского литературного конкурса им. Геннадия Карпунина-2008». За плодотворную работу с литературно-одаренными детьми присвоено звание «Почетный работник общего образования РФ» и высшая квалификационная категория.

ЮРКИНА ПОЭМА

1

Встреча у реки

В стылый вечер я набрел случайно
На костер, пылавший у реки.
Там рыбак сидел и грелся чаем.
Был он стар и без одной руки.
По-отцовски просто он приветил:
«Подходи, сынок, не прогоню!
До чего же нынче лютый ветер! —
Все живое тянется к огню.
...В непогодь такую — и собаку
Человек не гонит со двора.
Вон луну — и ту, как старый бакен,
Раскачали зябкие ветра»...
Пламя все неистовей плясало —
И под эту пляску в старике
В думах его что-то воскресало
В том, видать, суровом далеке.
...И за кружкой чая он поведал
Мне судьбу простого паренька:
«Юркой звали. Ждал он все Победу...
Да не дóжил сорок три денька...
Ты, сынок, рассказ послушай деда!
Время многих не вернет назад.
А вот Юрка — русский непоседа —
До сих пор живой стоит в глазах...
Бой, бывало, смолкнет лишь за лесом,—

Юрка шутит: «Гитлеру капут!»
И глаза у озорного беса
Нас огнем лукавым обожгут...
А потом, в минутные затишья,
Все писал, да нам и невдомек,
Что в его скупых четверостишьях —
Боль людей, спрессованная в слог».

2

Память сердца

«Мы прошли через сумрак смерти,
Воскресали из пепла вновь,
Чтоб жилось вам светло, поверьте,
Пусть ценой тому наша кровь».
...И, достав из кармана куртки
Уцелевшей рукой кисет,
Он добавил: «Стихи у Юрки
Понял я через много лет...
Был он парень, скажу, рубаха:
Хлеб и шутку делил на всех.
Только смерть с одного размаха
Оборвала веселый смех.
...А поэму его из боя
Вынес я — и она жива.
Правда, вот в рукаве пустое...
Да к чему уж теперь слова.
...Вот она, — протянул мне книжку —
В сердце книжки кровавый след,—
Мы любили того парнишку —
И не знали, что он — поэт»...
Завернув самокрутку ловко,
Постоял, покурив молчком...
«Юрка строки писал винтовкой —
И убит был в бою штыком.
В час суровый он не был гостем —
Люто с нами врага крушил.
...Ты, сынок, сбереги наброски —
Память светлой его души».

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА, ИННОКЕНТИЯ ЧЕРЕМНЫХ

1

Мастер

Вы, Иннокентий, мастер в прозе!
Душой восторжен и раним.
Был век для Вас жесток и грозен —
И потому неоценим...

Но Вы прошли горнило века.
...А кто сгорел и пал в боях,—
Взывают к скорби человека
В святых скрижалях писемнах.

...И эхо этих грозных буден,
Мгновенья редкой тишины
Вы донести сумели людям
В правдивых очерках войны.

2

Стихи о грозных днях минувших

От грозных лет до юбилея
Пронес он сердце, не жалея.
...Пройдя все адовы круги,
С друзьями съев по пуду соли,
Вдрызг поразбил он сапоги —
И не одни на ратном поле.
...И сам со смертью был на «ты» —
Она вблизи его держала,—
Но всякий раз из темноты
Небытия звала держава.
И он, поднявшись в полный рост,
Шел в рукопашную без страха.
И лишь в груди дышал мороз,
Да сердце билось в ней, как птаха.
...Терял в боях однополчан
Под Курском... Прагою... В Лозани...
И сердцу снилось по ночам,
Как плачут вдовы их слезами.
...Пройдя тот жуткий перевал
Войны длиной в четыре года,
Не раз вопрос он задавал:
«А как на родине погода?..
Поди, намаялась земля? —
От рук мужских совсем отбилась?
...Ужель, где хлебные поля,—
Там сорняками все затмилось?..»
И, взяв в ладони горсть земли,
Понюхал жадно и ноздристо.
И померещилось вдали
Что пашут в поле трактористы.
...«Скорей бы дембель — и домой!
А там, эх ма, держитесь, бабы!..
Да и земле, поди, самой
Пора родить и славить свадьбы!»

БАБУШКА

Дед вернулся с войны
Опаленный, седой и небритый.
Ты навстречу неслась,
Чтобы счастья напиться досыта.
И от ласки солдатской,
Пропахшей махрой и грозою,
Мир в глазах посветлел
И по-бабьи пролился слезою...
Сколько весен с тех пор
Унесли долгой памяти реки?!
Сто метелей седых
Заплутали в одном человеке.
Возле глаз ручейки
Твою женскую долю вместили.
Ручеек к ручейку —
Родниковые души России.

* * *

*Ветеранам и участникам Великой
Отечественной войны посвящается*

Позади грозовая эпоха —
Сколько жизней взяла на погост?!
Но никто до последнего вздоха
Не свернул с этих огненных верст.
...А живые, кто хмеля отведал
Из кровавого чана войны, —
Вы огромной ценой за Победу
Заплатили для нашей страны...
Вас сегодня осталось немного —
С каждым годом редее в строю...
Но по воле провидца и Бога —
Я о вас, о героях, пою...
Пели вам и Бернес, и Вуячич
О саднящей тоске журавлей.
И в сумятице дней тех горячих
Мнился мир вам добрей и светлей.
...От души мы желаем вам счастья,
Самых светлых и солнечных лет,
Чтоб великое ваше участие
Русь хранило от будущих бед!

* * *

Сорок седьмой, послевоенный,
Войны презревший ремесло, —
Мне с этой датой незабвенной
В рожденье очень повезло...

Дал Красный Май* Земле Свободу, —
И всколосилась детвора.
Звонкоголосому народу
Пришла счастливая пора...
Я рос уже под мирным небом,
Но не был баловнем страны:
В те годы было трудно с хлебом —
Мы это знали, пацаны...
...Но жил в народе дух могучий,
Мир возрождавший из руин,
И песни тысячью созвучий
Вливались в наш победный гимн.
И были необыкновенны
В величье тех суровых лет
Отчизны голос вдохновенный
И мирный солнечный рассвет.
...Мне стали датой сокровенной,
Войны презревшей ремесло, —
Сорок седьмой, послевоенный...
Январь. Десятое число.

* * *

Нам мир крепить на доброте сердечной —
Глухой и черной злобе вопреки.
Пора войну похоронить навечно —
И дружбой все сроднить материки!
И пусть друг к другу люди ездят в гости.
...Расти, планета, добрых сыновей!
Чтоб никогда на ядерном погосте
Смерть не блеснула молнией своей!

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

*Памяти погибших
в октябре 1993 года.*

Боль и горечь на душе,
Озабоченность на лицах,
Если Родиной уже
Помыкает заграница...
От газет тошнит давно:
Все «сгайдали» соседям.
Лишь «Кремлевское вино»
Мы с экранов хмуρο цедим...
Тучи рваные висят.
За окном октябрь-месяц.
То дожди заморосят.
...То бедой страну завесит.

* Красный Май — День Великой Победы над фашистской Германией — 9 Мая 1945 года.

ДОКОЛЕ БУДУТ УБИВАТЬ СЫНОВ РОССИИ

*Памяти ребят, погибших
в «горячих» точках»*

Как будто злобный Чингисхан
Вновь в Диком поле:
В огне Чечня и Дагестан,
И Ставрополье.
По жесту злой его руки
Иль воле рока —
На гибель целые полки
Ушли до срока?!
Жестокий ливень неземной
Свинцом каленым
На них обрушился стеной,
Вселенским стоном.
...А их любовь еще цвела,
Был мир нетленным...
Рыдают вновь колокола
По убиенным.
...Над гробом горько плачет мать,
Слез не осилив:
«Доколе будут убивать
Сынов России?..»
У изголовья в горе дед
Зашелся в крике.
...А внук лежит в расцвете лет —
В руках гвоздики.

ПЛАЧ

Зое Александровне Ян-Фа

Люди есть разные: добрые, грубые,
С праведной совестью, с алчностью лжи.
Солнышко красное, солнышко любое!
Нас от вражды мировой удержи!
...Сколь понапрасну пролили мы кровушки?! —
Реченьки полные без берегов.
Бедные матери, горькие вдовушки
Ищут сокольников в стане врагов.
Ищут, надеются — с горем повенчаны —
Жуткий наемник их зверски убил, —
Вот и скитаются Русские женщины
В поисках свежих солдатских могил.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

* * *

Ты не придешь уже сегодня, не придешь,
Ты не придешь уже сегодня — ну и что ж?
Опять стучит, стучится в окна теплый дождь.
Ты не поймешь меня, как жаль, что не поймешь.
Вновь выхожу и умываюсь тем дождем,
Иду по улице, как будто бы вдвоем,
Не вижу, струек, значит сам я, как струя,
Дождь приласкал, своим теплом обнял меня.
Не отпускает, да и сам не уйду,
И от волненья больше слов не нахожу.
Льет теплый дождь, ужасно теплый летний дождь,
Смывая грязь с земли, с души смывая ложь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо сине на рассвете,
Вечер сливками пропах,
Бабье лето, бабье лето
Узнаю в твоих глазах.
И туманом застоялся
Чистый воздух над рекой,
Как с тобою повстречался,
Потерял с тех пор покой.
Убежать — куда не знаю,
Позабыть бы — не смогу
Бабье лето, это лето
На соседнем берегу.
Не сверну с своей тропинки
И к тебе не подойду.
Только это наше лето
Где-то в сердце сберегу.

* * *

В том, что расстались — я виню себя,
Что мне осталось — строчки, грусти полные.
И жизнь проходит тихо, без огня,
Спокойными, непенистыми волнами.
Мне режет слух вся эта тишина,
Всю душу исцарапало спокойствие...
А ночью часто снится, как она
Ко мне приходит долгожданной гостьею.

* * *

Тучи закрыли небо,
Видно, будет гроза.
Тучи закрыли небо,
Словно твои глаза.
Но не верю, что сгинет,
Что не вернется вновь,
Вместе с дождем не хлынет
В сердце мое любовь.

* * *

Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,
Развеет лишь одно оно.
Ночь обернется ясным днем,
И боль в улыбку превратится,
И мысль, крылатая, как птица,
Взовьется солнечным огнем.
Все встанет на свои места,
Жизнь не покажется мгновеньем,
Пустой бессмыслицею, тенью,
Что нас преследует всегда.
Усталость сгинет и уйдет.
И силы новые проснутся...
Но ты не хочешь улыбнуться,
В твоих глазах январский лед.

* * *

Правде надо лишь в глаза глядеть,
Как горька она порой ни будет,
Нас еще такая слабость губит:
Видим то, что хочется узреть.
Оттого теряем мы друзей,
Вдруг любимых женщин оставляем,
Хоть потом, как дальше жить — не знаем,
И не знаем — где найти верней.
Где найти других — надежней их,

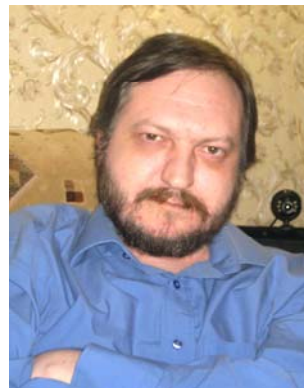
Где найти таких, чтоб не продали,
Чтобы руку в трудный час подали,
Чтоб не отвернулись в трудный миг.
Где найти? А надо ли искать?
Я увидел девушку в трамвае,
Не глаза, а будто воздух в мае,
Ими не глядеть бы, а дышать.
А, быть может, это снова ложь,
Горькая усмешка мироздания...
Где мое последнее дыханье,
Если не подышишь — не поймешь!

ГРЕШНИЦА

Грешница, зачем ты так грешишь,
И меня опять не отпускаешь,
В сотый раз, наверно, обнимаешь
Так, что не забудется всю жизнь.
Грешница меня околдовала...
Неужели ночь уже прошла,
Неужели ты уже сказала
Самые хорошие слова...
Неужели есть на белом свете
Женщина, красивая, как ты,
Неужель придется на рассвете
Мне от этой грешницы уйти?

Алексей Скарёдов
(г. Тула)

* * *

Юродствую. И что с того?
Ведь крест юродства моего
Не каждый век поднимет враз,
Страшась юродства как зараз,
Проказы, прочей ерунды,
Но я оставлю в нем следы,
Что выведут кого-то в путь
Сквозь непогоды, ветры, муть
К иным, нездешним берегам —
Я часть юродства им отдам,
И буду прав в своей вине
И вдохновении извне.

Юродство нынче не в чести,
Но может вытащить, спасти
Из жизни дряблой передряг
Таких, как мы с тобой, бродяг.
Кому-то надо, сшед с ума,
Сказать, что правда есть. Сама
Она не стоит и гроша,
Пока не вздрогнет в ней душа,
Пока ее не оживит.
И хватит делать важный вид —
Он ни к чему не приведет,
Когда надутый ты удоб.

Юродствуй тоже в этот век,
Когда забыт был человек
В плену компьютеров, машин,
В угаре от горящих шин.
Майдан, антимайдан пройдут,
Но устоит души редут,
Что в этот век не продалась —
Ей не указ любая власть,
Она пройдет войну и мир,
И дрогнет ледяной кумир
Молоха, щерившего пасть,
Ведь суждено ему упасть.

КАРТИНА

Прохладное пиво, копченый балык.
И я к этой жизни, похоже, привык,
Едва разменяв половину.
А что впереди-то? Не знает никто.
Скорее уж Босх, чем галантный Ватто,
Мне пишет судьбу, как картину.
И щерится Ад из корявых щелей,
И дьявол тихонько мне шепчет: «Смелей!
Шагни в этот холст без опаски».
Но я не решаюсь и медлю шагнуть —
Обратный уже ведь не выпадет путь.
Мешаю на черном я краски.

По черному живопись, ох, нелегка —
Дрожит здесь душа, а за нею рука,
И смелость в груди так трепещет.
Пишу, как умею, широким мазком,
И Адова пасть обернулась леском,
И вместо дракона — влет кричит.
Я долго трудился — замазал весь Ад,
И, не ожидая от Бога наград,
Принес я Ему покаянье.
Он выслушал, молча меня приструнил,
Последним мазком Сатану залепил
И продал картины сиянье.

Теперь Он богат, только я не ропщу,
Живу я в картине и свет не ищу —
Он вечно стоит пред глазами.
И вы так хотите? Ну что ж, в добрый путь.
Сквозь тьму, безнадёгу, шершавую жуть
Запишете Ад свой лишь сами.

ОТ БОГА К РОКУ

С Богом я говорил о насущных проблемах,
Но обратная связь не фурычит, поверь.
Раздобревших вовсю, расфуфыренных первых,
Как последних, силками выводят за дверь.

А за дверью есть мир с вечным непостоянством —
Нам вариться в нем век без разбора и сна.
В продуваемом всеми ветрами пространстве
Хоть раз в год непременно бывает весна.

А она приключится — не надо к гадалке,
И засыплет черемухой выход и вход.
Вновь просушит апрель на ветвистых расчалках,
Чтобы маем взлететь наобум, наперед.

Пролетая над городом облаком белым,
Она выпустит свет, отбомбится дождем.
Пригрозит: «Ничего!» расфуфыренным первым,
И привет передаст всем последним: «Вас ждем!

Мы вас ждем на опушках и старых дорогах,
Мы вас ждем по домам и по скитам седым,
У морей и ущелий, по горным отрогам —
Напоить вас водой, как вином молодым».

И потянутся стайки последних — я с ними
Разделю и дорогу, и общий итог,
А весна за столом всех нас радостно снимет,
И на память на фотках распишется Рок.

ПУСТОТА

Инерцией весенней бирюзы
Нам был подарен солнечный денек.
Ямб пятистопный — езженный конек,
Не может он не выдавить слезы.

Прорисовал я нежный горизонт
В пустом стихе, что лез из-под пера,
Но мне понравилась его игра
И вместо трости взял с собою зонт.

Так стильней, что ты мне ни говори,—
Опора при ходьбе и красота.
И что с того, что в строках пустота,
Но где-то екнуло в груди, внутри.

И эту пустоту не променять
На философию из ста томов
Ученых, и не очень-то, голов.
Ту пустоту нельзя не применять.

Она во всем — и в душах, и в сердцах,
В гнезде вороньем, как в башке моей.
А скоро в ней займется соловей —
Бессмысленный, но музыкальный птах.

И все пойдет совсем иным путем.
Дай руку мне в весенней пустоте.
Не те уже, но все же еще те,
Мы, как по небу, пустотой пойдем.

Не важно ни куда, ни почему —
Весна не выдаст, небо не продаст.
Гляди, уже растаял снежный наст
И нет следов обратных по нему.

* * *

Реквием по мечте
Слышится в сотне губ —
Он неказист, почти
Весел и даже груб.

Нету ему конца,
Звуки порвали мглу.
Я даже спал с лица,
Тихо таясь в углу.

Бог с ними, пусть поют,
Я же мечты не предаю.
К черту покой, уют —
Все я ему отдам.

На похоронный крик
Сотни живущих губ,
Полуживой старик,
Я заточил свой зуб.

Полно мечте дышать
Робко на ладан лет —
Мне предстоит решать:
Будет жива иль нет.

Я, как седой демиург,
Ей сотворил приют
В сердце. Скажи, хирург,
Души в сердцах живут?

Пусть же мечта поет,
Вторя за сердцем моим,
И никогда не умрет
В душах — на том стоим.

Вячеслав Тычков
(г. Тула)

Вячеслав Алексеевич Тычков, коренной туляк, врач-педиатр.

* * *

Жизнь, как дистанция атлета,
Одним быть спринтером начертано в роду,
А те штурмуют мили без завета,
Как марафонец в иксовом году.

Настанет день, уйду, куда не зная,
Вдруг стану и шутом, и королем,
А может, буду, как собака злая,
А может, стану птицей-журавлем.

И вот когда весною или в осень,
Над милым краем снова полечу,
Я прокричу: люблю вас очень-очень
И с вами быть по-прежнему хочу!

Но вы меня, конечно, не поймете,
Ведь буду я крылатым и пернат.
А перышко привета подберете,
Простив, в чем был, наверно, виноват.

* * *

Вышел я однажды на дорогу,
На дорогу жизни среди дня.
Мой поклон родителям и Богу,
Что растили, берегли меня.

И чего-то в жизни было много,
А чего-то вообще чуть-чуть.
Вспоминая мать, а реже Бога
Не хотел забыться и заснуть.

Я дурманов разных не приемлю,
Не люблю я это, не хочу.

Пусть пустыня что-то Богу внемлет,
Я же малость только пошепчу.

Как телок бодался яро с дубом,
Рыл копытом землю под собой.
Поплатился, шалый, рогом, зубом,
Но не совладал с своей судьбой.

В жизни ошибался многократно,
Только, ошибаясь, слез не лил.
Хоть, порой мне было непонятно,
Бит за что, за что кому не мил.

И, испив свою по жизни долю,
Я не стал неистово молящим.
Господи, прости мне мою волю,
Что не стал я мало говорящим!

РАЗДУМЬЯ

Хотел понять язык молчанья,
Многоголосье тишины
И шелест трав, ручья журчанье,
Что так в тиши обнажены.

Слова сегодня душу сушат,
Глаза не видят, а слепят.
И уши что-то только глушат,
И стать строкою не хотят.

Но звучность слова мне — милее,
Рельефней выражение глаз,
И говорят они смелее —
Чем просто «вопиющий глас»,

Который лишь один в пустыне
Как крик о помощи: приди...
Вчера надеялся и ныне,
Не зная, что же впереди.

И кто услышит стон призыва?
Когда я слышать престал.
Слепцом, стоящим у обрыва,
Поняв, что сильно заплутал.

Куда идти? — Вперед ни шага.
Налево — голос тот не там.
Направо — хищников ватага.
И что ж? Обратно — по своим стопам?

Искать себя... Опять скитаться...
А может от себя сбежать?
Чтобы ни с кем не соглашаться
И никому не возражать,

Чтобы спокойно спать ложиться,
А утром весело вставать,
Чтоб самому с собой ужиться
И землю с небом воспевать.

Дмитрий Степанов
(г. Москва)

Дмитрий Степанов родился в 1982 году. В 2004 году окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. С 2005 по 2007 год проходил службу в Вооруженных силах. С 2007 года работает учителем-словесником. В 2004 году опубликовал поэтический сборник «Светотень».

СНЕГИРИ

Бледнее красок акварели
Цвета зари,
Что душу нынче не согрели.
Но снегири!..

Как грозди сахарной рябины
Их легкий пух.
Они сверкают, как рубины,
Меж белых мух.

Звенит пронзительная нота,
И снег не скрыл
Беспечной резвости полета,
Мельканья крыл.

Волшебным звуком наделила
Их голоса
Зимы блистательная сила,
Ее краса...

Но снегирей забудем на год
В чаду весны,
Как эту сладость зимних ягод,
Что так вкусны.

* * *

Послушная память готова
Всегда становиться честней,

Когда возвращается снова
К холодной и поздней весне.

И верю, тогда не напрасно,
Как свежие росписи, сыр,
В душе отразился неясно
Когда-то утраченный мир.

Шло время, и зрение крепло,
И вижу, где пламень угас,
Под грудой холодного пепла
Нежданно зажегся алмаз.

Так вышла любовь из-под спуда,
Как сладостный ключ из земли.
Но кто мне расскажет, откуда
Вы, милая, к нам низошли,

Победно неся сквозь преграды
Волос ослепительный нимб?
От самого сердца Эллады,
Где высится светлый Олимп?

С далеких вершин Арарата,
Где вечен сверкающий снег,
Под коим укрылся когда-то
Спасительный Ноев ковчег?

А может быть, все-таки прямо
Оттуда, где холод и свет —
Под куполом этого храма
Опоры летящему нет...

Увы, описать не сумею
Классический профиль резной —
Античную эту каменю,
Что блещет своей белизной;

И голос, вмещающий странно —
О, как мой язык бестолков! —
Размеренный шаг каравана
И шелест восточных шелков;

И дивную легкость, с которой
Всю душу, что Вами полна,
Стрелой мимолежного взора
Вы словно пронзили до дна!

Елена Барткевич
(г. Новомосковск)

Стихи и прозу пишет с юношеских лет. Член Новомосковского литературного объединения «НЛО». Произведения в разные годы публиковались в местной прессе — газетах «Новомосковская правда», «Грани», «Наш выбор» и в коллективных сборниках — «НЛО», «ЛИК», «День тульской поэзии». Автор стихотворных сборников «Книга дождя» (2001 г.), поэмы «Спор о Моисеевом теле» (2006 г.), «Синее пламя» (2010г.). Имеет литературную страничку на сайте СТИХИ.РУ

СПЯЩАЯ ПРИНЦЕССА

Посреди запутанного леса,
Где болото, темень и овраги,
Я — из сказки древняя принцесса,
Спящая в хрустальном саркофаге.

Он среди пещеры спрятан в нишу.
Вечером, когда и сумрак гуще,
Словно издалека, снова слышу
Голос твой, настойчиво зовущий.

Ты пришел и стан мой обнял сонный.
Таял в небе алый луч закатный.
Узником застенка из бетона
Я к тебе тянусь безрезультатно.

Хочется сквозь одурь сна пробиться,
И на зов ответить... но без толку.
Как рукой в суконной рукавице
Я пытаюсь нитку вдеть в иголку.

Что за ядом опоили тело?
Станным пленом накрепко объято,
Онемев, лежит оцепенело,
Словно мышцы обтянули ватой.

Голубем, в силки попавшим, бьется,
О недостижимом все тоскуя.

Хочет встать — но нет, не удастся,
А уста не чуют поцелуев.

Только сердце бьется редко-редко.
Я лежу, в своем бессилье маясь,
Бесполезною марионеткой,
У которой нити оборвались...

Ты ушел. Рассвет был тускло-серым.
Сказка же — о том, что сон мне снился,
Как, найдя мой гроб во тьме пещеры,
Ты меня будил — не добудился.

ЗВЕЗДОПАД

Мудрости ли знак?
Подлости закон?
В небе — звездопад.
В тучах небосклон.
Чтоб не видеть мне
Падающих звезд.
Чтобы ничего
Не желать всерьез.
Чтоб растаял сном
Прошлогодний снег.
Чтоб моя мечта
Не сбылась вовек.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ТАНЦОВЩИЦА

В районном клубе — зал, на треть заполненный.
На сцене пляшет полненькая девочка.
Не балерина, а цыпленок бройлерный —
Такая вот Создателя издевочка.

Она кружится, прыгает, старается
В задорном танце развеселой нимфочки.
Но, точно лось меж ланей, выделяется
Среди подружек, тонких, как тростиночки.

...Она мечтала с детства — жарко, истово,
Чтоб танцевать красоткой-одалискою
Под рампами театра знаменитого:
Большого иль хотя бы Мариинского.

Плененная придуманной идиллией,
Не думая о мальчиках-приятелях,
Себя девчонка видела Одиллией
У Зигфрида-охотника в объятиях.

Иль, стоя за раздвинутой кулисою,
В пространстве, точно надвое поделенном,
Себе казалась девочка виллисою
В полупрозрачном платьице Жизелином.

Стройней бы египтянки на папирусе
Ей быть; изящней статуэтки глиняной.
Но Бог девчонке — фигу: на-кось, выкуси! —
И не дал ей фигуры балерининой.

Ах, эти звуки музыки бравурные,
Не заглушить надолго вам апатии.
Накрылись навсегда мечты лазурные,
И все ее несыгранные партии.

И обвинять, пожалуй, в этом некого:
Кому не достаются испытания?
Не век же ей теперь пенять на зеркало
И плакать над несбывшимся призванием?

Сейчас она — совсем не огорченная,
Танцовка в шелке платья самопального...
Всю жизнь свою пропрыгать обреченная
На сцене городка провинциального.

СТАРЫЙ ДВОР

Теперь сюда заглядываю редко...
Как изменился ты, мой старый двор!
Где столики, качели и беседка,
Что слышала наш детский разговор?

Как по удобной лестнице, влезали
Мы вглубь листвы черемухи своей.
И терпких ягод грозди обрывали
В раскидном шатре ее кудрей.

Но некто здесь, не знающий сомнений,
К черемухе однажды подошел, —
И опилил все веточки-ступени,
Оставив голый, сиротливый ствол.

Она стоит, похожа на мальчишку,
Без золотисто-изумрудных кос,
Как будто парикмахер выпил лишку —
И обкорнал красавицу «под бокс».

Как с самыми хорошими друзьями
В минувшие бесследно времена
За домом мы играли с тополями,
Давая им, как людям, имена.

Потом они кому-то помешали,
До самых пней решили их спилить.
Но ветки вновь упрямо отрастали,
Тянулись к небу и хотели жить.

И, наконец, проделать тут решили
Вольготный путь до рыночных палат —
И тополя под корень зарубили,
Замуровали наглухо в асфальт.

Я не прошу вас — те, что сапогами
С далеким детством мне разбили связь.
Вы сердце попираете ногами,
Мои деревья втоптывая в грязь!

А впрочем, что вам до того? Вы вечно правы,
Вам не расслышать никогда немой укор.
И лишь с каштанов падают булавы,
Колючим градом застилая двор.

Но я сюда заглядываю редко...

Изольда Агибалова
(г. Тула)

Окончила ТМУ им. А. С. Даргомыжского, музыкант. Работает в школе искусств им. Г. Галынина. Автор 11 сборников: 5 стихотворных и 6 песенников. Публиковалась в литературных альманахах «На крыльях Пегаса», «Здравствуй, Тула», «Отчий край», «Свет любви», «День Тульской поэзии», «Тула — наш дом», «Три века Тульской поэзии — хрестоматия», газетах «Тула», «Тульский литератор», «Позиция». Лауреат 2 степени Первого областного конкурса композиторов. Член Союза писателей России.

* * *

«В джунглях оконных прячется кто-то...
Может, там мыши? Начнем-ка охоту!»
Тихо крадется, дыша еле-еле:
«Главное, чтоб убежать не успели!
Листик склонен подозрительно низко;
Да, неспроста это!» — думает киска.
Хвост неспокоен и уши прижаты:
«Вот в уголке чуть газеты примяты,
Кто их потрогал — похоже, недавно?»
По подоконнику двигаясь плавно,
Наша охотница ближе и ближе:
«Шустрая мышка, я жду, выходи же!»
Разочарованно в сторону косит:
«Зря не выходит, ведь так ее просят!
Хватит, устала впустую возиться,
Как я настолько могла ошибиться?
Ладно, что делать? Конечно, умыться,
Верить, что мыши придут, и не злиться!»

* * *

В красотку Бабочку Комар влюбился сильно,
Она была умна, стройна, в наряде стильном;
Привычки, голос — все родным ему казалось,
И счастье личное надолго ожидалось.
Приятно Бабочке: внимание и забота,
Совместный отдых после долгого полета;
И ухажеры Мотыльки ей надоели,
Жуки — грубы... Скучала дама, в самом деле!
Не все ей нравилось, но что же тут такого?
Красотка верила в любовь и силу слова:
«Поговорим, чтоб не страдали мы напрасно.

Ты хочешь быть со мной? Отвечу — да, согласна.
Я вижу: добрый, умный ты и музыкальный,
И рада, если образ, милый мне,— реальный.
Но если будешь кровь ты пить, зудеть-кусаться,—
Молчать, терпеть я не смогу (должна признаться).
Еще ты часто допоздна летаешь где-то,
Со мною так нельзя, не похвалю за это!»
Комар восторженно кивал: «О, дорогая!
Ты приоткрыла предо мною двери рая!
Давно мечтаю пить нектар вдвоем с тобою,
И на ночь в гости — ни крылом и ни ногою!»
Комар старался, выполняя обещанье,
Но становились тяжелей его страдания:
Нектар на пользу не идет, а крови — нету,
А если где-то чуть попьет,— то враз к ответу!
Красотка Бабочка строга была ужасно
И чтобы пил нектар, следила ежечасно.
Вновь каждый раз Комар ей клялся и божился:
«Прости меня, в последний раз я так напился!
За ум возьмусь,— и больше этого не будет!»
А через день опять, вернувшись ночью, будит.
Красотка Бабочка не вынесла такого;
Хоть грустно было говорить прощанья слово,—
Но Комару она «Ступай, мой друг! — сказала.—
От ожидания перемен давно устала,
Не нужен сладких слов обман, скажи мне честно:
И дальше так же будет — точно ведь известно!»

Комар один теперь и без любви страдает,
Зато пьет кровь, захочет — хоть всю ночь летает.
Красотка Бабочка, перенеся страдания,
Решила: только мотылькам дарить внимание.
Как эта истина стара и как банальна:
Кто пил — тот будет пить, как это ни печально!!

* * *

Заплетают судьба свои нити неверно...
Ты, быть может, последний, но явно не первый,—
Почему же так новы и взгляд, и внимание,
И руки твоей жесткой простое касанье?
Я поверить хочу и пойти без оглядки,
Счастье кажется близким, и губы так сладки.
Снова нити судьбы не спеша разбираю,
Прячу все узелки, что могу — поправляю.
Ну, а если когда-то не выдержат нервы,—
Не волнуйся, я справлюсь, ведь ты же не первый!

* * *

Любой наш сон — всего лишь сон,
И, как бы ни был он прекрасен,—
Реальностью не станет он.
Надежду тщетную погасим,

Последний тлеет уголек,
Но пламя страсти отгорело,—
Все в мире свой имеет срок.
Я оглянуться не успела,
Как год прошел; он не был сном,
Привычных слов холодный ветер
Тепло унес, и старый дом
Вздыхнул, грустя о прошлом лете.

Там было все как сладкий сон,
Сплетались нежно явь с мечтою;
Теперь, печально удивлен,
Дом видит — порознь мы с тобою.
Остались нам теперь лишь сны,
В них память сохранит, как прежде,
Любовь и радость той весны,
Спасет и возродит надежду!

* * *

Мне грустно, но это не стон одинокий,
Мы просто теперь друг от друга чуть дальше,
И нашей разлуки недолгие сроки
Помогут понять наши чувства без фальши.
Как трудно нам было открыться вначале,
В глаза заглянуть, так боясь ошибиться;
Все годы и беды забудем едва ли,
Летать нет уж сил, мы — усталые птицы?!
А, может быть, хватит раздумий печальных,—
Весеннее небо и ласковый ветер
Приносят привет из краев твоих дальних,
И хочется верить хорошей примете.
Черемуха белой фатой расцветает,
Все дни ожидания как строчки сложу я,
И каждое слово на миг приближает
Твое возвращение. Верю и жду я.

* * *

Однажды Волк, решив остепениться,
К Собаке в дверь под вечер постучал:
«Осознанно пора мне измениться —
От жизни дикой очень уж устал:
Гонимый злой молвой, бегу голодный,
И места нет, что домом смог назвать...
Я гордо выбрал путь себе свободный,—
Но сколько можно одному гулять?!
Собака знала — нету веры Волку,
Но он смотрел так искренно в глаза
И говорил об исправленье только...
Учитывая «против» все и «за»,
Ппустила гостя в дом: «Входи! Возможно,
С годами ты и вправду поумнел!..»
А Волк с улыбкой, очень осторожно

Улегся и хвалу всему запел:
 Как хорошо — подстилка есть и миска,
 Здесь вкусно кормят, гладят, а не бьют!
 О, чудо! Счастье оказалось близко
 И радостен домашний мне уют!
 Я буду ОБРАЗЦОМ для подражания,
 Работу в доме сделаю всегда,
 Конечно, не оставлю без вниманья
 Хозяйку, не обижу никогда!»
 Старательно Собаке помогая,
 Волк в доме и ухожен был и сыт,
 Порядок заведенный уважая,
 А прежний образ жизни был забыт.
 Пошел раз погулять, навстречу — Волки.
 «Ну, как живете, давние друзья?»
 «По-старому. Есть, знаешь, слухи-толки...
 Ты стал другим? Ответь нам, не тая! »
 «Да, я не тот, что был когда-то с вами,
 Смерть сея, грозно по лесам гулял;
 С кровавыми покончил я делами,
 О старости задумываться стал.
 Во всем собаке дома помогаю,
 Мы очень дружно с ней теперь живем,
 Лишь иногда я ночью подвываю
 Тихонько, не жалея ни о чем».
 Собака рада, да и Волк доволен,
 Но... время пробегает день за днем,
 И понял зверь, что над собой не волен,
 (От жизни часто слишком много ждем.)
 Стал вспоминать, грустя о том, что было:
 Друзей, охоту, дичи свежей вкус...
 Собака от души его хвалила,
 Надеялась, что крепнет их союз.
 Волк раз — другой пошел в лесок соседний:
 «Могу я отдохнуть и погулять?!
 Своих знакомых встретил я Медведей,
 И Кабаны просили забегать...
 Прости, но не могу остановиться,
 Иду по делу,— лапы в лес несут!
 Так тянет в горло Зайчику вцепиться,
 Соблазны вольной жизни тут как тут!»
 Собака не ругалась, но сказала:
 «Ты сам пришел — никто не заставлял.
 Таких речей уже не ожидала,
 Но, если так,— прощанья час настал!
 Я возвращаю вновь тебе свободу:
 Охоться да гуляй и день и ночь.
 Не обмануть, не изменить природу,
 Хотела б, но не в силах тут помочь!»
 Собака, зря себя ты не томи:
 Жила в трудах достойных неустанно,
 Но, сколько Волка в доме не корми,—
 Он в лес ближайший смотрит постоянно!!

Вера Абакумова
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

СТАРАЯ АПТЕКА

Памяти моей матери

Немало в Туле мест любимых,
Где часто довелось бывать,
Таких, что не проходишь мимо,
Не заглянув туда опять.
 Закрылась старая аптека:
 «Ремонт» — бумажка на двери.
 Аптеке минуло два века —
 Старушка, что ни говори...
Здесь двести лет приготавливали
Микстуры, мази, порошки.
За жизнь хоть раз, но тут бывали
Все абсолютно туляки.
 И появлялись здесь нередко
 Известный в городе актер,
 Из дома нашего соседка,
 Мой дед и даже прокурор.
И старого, и молодого —
Болезни всех нас достают.
Но исцеляющего слова,
А не пилюль больные ждут.
 Частенько люди шли в аптеку
 Увидеть женщину одну —
 Ту, что служила здесь полвека
 Лишь с перерывом на войну.
За справкой или за советом
Шли обратиться чаще к ней:
Она любила беззаветно
Свою работу и людей.
 Она слова простые знала,
 Могла помягче отказать,
 С улыбкой доброй обещала:
 «Зайдите — будем получать».
Но заходили к ней все реже,
Сняв запотевшие очки:
«А наша Ирочка-то где же?»
Все меньше вас, фронтовики...

Уходят люди дорогие,
Кем поколения спасены —
Встают их образы живые
Лишь в памяти детей войны.
А старая аптека помнит
У елки праздник в Новый год,
Окна широкий подоконник,
Где видно, как парад идет.
Детей работников аптеки
В ней принимали, как в семье.
Все это было в прошлом веке
И в жизни прожитой моей.
Откройся, старая аптека,
С утра пораньше, как всегда:
Здесь дух твой жив уже два века —
Так тянет вновь войти сюда!
Пестрит названьями реклама,
И справку выдаст Интернет.
В аптеке, где служила мама,
Теперь есть все — там мамы нет...

СТАЛИНГРАД — НАВСЕГДА!

К 70-летию Сталинградской битвы

Год сорок третий, век двадцатый
Запомнил мир и наш народ:
На Волге враг узнал, проклятый,
Что будет, коль с мечом придет!

Все меньше вас, кто был в те годы
В больших боях за Сталинград.
Но за грехи Вождя Народов
Назвали город «Волгоград».

Покорно приняли решение
Названья больше не менять
И Сталинградское сражение
Шесть дней в году лишь вспоминать.

Архивов пыль не в состояние
Великих подвигов покрыть:
Нам с каждой буквы в том названье
Кровь до сих пор никак не смыть...

Блокадный Питер не смирится
И спросит нас когда-нибудь:
А что, название «Царицын»
Слабо хоть на денек вернуть?

К чему слова, когда на деле
Найдутся деньги, господа.
Не хватит нам одной недели:
Мы помним СТАЛИНГРАД всегда!

Елена Родченкова
(г. Санкт-Петербург)

ЗВЕЗДНАЯ СТРАНА

Родченкова Елена Алексеевна — родилась в г. Новоржеве Псковской области в 1965 году. Закончила библиотечный факультет ЛГИК им. Крупской и юридический факультет СПбГУП. Член СП России с 1997 года, поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель. Лауреат нескольких премий, в том числе Всероссийских литературных премий имени В. Белова, им. Э. Володина «Имперская культура», автор 25 книг. Живет в г. Санкт-Петербурге, работает адвокатом ГКА СПб.

ОСЕНЬ

Богатый год, как милостыню, бросил
В протянутые руки жизни — осень.
Какую осень, Господи, какую!
Ликующую в звуках — аллилуйя!

Поправ наряды, золото, мониста,
Смиренно встала и вздохнула чисто...
Какая осень, Господи, какая!
Блудница бывшая, теперь — святая.

Так тихо-тихо смотрит сквозь ресницы
Смиренница, послушница, черница
Заплаканными, светлыми глазами
На все, что не было и было с нами.

В торжественном отчаянье предсмертья
Слетают с века листья-лихолетья,
Вторгаясь в устье времени рекою
Могучего, неожиданного покоя.

На страшный суд идти земля готова,
Чтоб умереть и возродиться снова.
Проходит жизнь — но смерть проходит тоже!
Какая осень... Господи мой Боже!

СМОРОДИНА

Белую смородину собирает дед.
Красную смородину собирает мать.
Ну а мне-то вроде бы
Больше повезло:
Черная смородина сыплется в ведро.
Сладкая, медовая, русский виноград,
Крупная, садовая, гулкая, как град.

Почему ж у матери скорбные глаза?
А у деда старого на щеке слеза.

Красная — опасная —
Руки все в крови,
Будто сердце страстное —
Рвется от любви.
Белая вся светится —
Россыпь пуль в руке,
Звездочками с месяцем —
Тает в кулаке.

Дед сказал:
— Ты черного
Ох, и пожуюшь...
Богом угощенная,
Попадешь под дождь.
Не страшись крученого,
Хлесткого — не трусь,
Жженую, копченую —
Головешку — Русь
Привези на родину,
В этих вот кустах,
Посреди смородины
И поставь.
Если станет слезами
Поливать народ,
То — коли не поздно ей —
Оживет...

БАБА

Самая нежная сила
Очень сурова на вид.
Баба в глубинке России
Мало о чем говорит.

Будто уже отмечталась,
Песен она не поет.
Баба в России устала,
Просто живет и живет.

Молча взирает на лица,
Как на картинки, она.
Будто бы сон ей снится,
Будто бы — век без сна.

Ей бы на всю Россию
Правду заголосить,
Но деликатная сила
Мир бережет Руси.

Смотрит светло и строго:
«Воля-то — не моя.
Воля на все — Бога.
Это — Его земля».

РУСЬ

Она туманна, будто родом из тумана.
Она загадочно смеется, плачет странно.
Она беззвучно говорит, она сияет,
И свет, который в ней разлит, не иссякает.

Она отпустит и простит, но спросит строго.
Она сурова, будто родом из острога.
Ее прохладно ледовитое дыхание
И тяжело тысячелетнее молчание.

Она не просит ни о чем, но верит в чудо.
Она такая, будто родом ниоткуда.
Свою погибель в дар берет.
Великий Боже!
Ну как Ты сможешь без нее?
Ведь Ты не сможешь...

* * *

Хрупки дубы
В пересохшем гербарии.
Русские, русичи,
Росы и арии.
Русые косы
И сильные руки,
Росы и грезы,
Стрелы и луки,
Храмы могучи,
Березоньки грустные,
Парус сквозь тучи —
Русичи, русские.

Нынче рассеялись мы, растерялись...
Чуешь, как гибло звучит:
Рос-си-я-нин...
Раса растает,
Растут расстояния.
Так нас! Под северное сияние.
Так нас! Во льды, в заточение вечное!
Русские, росы,
Да что ж мы, беспечные?

Ворот разорванный,
Жемчуг раскраденный,
Вспомните, кто мы
И кто — наши прадеды!
В пьяном разгуле
Слеза покаянная.
Раса великая,
Рас-се-ян-на-я.
Бьется в веригах
И жаждет спасения.
Дальше: распятие, смерть, воскресенье.

ПОЭТ

Поэт в России — меньше, чем поэт,
Когда он больше плачет, чем поет.
Поэт поет, пока живет народ.
Народ живет, пока поет поэт.

Словами до краев душа полна,
Но сила — лишь в наивных и простых.
Когда Россия — больше, чем страна,
Рождаться должен более чем стих.

У времени — нечестие в чести.
Любовь ушла, мир слышать перестал.
Когда эфир, как дикий пульс частит,
Молчание не исцелит сердца.

Таинственного разворота лет
Достигнет тот, кто все же запоет!
Не плакальщик России ты, поэт.
Ты Словом сотворишь путь ее.

* * *

Все сложное — ложно. Где просто — там ангелов сто.
А может быть больше. Незрима крылатая сила.
Теперь стало модным спасать от поэтов Россию,
А знаешь, в чем сила поэта? — в холодном пальто!

Послушай, купи мне, пожалуйста, рыжую шубу.
Веселую, лисью, осеннему саду под стать.
Прекрасней Елены Прекрасной в той шубе я буду,
Мудрее Елены Премудрой сумею молчать.
Скажи мне, зачем этот мир убивает поэтов?
Не купишь мне шубу? Тогда я продолжу стихи.
Вся сила — в пальто. В нем тепло тем, кого уже нету,
И тем, кому должно на смену убитым прийти.

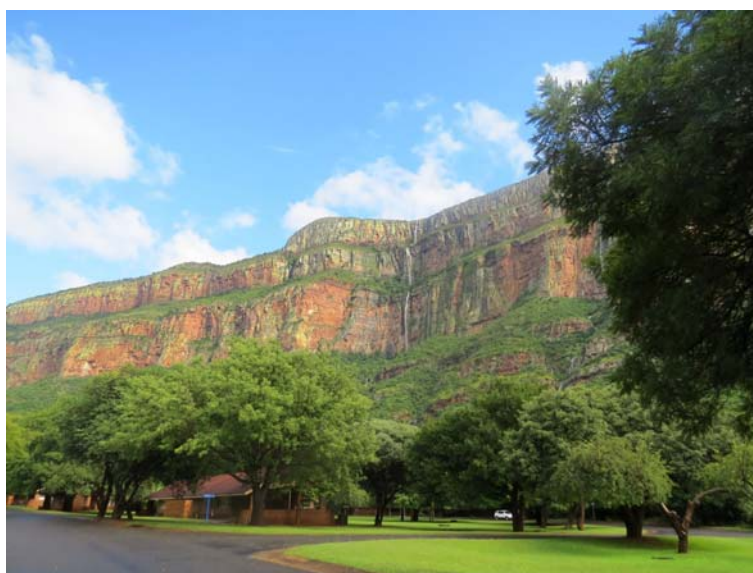
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

В «ЗЕЛЕНОМ» КАНЬОНЕ

Южно-Африканскую Республику туристические путеводители привычно называют «раем на земле». Этот расхожий штамп приемлем разве что для невзыскательных путешественников, сосредоточенных исключительно на собственных удовольствиях: серьезнейших проблем в ЮАР хватает, жизнь в этой самой развитой стране черного континента далеко не райская. Но если говорить о природе юга Африки, то это и впрямь парадиз, позволяющий развивать как туристическую, так и сельское хозяйство.

Одна из ярких природных достопримечательностей ЮАР — Блайд-каньон. Это третий по величине каньон в мире, к тому же «зеленый», т.е. со склонами, поросшими тропической растительностью, что встречается крайне редко. Путешественнику, желающему осмотреть Блайд-каньон, можно посоветовать расположиться на одной

из многочисленных разбросанных по округе баз отдыха. Добираться туда долго, поэтому, скорее всего, заселяться в свой домик вы будете в темноте быстро накрывающей окрестность африканской ночи. И это даже неплохо, поскольку утром вас ждет ошеломительное зрелище. Когда вы, встав ото сна, выйдете на крыльцо, то застынете, пораженные величественным видом: скалистое плато возвышается на километр, облака окутывают его вершину, водопады низвергаются вниз...

Неподалеку от базы отдыха расположены экзотариум, где содержатся рептилии, черепахи, крокодилы, и питомник для животных и птиц, пострадавших от деятельности человека. Не всем приятен вид братьев наших меньших, содержащихся в клетке, но большинство членов туристических групп остаются весьма довольны возможностью сфотографироваться с питоном на плечах или с гепардом на поводке.

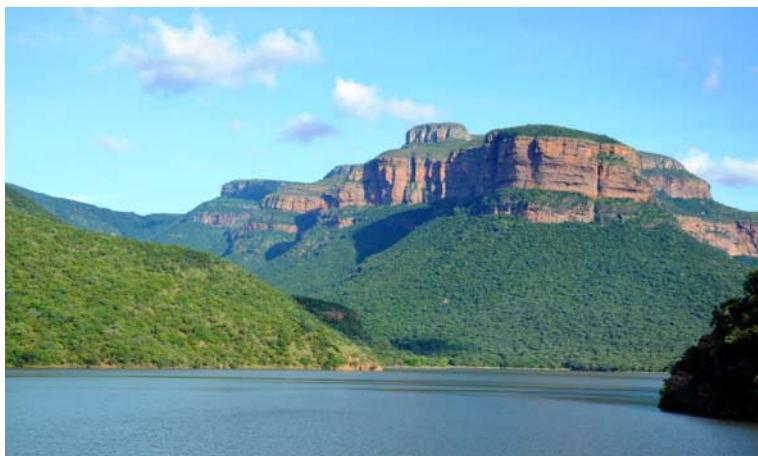

Если же объехать плато, у подножия которого расположена база отдыха, и подняться по горному серпантину, то можно оказаться на поднебесной высоте. Обязательно посетите специально оборудованные смотровые площадки. Виды потрясающие! Противоположный склон каньона прячется в облаках, в ущелье змеится река, чуть в отдалении находятся скалы, называемые «Три хижины». Они, действительно, похожи на традиционные жилища африканцев: круглые и заостренные сверху. Величие природы не может не завораживать.

Побывайте на одном из водопадов, погуляйте вдоль живописных перекастов и каньончиков, которые прорывают быстроводные речки в довольно мягких горных породах. Интересно, что водопадам даны имена европейских городов: Берлин, Лиссабон, Ливерпуль... Но будьте осторожны: в горах часты дожди, и если вас где-нибудь над Берлином накроет облако, ехать придется почти вслепую. Температура «за бортом» мгновенно падает, стекла автобуса запотевают, а на горной дороге это небезопасно.

Но если уж вам удалось без происшествий спуститься с перевала, отправляйтесь на водную прогулку по реке, заполнившей ущелье каньона. Почти те же виды, которыми вы любовались сверху, теперь посмотрите снизу. Такая стереоскопия значительно усилит впечатление от пребывания здесь. Ваш капитан будет непринужденно рассказывать о том, что глубина под днищем его утлого кораблика составляет 55 метров, что берега заселены крокодилами и бегемотами, причем многие недооценивают бегемота: он не менее опасен, чем крокодил, он кусает человека за бедро, подбрасывает вверх и топчет... Но, будем надеяться, ваше плавание, как и автобусная прогулка, обойдутся без приключений, и вы доберетесь до берега.

Тогда обязательно посетите дамбу электростанции, построенной в каньоне. Судя по всему, это единственная в мире дамба, по которой не возбраняется шататься посторонним людям с фотоаппаратами. Невероятная мощь воды, падающей с трехсотметровой высоты, заколдовывает; можно было бы простоять на дамбе несколько часов, но голодные и усталые туристы уже торопят вас: надо ехать дальше...

На протяжении всей поездки в этот удивительный уголок вас будут постоянно окружать африканские животные. Не те, которые содержатся в вольерах, а те, которые живут в естественных для них условиях обитания. Это и бородавочники, и куду (антилопы обязательно подойдут к вашему домику на базе отдыха в поисках пищи), и обезьяны, стадами скачущие по деревьям и крышам, и какие-то фазанообразные птицы, и хамелеоны...

Испытайте все это, и вы убедитесь, что Блайд-каньон — настоящий райский уголок!

❧❧❧❧❧

Михаил Серебро
(г. Нюрнберг, Германия)

МИССИЯ: АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Михаил Семенович Серебро родился в г. Николаеве. Окончил ГИТИС и Высшие режиссерские курсы. Вскоре его имя стало уже называться в числе известных миру талантливых драматургов и режиссеров. На его счету множилось понравившиеся зрителям спектакли в театрах страны и за рубежом. Драматург, актер, писатель — член Союза журналистов РФ, член Союза театральных деятелей РФ, заслуженный деятель искусств РСФСР. Автор многочисленных романов о силе человеческого духа, в которых, осмысливая прошлое и настоящее, не отступает от исторической правды и, вместе с тем, дает волю творческой фантазии. Сегодня наиболее известными российскому читателю можно назвать его романы «Здесь, под небом чужим», «Крымская рапсодия», «По дороге на тот свет», «Лицедей», «Осколки (г. Нюрнберг, Германия)», «Алмазы для святого Николая».

Живет М. С. Серебро в Нюрнберге, Германия.

Т. Б. — Михаил Семенович, мне хорошо запомнилось Ваше выступление на I Съезде Международной гильдии писателей /Москва, 2011/. Тогда неотразимо аргументированной речью Вы взволновали всех присутствующих в зале делегатов и приглашенных московских литераторов, рассказывая о великом русском языке, делясь искренней озабоченностью состоянием нынешней российской словесности: литературной, театральной, повседневно разговорной. Вы огорчились и говорили: «Как много последние десятилетия привнесли в нее «шедевров времени» — сленговой шелухи, нечистоплотных неологизмов, откровенной, бесстыдной нецензурной брани!» Долгие годы Вы живете в эмиграции, но не только не потеряли духовных и сыновних связей с родиной, но все обостреннее чувствуете, сопереживаете ее взлеты и падения, радости и беды. О чем сегодня Ваши мысли и тревоги как Президента, чем хотите поделиться с миллионной аудиторией нашего ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», каковы Ваши задумки, с которыми выйдете на трибуну предстоящего в апреле этого года III Съезда МГП с русскоязычными писателями, поэтами, художниками, драматургами, композиторами, театральными деятелями, живущими в разных странах Европы и Азии, являющимися членами одного из элитных творческих сообществ, коей уверенно и неудержимо становится Международная гильдия писателей?

М. С. — О многом и откровенно будем говорить на III российском Съезде в Москве, в том числе и о сегодняшнем разговоре с уважаемой читательской аудиторией журнала «Приокские зори». Рад, что удастся побеседовать как с авторами-Левшами, так и с начинающими писателями и поэтами, с представителями литературной общест-венности разных возрастов, духовных привязанностей, а также с простыми читате-

лями о долго и незаслуженно остающейся в тени, почти полузабытой теме — русских писателях, оказавшихся по своей и не по своей воле далеко за пределами родины. В те далекие годы они немало сделали и делают в настоящее время другие поколения литераторов-эмигрантов, чтобы русская литература была и оставалась лучшей литературой планеты. А вызвал на этот разговор, резанувший меня по сердцу случай.

...Недавно одна из российских радиостанций, широко распространившаяся в последнее время в отечественном эфире, устами разбитного, с несостоявшейся интеллектуальной и профессиональной компетентностью ведущего, сообщила новость, что, мол, 36 % населения России хотят «свалить из Рашки навсегда...». Человек у микрофона не счел нужным сослаться хотя бы на какой-нибудь источник информации: откуда он взял эту несуразную цифру? Уже не говоря о том, что, пользуясь так называемой «свободой слова», походя, неприлично обозвал на весь эфир нашу Родину «Рашкой». Тогда мне сразу припомнились слова великого драматурга Александра Николаевича Островского: «Как сказало, так и живет!» Такими словами Александр Николаевич кратко и емко описывал невежество, уклад и нравы дремучих обитателей сонного купеческого Замоскворечья.

Не имею чести быть знакомым с автором этой «утки», но не сомневаюсь, что после высказанной в эфир «репризы» великовозрастный балбес по-прежнему крепко спит, ест и пьет в свое удовольствие. И немудрено. Теперь стало модным пренебрежительно отзываться о своем Отечестве, его мировом значении, свершениях и победах... Ныне у «законченных» невежд это называется свободомыслием.

За последние несколько десятков лет в нашей стране родилась и процветает некая категория особей, которую впору назвать генетическими мутантами. Историческая память, уважение к предкам — для них пустые слова. Собственная ущербность проявляется агрессией: все вокруг и далее виноваты, кроме, естественно, их самих. Не буду называть радиостанцию, чтобы написанное не выглядело доносом, но упомянутый эфирный «треп» стал поводом высказаться на эту тему.

...Да. Не в первый раз Россию покидают ее граждане. После 1917 года, например, из России уехали около 2-х миллионов человек. Среди них философы, художники, писатели — цвет русской интеллигенции: Бунин, Шмелев, Аверченко, Бальмонт, Гиппиус, Дон-Аминадо, Зайцев, Куприн, Ремизов, Северянин, Алексей Толстой, Тэффи, Шмелев, Саша Черный... Выехали за границу и тогда еще молодые литераторы: Цветаева, Алданов, Адамович, Иванов, Ходасевич...

Но не для того, чтобы тупо «свалить из Рашки». Нет. Стараниями этих людей и их товарищей там, «за бугром», *великая русская литература не исчезла!* Она стала опорой нации. В Константинополе, Софии, Праге, Берлине, Париже, Харбине формировались сообщества, сохраняющие все черты русского общества. Утратив Родину, изгнанники продолжали писать, говорить, публиковать ранее написанные и вновь рожденные ими произведения на русском языке.

На великом русском языке ими создаются новые великие книги. Бунин пишет «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи». В 1933 году ему присуждают Нобелевскую премию. Шмелев — «Солнце мертвых», «Лето Господне», «Богомолье»; Осоргин — «Сивцев вражек»; Зайцев — «Путешествие Глеба», «Преподобный Сергей Радонежский»; Мережковский — «Иисус Неизвестный»; Куприн выпускает два романа: «Купол святого Исаакия Далматского» и «Юнкера», повесть «Колесо времени». Значительным литературным событием становится появление книги воспоминаний «Живые лица» Зинаиды Гиппиус.

Конечно, и тогда находились, с позволения сказать, литераторы, которые призывали: «Пора бросить идти по следам Толстого!» Им на века ответил Бунин: «А по чьим же следам тогда надо идти?»

В начале двадцатых годов первым очагом русской культуры стал Константинополь. Там в течение нескольких месяцев издавался русский еженедельник «Зарницы».

Научным центром русской эмиграции долгое время была Прага. Здесь был основан Русский народный университет, где за государственный счет могли продолжать свое образование около 5 тысяч студентов. Сюда же перебрались многие профессора и преподаватели лучших вузов Европы. Важную роль в сохранении славянской культуры сыграл «Пражский лингвистический кружок». С Прагой связано творчество Марины Цветаевой, которая создает в Чехии лучшие свои произведения. До начала второй мировой войны в Праге выходило на русском языке около 20 литературных журналов и 18 газет.

Русская эмиграция распространялась на Латинскую Америку, Канаду, Скандинавию, США. Писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков в 1924 году переехал в Америку. Он организовал там русское издательство «Атлас». Несколько русских издательств было открыто в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго...

Значительная русская колония возникла в Софии, где выходил журнал «Русская мысль».

Литературной столицей русской эмиграции стал и Берлин. Русская диаспора в Берлине до прихода к власти Гитлера составляла 150 тысяч человек. С 1918 по 1928 годы здесь было зарегистрировано 188 русских издательств, которые большими тиражами печатали наших классиков Пушкина, Толстого, Достоевского, а также произведения современных авторов — Бунина, Ремизова, Берберовой, Цветаевой. Был восстановлен Дом Искусств по подобию Петроградского, где образовалось содружество писателей, музыкантов, художников под общим названием «Веретено», работала «Академия прозы».

Существенная особенность русского Берлина — диалог двух ветвей культуры — зарубежной и оставшейся в России. «Для нас нет в области книги разделения на советскую Россию и эмиграцию», — декларировал берлинский журнал «Русская книга». В Германию из России для творческого общения приезжали многие советские писатели: Горький, Маяковский, Федин, Тынянов...

В середине 20-х годов, когда надежда на скорое возвращение в Россию стала угасать, а в Германии начался экономический кризис, центр эмиграции переместился в Париж. Там к 1923 году обосновались около 300 тысяч русских беженцев, и было организовано общество «Зеленая лампа», во главе которого стал Георгий Иванов. На заседаниях «Зеленой лампы» обсуждались новые книги, журналы... Общество объединяло «старших» и «младших». В течение предвоенных лет оно было наиболее оживленным литературным центром Парижа.

Молодые парижские литераторы объединились в группу «Кочевье», основанную ученым-филологом и критиком Слонимом. Парижские эмигрантские газеты и журналы представляли собой летопись культурной и литературной жизни русского зарубежья. В дешевых кафе Монпарнаса разворачивались литературные дискуссии. Создавалась новая школа эмигрантской поэзии, известная как «Парижская нота».

Литературная жизнь Парижа сойдет на нет с началом второй мировой войны, когда, по выражению Набокова, «...станет на русском Парнасе темно...». Это о времени оккупации Парижа фашистами.

Тогда же возникнет термин «сопротивление». Многие русские эмигранты-литераторы станут его активными участниками. Адамович уйдет добровольцем на фронт. Шаховская станет медсестрой в военном госпитале. Мать Мария — поэтесса Кузьмина-Караваева — погибнет в немецком концлагере, до последних своих дней оказывая узникам духовную помощь и поддержку.

«Мы эмигранты! — говорил Бунин в своей речи, произнесенной 16-го февраля 1924 года в Париже. — Слово “emigrer” подходит к нам как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, по разным причинам, добровольно покинувшие свою родину. И у нас есть своя миссия. Конечно, слово «миссия» — звучит несколько высокопарно. Но в словарях о нем говорится проще: миссия есть желание идти делать что-нибудь».

Мне неизвестен круг знакомств упомянутого в начале статьи радиодетеля. Но судя по его терминологии — это сообщество манкуртов-недочеловеков. Для них такое понятие, как Родина, — пустой звук.

Манкурты хотят уехать из России? В добрый час! Да будет так! А если они заберут с собой предателей, воров, мздоимцев, насильников, убийц... было бы вообще хорошо!

Так можно ли употреблять такие торжественные слова, как «миссия» в отношении нас, нынешних русских писателей и представителей русского искусства, находящихся в эмиграции, но по-прежнему горячо любящих свою Родину — великую Россию и родной русский язык? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то?

Мои читатели! Судите сами по нашим делам и поступкам, нашим произведениям. Среди моих товарищей по эмиграции я не знаю таких, кто бы смог написать или произнести даже наедине с самим собой оскорбительное слово «Рашка»...

Россияне, входящие в круг моих знакомых, которые в силу тех или иных обстоятельств покинули Родину, весьма конкретно задумываются о своей миссии за рубежом в пользу Отечества.

Вот лишь одна судьба тому примером. Судьба Лады Цветковой и Штеффена Баумгартена.

*Супруги Лада и Штеффен
Баумгартен*

То, что Штеффен случайно забрел на сайт Лады и написал красивой девушке письмо, а потом лично явился в Россию, в маленький городок Рыбинск, влюбился и через год, сыграв свадьбу, увез молодую жену к себе в Дрезден — можно считать счастливой случайностью. Судьбой. А вот то, что произошло с далее просто случайностью, удачей, везением не назовешь.

Несмотря на языковой барьер, другую культуру, менталитет Лада упорно искала работу. Штеффен помогает ей создать свое собственное предприятие по консалтингу. А дальше: обширные контакты с творческими людьми, общения, встречи, которые вылились в первый фестиваль русскоязычных писателей, успешно прошедший в Дрездене. Там было очень романтично! Участники фестиваля жили на корабле, спали на двухъярусных кроватях. А мероприятия проходили в японском дворце.

Позже каждый год приносил что-то новое. Все больше участников, больше номинаций, шире аудитория: Германия, Россия, Польша, Белоруссия, Украина, Америка, Марокко, Бельгия, Финляндия, Колумбия, Дания, Израиль, Австрия, Казахстан, Канада — это неполный список стран, русскоязычные писатели которых принимали участие в фестивалях.

И вот на литературном поле Германии появилась новая организация: — Международная гильдия писателей /МГП/ со штаб-квартирой на земле Баден-Вюртемберг.

Она объединила одаренных, творческих людей, независимо от их возраста, места проживания, национальности и вероисповедания.

В Гильдии появились секции: прозы, поэзии, драматургии, детской литературы, журналистики, мемуаристики, критики и литературоведения, сатиры, литературного перевода, авторской песни, композиторов, художников, фотографов. Каждому жанру искусства здесь уделяется одинаково достойное и высокопрофессиональное внимание.

Но главное всего считаю единение со всего света в Гильдии родственных душ! Открыты представительства МГП как в Германии, так и других странах, городах: Лада Баумгартен — ответственный секретарь МГП, Германия; Елена Яхненко — координатор проектов для детей и юношества, Бельгия; Татьяна Кайзер — представитель МГП в городе Берлине, Германия;

Светлана Романова — руководитель секции детской литературы, Россия;

Моисей Борода — представитель МГП в городе Херне (Herne), земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия; Елена Зинченко — представитель МГП в городе Киеве, Украина; Ольга Равченко — представитель МГП в Белоруссии; Кирилл Тремаскин — руководитель секции молодых писателей, Россия; Наталья Крупина — представитель МГП в городе Челябинске, Россия; Тамара Булевич — представитель МГП в Красноярском крае, Россия; Геннадий Литвинцев — представитель МГП в городе Воронеже, Россия; Леонид Подольский — представитель МГП в Москве и Подмосковье, Россия.

Эти талантливые и неравнодушные к проблемам современности писатели, поэты, люди искусства несут свое великое русское слово во все уголки нашей планеты. И впрямь география представительств будет расширяться.

Вот и судите сами, можно ли назвать деятельность этих людей, моих товарищей, проживающих в разных городах и весях земного шара, говорящих и пишущих на великом и могучем — м и с и е й? Миссией по сохранению и процветанию русского языка во всем мире? Языка России, языка Родины!

Т. Б. — Михаил Семенович, наш журнал «Приокские зори» занимает достойное место не только в российском литературном пространстве, но и за рубежом. За верное служение отечественной литературе и дальнейшее развитие ее традиций журнал удостоен высоких правительственных и литературных наград — ордена Гаврилы Романовича Державина, медали великого русского ученого-энциклопедиста, основоположника русской поэзии «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову», медали «К 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова».

Все Ваше творчество, Михаил Семенович, как драматурга, режиссера и писателя тоже служит благим целям человечества, а книги несут разным читательским аудиториям мира свет и добро — *миссия!* — на великом русском языке. Расскажите читателям о себе, как живется, о чем пишется?

М. С. — Я россиянин и горжусь этим всю жизнь. Никогда своего гражданства не менял. О себе рассказывать не умею, сразу... немею. Что новенького готовится на моей писательской «кухне»? Повторюсь за моим другом Василием Павловичем Аксеновым: «О чем пишет писатель? О времени и о себе. И еще много, много о любимых женщинах». Сейчас работаю над романом под условным названием «Валентин и Валентина». А всем до единого читателя желаю безгранично и вечно любить нашу необъятную красавицу Россию.

Отличного весеннего настроения вам!

*Беседу вела Т. Булевич,
зав. отделом международных связей
журнала «Приокские зори»,
член Союза писателей России.*

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Василий Попов
(г. Москва)

ДОРОГИ НЕБА И ЗЕМЛИ

Выпускник Литинститута 2010 года, активный участник Клуба писателей Литературного института.

ПРОЛОГ

Когда-то я — еще не зная,
Что буду сочинять стихи —
На крыше нашего сарая
Сушил на солнце лопухи.

И думал, что листочки эти
Я закурю, как курит дед.
И накрутил я из газеты,
Как мне казалось, сигарет...

Прошли года, прошло и детство,
Теперь я в комнате один.
Я не курю, но хочет сердце
Почуять этот горький дым.

Стихов не надо, нет, не надо,
От них кружится голова.
Но все равно летят куда-то,
Как дым, летят мои слова.

...И вот он, мальчик соловьиный,
На сеновале спички жжет,
И с длинным прутиком малины
Из-за угла отец идет.

* * *

Лес наш не высокий,
Редкий лес.
На березу сбоку
Бурундук залез.

Много, много света,
Хоть в дом бери.
А в Сибири лето
Свечой горит.

Машут мне листочки,
Шумит трава.
Буераки, кочки
Да мошкара.

Кружево искрится
У паутин.
Свищет где-то птица,
Но не найти.

* * *

Когда в ночь уходила заря,
Просыпались ленивые совы.
И о чем-то своем втихоря
Скрежетали дверные засовы.

«Ты почто еще здесь, котофей?
Ну-ка дуй на охоту к амбарам,
— Пнул под зад его дед у дверей.—
Это что же кормить его даром».

И старуха в постели под нос
Неразборчиво так причитала —
«Стороною бы ветер пронес,
Непогоды еще не хватало».

Под навесом у новой дуги
Мыши грызли древесные сушки,
А далече один за другим
Потухали огни деревушки.

* * *

Тонкий месяц чуть искрится,
Режет небо пополам.
Голубой платок из ситца
Опускается к ногам.

То улыбкой, то тревогой
Появляется в ночи,
Он такой же недотрога,
Словно в печке калачи.

Никогда он не измерит
Глубину людских очей.
В его доме настезь двери,
Только дом этот — ничей.

Но когда оставят силы,
Покорю любую высь.
Я зайду к тебе, мой милый,
Рассказать про нашу жизнь.

* * *

Ночь ушла на небо веселиться,
День пришел на землю горевать.
И как будто в комнате лисица
Положила лапы на кровать.

Одеяло, словно поле снега...
И припоминаю детский смех:
Как тогда я по сугробам бегал,
Все подбрасывая шапку вверх.

А потом ругала меня мама:
«Где ты был, что весь такой в снегу?»
«Мы с друзьями у деревни самой
На дороге встретили пургу».

«Ну и врать, и где тебя учили?
Мне соседка доложила все.
За овраги вечером ходили
И гоняли по лесу зверье.

Быстро раздевайся и на печку,
Высушить одежду растяни.
Как еще ума вам да на речку
Всем хватило дружно не пойти.

Вот тебе с малиной чай покрепче,
Никуда ты завтра не пойдешь».
А на небе месяц что-то шепчет,
И гуляет где-то молодежь...

Сон ли это или это память,
Или вместе — это поле наше?
Рыжее куда-то только пламя
Убегает от меня все дальше.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Игорь Топоров
(г. Николаев, Украина)

Известный советский писатель, публицист и просветитель Адриан Митрофанович Топоров родился в 1891 г. в Курской губернии — в семье крестьянина-бедняка. Всесоюзную славу ему принесла работа на Алтае, где он был одним из создателей знаменитой коммуны «Майское утро». Последние годы жизни провел в украинском городе Николаеве, где скончался в 1984 году. Он — автор единственного в мире опыта крестьянской критики произведений мировой литературы - книги «Крестьяне о писателях» (1930 г.), воспоминаний «Я — учитель» (1980), книги «Мозаика» (1985) и др.

Педагогические труды А. М. Топорова изучаются в вузах России и Украины, а его школу в коммуне «Майское утро» иногда сравнивают с яснополянской школой Л. Н. Толстого. Предисловие — его потомка Игоря Топорова.

АДРИАН ТОПОРОВ И ЕГО «МОЗАИКА»

Адриан Топоров (1891—1984) прожил большую, интересную и насыщенную различными событиями жизнь. Он был писателем, публицистом, просветителем, знатоком многих видов искусств.

Его легендарная книга «Крестьяне о писателях» вошла в историю, как единственный в мире опыт крестьянской критики литературных произведений. И была, к примеру, горячо любима его мудрым наставником и приятелем — В. В. Вересаевым. А. М. Топоров оставил потомкам интереснейшие мемуары. А его лебединой песней стала книга «Мозаика», изданная в Киеве уже после смерти автора («Днипро», 1985).

В ней он собрал любопытные факты и эпизоды из жизни величайших людей, по его выражению, «создававших общечеловеческую культуру или вредивших ей». Причем, А. М. Топоров не касался в «Мозаике» значения деятельности корифеев науки, техники, литературы, искусства и проч., ибо считал, что об этом крупнейшими авторитетами написаны тысячи всевозможных исследований.

Герои эпизодов интересовали автора, в первую очередь, как живые люди в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В этих миниатюрах нет ничего вымышленного, так как все они извлечены Топоровым из редких и редчайших литературных источников и лишь сжато изложены им. В черновых рукописях писателя имеется точное указание, откуда взят тот или иной факт.

Автор «Мозаики» справедливо полагал, что коли большинство событий и эпизодов, приведенных в сборнике, были неизвестны ему — читателю с 75-летним стажем, то о них знали ранее лишь наиболее эрудированные книголюбы и специалисты. И выражал надежду, что все это должно быть полезным многим, особенно молодежи.

Писатель также убежден, что книга, подобная им предлагаемой, не могла иметь конца, ибо любопытных фактов, эпизодов и событий из жизни великих людей — несметное количество, из которого он сам почерпнул лишь ничтожную толику.

Так и вышло... Исследователи творчества А. М. Топорова обнаружили в его рукописях значительное количество неизвестных ранее миниатюр, а московское издательство «Нобель-пресс» на их основе подготовило сразу две много более объемные, чем киевская, книги: «Мозаика» и «Мозаика 2».

Мы же знакомим читателя с мини-рассказом А. М. Топорова о его любимейшем поэте — Михаиле Юрьевиче Лермонтове.

Адриан Топоров

ПЕРЕСТРЕЛКА

Будучи студентом Московского университета, Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841) увлекался литературой, историей, языками и искусствами. Недолго любил лекции по зоологии и редко посещал их. Профессор, читавший курс этой науки, вздумал публично уколоть остротой нерадивого студента.

Несколько запоздав на очередную лекцию по зоологии, Михаил Юрьевич тихонько вошел в аудиторию и стал у двери. Профессор, заметив это, нарочито повышенным тоном продолжал:

— Теперь мы перейдем к ослу...

При этих словах он обратился к Лермонтову:

— Садитесь, пожалуйста.

Поняв насмешку профессора, поэт отпарировал:

— Благодарю вас: я могу слушать осла стоя.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

1914 год...

Грянула русско-германская империалистическая война. С фронта приходили безрадостные вести о бесплодной гибели русских армий, погубленных предателями из царедворцев и бездарными полководцами. Трагедию войны тяжело переживала вся наша страна.

Пришел я к Сене Шаронову.* Стали петь и играть только что сочиненный им «Реквием». В комнату неожиданно влетел возбужденный Костя.**

— Друзья! Я мобилизован! Через час должен быть на сборном пункте. Забежал попрощаться.

— Подожди, Костя,— сказал Шаронов.— Послушай мою новую вещь.

И он запел и заиграл «Реквием». Прослушав музыку, Костя вскрикнул:

— Это ты, друг, панихиду, что ли по мне сочинил? Нет, погоди петь ее! Мы постараемся повернуть штыки и пушки на кого следует. Вот увидите!

И, расцеловавшись с нами, Костя быстро ушел...

С тех пор я ничего не слышал о моем старом барнаульском друге Константине Еремеевиче Багаеве...

6-е августа 1961 года... Космонавт-2 Герман Степанович Титов совершил свой триумфальный полет в космос. И незаметное до того имя рядового сельского учителя Адриана Топорова зазвучало в печати, по радио, телевидению и на собраниях. Мой ученик и воспитанник, Степан Павлович Титов, отец космонавта, переслал мне письмо К.Е. Багаева, проживавшего в Ставрополе. Так восстановилась моя связь с Костей, участником трех революций и трех войн. Имел он множество заслуженных наград. Скончался 10 декабря 1969 года на 86 году жизни. Похоронен на кладбище старых коммунистов в Переделкино, под Москвой. За два года до смерти он прислал мне свою книжку мемуаров «Всю жизнь...» с надписью:

«Моему дорожному, незабвенному, единственному другу юношеских лет Адриану Митрофановичу Топорову — дарю эту книжку, в которой записана вся моя нелегкая жизнь с юношеских лет и до пенсионного возраста.»

К. Багаев. 8. XII — 69 г.»

* * *

...День мобилизации запасных на первую империалистическую войну в Барнауле ознаменовался грандиозным пожаром. Мобилизованные разгромили спиртоводочный завод и его склады; перепились вдрызг. Как и почему возник пожар, никто точно не установил в те дни. Когда над городом полыхало зарево, по его улицам пьяные орали песни, тащили в четвертях и ведрах водку и спирт.

Началось ограбление магазинов. Было жутко. Мне рассказывали, что шайка грабителей залезла в ювелирный отдел горящего пассажа Смирнова, а кто-то снаружи спустил тяжелейшие металлические ставни на огромные двери и окна. И все грабители сгорели внутри пассажа...

* * *

Мобилизовали и учителей. Со сборного пункта пригнали нас на пристань и засадили в трюм пассажирского парохода.

* С. В. Шаронов (1874—1937) — алтайский композитор, автор величественного «Реквиема», посвященного русским воинам, погибшим в Первую мировую войну.

** К. Е. Багаев (1884—1969) — известный алтайский революционер, активный участник Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Отплыли от Барнаула. Уже вечерело. В трюме раздался крик:

— Все на верхнюю палубу!

Там служил вечерню сам «апостол Алтая» Макарий, митрополит Московский и Коломенский, бывший архиепископ Томский. Он на пароходе возвращался из отпуска, который проводил в «благословенном и возлюбленном Алтае».

Солнце недавно село, и запад еще алел. В вечерней тишине пение митрополичьего хора разносилось далеко по Оби. Кругом была такая благодать! А на душе становилось мутно от мысли, что и нас везут на бессмысленную бойню. И ради чего?!

В Новониколаевске (старое название Новосибирска) мобилизованные педагоги расстались с Макарием. Он — в Москву, мы — в Томск.

В загородной роще нас выстроили в ряд. Подвыпивший полковник остановился против ряда, набычился и рявкнул:

— Что пузо выперли, как беременные бабы?! А еще господа учителя! Стоять не умеете! А ну, прравняйсь!!

Мы выровнялись, как могли. Полковник отошел поодаль, провел мрачным взглядом по всему нашему ряду и проревел:

— Впредь до особого распоряжения — по домам!! Марш обратно на пристань!!

Нас повели. Чье-то сумасбродство заставило сотни учителей мыкать в Томск и обратно! То же повторилось через месяц...

Меня миновала горькая чаша войны...

* * *

В конце августа 1915 года я покинул Барнаул. На сей раз прощался с друзьями накоротке, думал, что еду в это село на год-другой, а вышло — на семнадцать лет. Можно точнее сказать: на всю жизнь. Потому что наконец-то я нашел свое настоящее место в жизни; в город больше не вернулся, стал сельским учителем.

Слов нет, был я дилетантом, потому что знал лишь азы некоторых наук и искусств. Но как раз такие дилетанты и нужны были в глуши. Они-то и начали приобщать «обуточную» Русь к начаткам культуры.

Может быть, мне даже легче было понять крестьян. Не зря ведь случалось в пору хождения интеллигенции «в народ», что они вязали пропагандистов и сдавали уряднику. Довольно быстро стало мне ясно, что «неоплатный долг», который мечтал я им вернуть, они не особо хотели и принимать. Не было ничего вроде «ах, приехал, родимый, наконец-то!». Была худая школенка, было нищенское жалование, были равнодушие, подозрительность, хмурое молчание баб и мужиков. И следовало для начала заслужить их доверие.

Итак, я стал учителем, рядовым сельским учителем, но, думаю, в правдивом изображении житей-бытия обыкновенного маленького человека тоже есть какая-то ценность. Поэтому и пишу свои заметки.

Село, куда меня занесло, имело три названия: по-административному — Верх-Жилинское, по-церковному — Терешкино, а по-народному — Журавлиха. Последнее имя получило за то, что раскинулось между сограми (болотами), где водились журавли. За сограми виднелись увалы, поросшие сосновыми и березовыми лесами, за ними лежала степь. С юга и севера село огибали две речки: одна — Журавлишка, другая — безымянная.

Население было смешанное: коренные чалдоны и давние переселенцы из Европейской России. По чистой случайности оказалось, что они мои земляки — курыне из Обоянского и Поныровского уездов. Вот почему и язык верх-жилинцев содержал смесь сибирских и курских диалектизмов.

Я застал там две школы. Церковноприходская была почему-то вдали от церкви,

на краю села. Учительствовала в ней тихоня вроде старой монашки. Министерская школа, напротив, помещалась рядом с церковью, в самом центре села. Это был бревенчатый сарай, к тому же недостроенный. Мне сказали, что мужики долго ругались на сельском сходе, но на пятачковый сбор со двора так и не согласились. Доски поверху набросали кое-как, крыша текла, сеней не приделали, к входной двери вела лесенка из шести кривых, «опасных» ступенек. В сарае и началась моя просветительная работа.

С чего началась? Окончив школьные занятия, я вечерами ходил на «сборню», где сходились мужики. Здравовался, садился с ними, больше помалкивал. Разговоры шли в основном о русско-германской войне, куда угнана была вся верх-жилинская молодежь. Как-то я предложил бородачам почитать газету. «Давай, паря», — согласились они. И начал я читать — «Жизнь Алтая», «Сибирскую жизнь», «Русские ведомости», «Русское слово». Когда вошло это в обычай, взялся за небольшие художественные произведения из журналов «Русское богатство», «Былое».

Но, видимо, для этого время еще не пришло. Больше интересовали крестьян газеты, в них — сводки военных действий, а особенно, как я заметил, — речи оппозиционных членов Государственной думы. В этих речах проскальзывали намеки на наши неудачи, на бездарность генералов, на измену придворной камарильи. Мужики хмурились:

— А чо им? Жалко нашего брата? Им все едино!

— Продались Вильгельму!

— Целые армии царицыны генералы топят в болотах...

— Она хочет ряшить государство!

О доносах в глуши не ведали, языкам давалась полная воля. Уже тогда было видно, как закипает народный гнев против самодержавия. Но я с высказываниями не спешил. Порой умолкал на самом интересном месте и только показывал слушателям «лысины», когда цензура вымарывала куски речей, газеты выходили с пустотами в колонках.

— Во какие прогалызины! Боятся правды-то!

— Должно, опять царицу продернули.

— И Распутин Гришку...

Постепенно крестьяне привыкли ко мне, да и я узнал их, понял, до чего они все разные. Одинаков «народ» для стороннего наблюдателя, а живя с людьми, видишь, кто как думает и кто чем дышит. Очень интересные были в Верх-Жилинском мужики; попадались и грамотеи, которых остальные именовали «политиками». Стали время от времени приходить ко мне, просили почитать книжки. Я, конечно, давал.

Бабы держались особняком, в разговоры не встречали, но шли дни, недели, месяцы, и познакомился я с ними тоже. Вначале писал под их диктовку письма на фронт, а зимой пришла ко мне целая делегация солдаток:

— Поучи нас, Митрофаныч, грамоте!

— Надоть письма писать на войну, а не умеем.

— Сам знаешь, промежду мужем и женой всяка тайность есть, через чужого и сказать стыдно...

Дело было столь необычное, что инспекция народных училищ долго судила и рядила, давать ли мне разрешение. Наконец позволили открыть воскресную школу грамоты, но только для женщин. И я еще в 1915-1916 учебном году, до всех ликбезов, ликвидировал неграмотность у многих солдаток и девиц села Верх-Жилинского. Мужики, приходившие с фронта, уже знали обо мне из их писем, приходили как к знакомому, тоже брали книги из моей библиотеки.

В общем, закрепились моя дружба с крестьянами...

Валерий Есипов
(г. Вологда)

ЧЕРНОВИКИ ТОЖЕ ПОЛЕЗНЫ
(комментарий к публикации Н. Циписа
«Стихи из старой папки» —
«Приокские зори», 2012, № 2)

Литературовед, автор книги «Шаламов» в серии «ЖЗЛ»

Внимание к поэзии Варлама Шаламова, проявленное «Приокскими зорями», само по себе ценно, поскольку стихи автора «Колымских рассказов» еще мало известны широкому читателю. При жизни автора, в 1960—1970-е годы, его поэтические сборники выходили мизерными тиражами, а потом, со времен «гласности», их полностью заслонила потрясающая шаламовская проза. Справедливо ли это? Вряд ли. Ведь сам Шаламов считал себя прежде всего поэтом, и истина этого его утверждения постепенно восстанавливается — благодаря прежде всего поискам и публикации неизвестных стихов, которых оказалось огромное множество. В прошлом году вышло в свет семитомное собрание сочинений писателя — в нем стихи занимают целиком 3-й том и кроме того около 160 стихотворений (из рассеянных в периодике публикаций и из архива) вошло в 7-й том. Ярko подтверждают мысль о поэтической доминанте творчества Шаламова его письма, статьи и эссе о стихах, а также и исследования на данную тему: весь этот материал широко представлен на сайте shalamov.ru, созданном в 2008 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В настоящее время идет подготовка первого научного издания стихов Шаламова в серии «Библиотека поэта», что поможет окончательно «реабилитировать» его поэтическую сущность (хотя, по мнению многих литературоведов, он в такой «реабилитации» не нуждается, т.к. по праву занимает в русской литературе XX века ту вакансию среди выдающихся поэтов-прозаиков, которая осталась незаполненной после А. Белого и Б. Пастернака).

В связи с этим следует отметить, что публикация Наума Циписа с сообщением о папке стихов Шаламова, имевшихся у его бременского друга (ныне покойного) Лео-на Траубе, оказалась весьма полезной для шаламоведения. Прежде всего потому, что благодаря этой публикации и посредничеству Н. Циписа, нам удалось связаться с проживающей в Бремене вдовой владельца папки Эллой Траубе, и она любезно согласилась передать эту папку со всеми имеющимися в ней материалами в фонд писателя в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Это произошло в марте 2014 г. Как показывает анализ материалов (это машинописные копии около ста стихотворений), они являются важным дополнительным источником для текстологической работы, что будет иметь особое значение для издания «Библиотеки поэта».

Необходимо уточнить несколько существенных деталей. Большинство стихов — как увидевших свет на страницах «Приокских зорь», так и содержащихся в папке

Л. Траубе — уже опубликовано, и не раз. Девять из двенадцати стихотворений, представленных Н. Циписом, входят в большую поэтическую книгу Шаламова «Колымские тетради», составленную автором при жизни, но напечатанную целиком лишь в 1994 г. (затем «Колымские тетради» неоднократно переиздавались). Некоторые стихи печатались еще раньше, в 1960-е годы, и были уже тогда широко известны. Например, стихотворение «Каменя» («На склоне гор, на склоне лет») входило в первые сборники Шаламова «Огниво» и «Шелест листьев», выпущенные издательством «Советский писатель», соответственно, в 1961 и 1964 годах. Очевидно, что Н. Ципис, живущий в Германии, не мог найти эти сборники в библиотеках, однако, он мог бы воспользоваться Интернетом или обратиться к специалистам. Тогда бы стало понятно, что он имеет дело ни с чем иным, как с черновым вариантом этого стихотворения, значительно переработанным позднее. Для наглядности приведу оба варианта «Каменя». Черновой:

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Обух простого топора
Бессмертней кажется пера.
В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем значеньем немоты.
Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И в знак рассвета, в знак зари
Я перстень богу подарил.*

Беловой:

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.*

*В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщицы.*

*Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой.
И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.*

Легко убедиться, насколько совершенным, воистину — чеканным — стало стихотворение при окончательной доработке. А чтобы понять, почему так резко отличаются черновик и беловик, стоит обратиться к собственному комментарию Шаламова к «Камене» (напечатан в 1994 г., входит во все собрания сочинений): «Написано в поселке Барагон близ Оймякона зимой 1951—1952 года в шестидесятиградусный мороз. Моя железная печка никак не могла нагреть помещения, ветер выдувал тепло,

руки стыли, и я никак не мог записать это стихотворение на бумагу в тетрадку. Полное одиночество, скала на другом берегу горной речушки, долгое отсутствие писем с «материка» — создали благоприятные условия для появления «Камеи». «По обстоятельствам жизни было важно укрепить хотя бы несколько строк, чтоб не утратить настроения, напора чувств», — замечал также Шаламов, добавляя, что «как и все колымские стихи, «Камея» имеет сто вариантов», и последний «очень понравился Б. Л. Пастернаку».

Черновым, т.е. первым, ранним наброском является и приведенный Н. Циписом вариант стихотворения «С годами все безоговорочней». При отделке оно стало сжатым и емким, просто замечательным, особенно концовка:

*...И вот, пройдя пути голгофские,
Чуть не утратив дара речи,
Вернулись в улицы московские
Ученики или предтечи.*

Уже по слову «вернулись» (в черновике «вернувшись») можно понять, что это стихотворение написано не на Колыме, а по возвращении с нее, в 1954 году. Это позволяет сделать вывод о том, что в папке Л. Траубе собраны не только колымские, но и «постколымские» стихи Шаламова. Причем, как установлено в настоящее время, практически все они имеются в архиве писателя — в рукописях, в различных вариантах. Таким образом, главная ценность найденной (благодаря публикации Н. Циписа) папки Л. Траубе — в том, что она дополняет источники текстов, которыми являются и черновики. Они во многих случаях полезны, т.к. позволяют проследить и проанализировать творческий процесс создания произведений. В то же время в папке содержится ряд стихотворений, не подвергавшихся переделке, и они показывают высокое мастерство и самобытность Шаламова-поэта.

Находка папки Л. Траубе проясняет ряд вопросов. Очень важны вложенные в нее небольшие воспоминания владельца. Судя по ним, это была первая машинописная копия стихов Шаламова, и перепечатка осуществлялась в 1954 году первой женой писателя Галиной Гудзь (вероятно, она обращалась к какой-то знакомой машинистке). Тогда же она и передала один экземпляр (из трех) Л. Траубе, который был другом семьи Гудзей, живших в Чистом переулке в Москве. В связи с этим утверждение Н. Циписа, будто Г. И. Гудзь передала стихи перед своей смертью — вероятно, аберрация памяти. Ведь она умерла в 1986 году, а с Шаламовым рассталась еще в 1956-м. Судя по воспоминаниям Л. Траубе, он почти сорок лет хранил папку у себя, когда жил затем на Украине, во Львове.

«Я показывал стихи многим литераторам, читал их с радостью Борис Чичибабин», — замечал Л. Траубе. Это очень интересный факт, который может объяснить, почему Б. Чичибабин был страстным поклонником творчества Шаламова. (Кроме того, надо помнить, что ни Шаламов, ни Чичибабин при всех своих лагерных испытаниях никогда не были диссидентами-антисоветчиками).

Важно, что в самиздат стихи из папки не попали — сведений о том, что Л. Траубе размножал копии и распространял их, не имеется. Да это было бы и неэтично с его стороны. Сам Шаламов также был совсем не заинтересован в том, чтобы его незавершенные стихи ходили «по рукам» — инициатива их перепечатки, напомним, исходила от его первой жены. Шаламов обычно записывал стихи в тетради и потом подолгу над ними работал, не выпуская из стола. Как отмечала наследница его архива И. П. Сиротинская, в 1953—1956 гг. многие стихи «подвергались огромной правке». Поэт надеялся, что «Колымские тетради» будут целиком напечатаны в период «оттепе-

ли». Увы, этого не случилось. Главный поэтический труд Шаламова — в отличие от его рассказов — не получил широкого хождения и в самиздате. Все это наглядно показывает трагизм литературной судьбы большого русского поэта и писателя.

Теперь справедливость начинает восстанавливаться, и хотелось бы, чтобы все наследие В. Т. Шаламова было бережно собрано, издано и изучено, чтобы появлялось больше глубоких статей и исследований о нем и его творчестве. К сожалению, так происходит не всегда. Пользуясь случаем, хочу высказать свое отношение к еще одной публикации в «Приокских зорях». В № 1 за 2013 г. напечатана статья Н. Мых-Степняка «Нелюбовный треугольник: Солженицын, Шаламов, Твардовский и «Новый мир». Вынужден заметить, что точно так же называется ключевая глава из моей книги «Варлам Шаламов и его современники», изданной в 2007 г. и размещенной на сайте shalamov.ru. Н. Мых-Степняк лишь поменял местами фамилии: у меня Шаламов был на первом месте, а Солженицын на втором. Понятно, что за сменой мест стоят собственные симпатии автора, но зачем же заимствовать чужой заголовок? И зачем переписывать целыми абзацами формулировки моей книги, выдавая их за свои? При этом Н. Мых-Степняк сделал попытку замаскировать плагиат ссылкой на мою фамилию, но и тут получилась незадача — я оказался у него Валерием Осиповым...

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ЗАПОМНИ НАС, НЕБО РОССИИ.
О русских летчиках Первой Мировой войны

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2012 год. Член Российского Союза профессиональных литераторов.

Кто из наших современников не знает имен знаменитых советских асов Великой Отечественной войны? Имена славных героев-летчиков широко известны не только в России, но и далеко за ее пределами. Это трижды Герои Советского Союза Иван Никитович Кожедуб и Александр Иванович Покрышкин.

В годы Великой Отечественной войны летчик-истребитель Иван Кожедуб совершил 326 боевых вылетов и в 120 воздушных боях 62 раза одержал победу. Александр Покрышкин совершил 600 боевых вылетов, участвовал в 145 воздушных сражениях и закончил войну, имея на счету 59 сбитых самолетов лично и 6 — в группе.

Не менее выдающимся и мужественным летчиком был и дважды Герой Советского Союза Григорий Андреевич Речкалов, удостоенный высоких наград за свои боевые заслуги — 56 сбитых самолетов противника.

Всего же за боевые подвиги во время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены 2420 летчиков, из них 65 — дважды и двое — трижды. В боевых действиях авиации Красной Армии активно принимали участие и женщины. Героини Советского Союза в годы войны стали 30 отважных летчиц.

Нам бесконечно дороги советские летчики-герои Покрышкин и Кожедуб, Маресьев и Речкалов, Литвяк и Зеленко, но знаем ли мы так же хорошо имена русских летчиков, участвовавших в воздушных сражениях Первой Мировой войны?

Когда я начал работу над этой статьей, то открыв полную энциклопедию «Мировая авиация», которая издается с 2009 года, был немало удивлен тем, что в разделе «Имена в авиации» не упоминаются русские асы Первой мировой войны. Подробно и интересно рассказано о немецких, французских летчиках, летчиках США, а о пилотах России ни слова.

А может, Россия была настолько отсталой в авиации, что о вкладе русских летчиков в ее развитие не стоит и вспоминать? И кроме П. Н. Нестерова не было у нас выдающихся авиаторов в те годы?

Но это далеко не так и заслуги русских летчиков, участвовавших в Первой мировой войне не менее значимы перед Россией, чем заслуги кавалерии, пехоты, артиллерии. А свой вклад в развитие мировой военной авиации они внесли не меньший, чем французские и немецкие летчики. Забыть об этом было бы несправедливо по отношению к русским авиастроителям и летчикам не только потому, что сейчас отмечается столетний юбилей со дня начала Первой Мировой войны, а просто потому, что степень цивилизации страны определяется по отношению ее народа к памяти о солдатах, погибших на полях сражений в любой войне.

Ведь даже среди немецких и австрийских летчиков о героизме и смелости русских пилотов ходили легенды. Многих наших летчиков противник знал буквально по именам. А вот что писала австрийская газета “Pester Lloyd” в октябре 1915 года: «Было бы смешно говорить с неуважением о русских летчиках. Русские летчики более опасные враги, чем французы. Русские летчики хладнокровны. В атаках русских, быть может, отсутствует планомерность, так же как и у французов, но в воздухе русские летчики непоколебимы и могут переносить большие потери без всякой паники. Русский летчик есть и остается страшным противником».

Имена русских летчиков Первой Мировой не известны нашим современникам так широко, как имена героев Великой Отечественной, по одной простой причине. Многие из них после Октябрьской революции эмигрировали в Англию и продолжали воевать на Западном фронте против Германии или воевали в рядах Антанты против частей Красной Армии. Но все они достойны занять свое место в памяти народа, потому что сражались на фронтах Первой Мировой войны за Россию, и многие из них погибли с честью «за Веру, Царя и Отечество».

Но немаловажно напомнить о том, что авиация того времени находилась всего лишь на пороге становления. И необходимо было иметь отважное сердце, чтобы на самолетах, похожих больше на этажерки, подниматься в воздух. Не просто летать, а еще и вести боевые действия — разведку, бомбометание, стрельбу по самолетам противника. И на это были способны только такие люди, которых без натяжки можно назвать героями.

В те годы российская авиационная промышленность значительно уступала зарубежной и по качеству, и по техническому оснащению производимых самолетов. Поэтому нашим летчикам зачастую приходилось летать и воевать на отсталой технике, в большинстве своем имея на вооружении карабин или револьвер.

Во время Первой Мировой войны асом считался летчик, сбивший не менее 5 самолетов противника. И официальная статистика не учитывала сбитые вражеские самолеты, упавшие за линией фронта, что, конечно, преуменьшало число воздушных побед русских летчиков. Несмотря на то, что российские летчики воевали в худших условиях, чем французские или немецкие, то есть на технически отсталых самолетах, с более слабым вооружением, они своей отвагой и смелостью сумели внушить противнику страх перед русским воздушным флотом. Всего из 150 военных летчиков-истребителей в российской авиации асами стали 26 (т.е. одержали более 5 воздушных побед каждый). Всего нашими асами было уничтожено 188 самолетов противника. У каждого аса был свой «почерк» ведения воздушного боя, но одно было непоколебимым — они смело шли в лобовые атаки, от которых противник старался уклониться. Это позволяло с расстояния 15—20 метров расстреливать вражеские самолеты. Всего за время Первой мировой войны русские истребители уничтожили свыше 2000 самолетов противника и около 3000 летчиков.

Личный состав летных отрядов в начале войны комплектовался из офицеров различных родов войск, в первую очередь за счет артиллерийских дивизионов и гвардейских частей кавалерии. Но и здесь учитывалось происхождение формируемых авиационных кадров и «благонадежность». В основном в авиацию брались кадры из дворянского сословия. К выходцам из других сословий относились свысока, а в офицерскую среду принимали весьма неохотно. Но, тем не менее, в рядах русского офицерства было много представителей из средних и нижних слоев общества, а также из солдат. Они-то и явились летными кадрами, вынесшими на себе основную тяжесть войны. В ходе боев были очень большие потери в летном составе. Особенно среди летчиков-истребителей. Однако командование авиационных дивизионов неохотно присваивало офицерские звания летчикам из «нижних чинов». В своей книге «Исто-

рия воздухоплавания и авиации в России» П. Д. Дузь приводит такие примеры: «Летчик 2-го истребительного отряда Кокорин сбил в воздушном бою пять немецких самолетов, был полным Георгиевским кавалером, однако, погиб, так и не дождавшись офицерского чина. ...Летчик-солдат 2-го сибирского авиаотряда, бывший рабочий Путиловского завода, А. Г. Мортиров вел боевую работу в авиации с 1915 года, совершил 600 боевых вылетов. За подвиги в войне он получил три Георгиевских креста. В начале 1917 года ему присвоили чин поручика. Вскоре А. Г. Мортиров был награжден орденом Владимира 4-ой степени и золотым Георгиевским оружием, однако дальнейшего продвижения по службе не получил».

Наши летчики, несмотря на то что имели на вооружении устаревшую технику, менее быстроходные и хуже вооруженные аппараты, проявляли в воздушных боях чудеса мужества и отваги. Многие из них вписали свои имена в историю мировой военной авиации, достойно и с честью неся звание русского летчика.

Пожалуй, наиболее известно в народной памяти имя летчика **Петра Николаевича Нестерова**. Именно потому, что П. Н. Нестеров совершил впервые в истории авиации воздушный таран. Но до этого в 1913 году весь мир узнал имя отважного авиатора, выполнившего тоже впервые в мире сложнейшую для того времени пилотажную фигуру — «мертвую петлю».

А 26 августа 1914 года прославленный летчик штабс-капитан 9-й Сибирской стрелковой бригады совершил бессмертный подвиг — на самолете типа «Моран-Ж» таранил австрийский самолет типа «Альбатрос». Произошло это в небе в окрестностях города Львова. Австрийский пилот вел воздушную разведку передвижения русских войск на недосягаемой для выстрелов с земли высоте. Штабс-капитан Нестеров на легком и быстроходном «Моране» смело полетел ему наперерез. Австрийский разведчик, увидев быстро приближающийся русский самолет, попытался уйти от преследования. Но самолет Нестерова настиг его и ударом сверху сбил неприятельскую машину. Оба самолета рухнули на землю. Сбив противника, героически погиб и русский летчик П. Н. Нестеров.

Петр Николаевич Нестеров, хоть и не являлся асом в прямом смысле этого слова, но был настоящим авиатором, внесшим незаменимый вклад в историю русской авиации. За период своего участия в боевых сражениях он успел совершить всего 7 вылетов и одержать только одну воздушную победу. Но какую!

Во время своего первого ночного полета на бомбардировку 2 июля 1915 года был сбит над Рижским заливом русский летчик **Александр Николаевич Прокофьев-Северский**. При падении самолета взрывом боезапаса ему изувечило правую ногу. Опасаясь гангрены, врачи госпиталя, где он проходил лечение, хотели почти полностью ампутировать Северскому ногу. Но ограничились ампутацией чуть ниже колена, вняв настойчивым просьбам летчика. После выписки из госпиталя Александр Северский был назначен инспектором авиапромышленности от Балтийского флота. Он начал интенсивно тренироваться, ходил на костылях, потом без костылей, когда ему сделали деревянный протез ноги. Северский был человеком сильной воли, верил, что может тренировками достичь желаемого — вновь сесть на аэроплан. Однажды он без разрешения выполнил полет на самолете. И не просто пролетел, а направил самолет под Николаевский мост Петрограда. На докладе начальника Воздушных сил Балт-флота адмирала А. И. Непенина о дерзком поступке авиатора царь поставил резолюцию: «*Читал. Восхищен. Пусть летает. НИКОЛАЙ*».

Так А. Н. Прокофьев-Северский вернулся в бомбардировочную авиацию. В 57 боевых вылетах отважный летчик сбил 13 самолетов противника, имел множество боевых наград. В 1916 году был награжден Золотым Георгиевским оружием за схватку против семи германских самолетов. После того, как Александр Северский

своим огнем сбил два немецких самолета, остальные оставили поле боя, позорно бежав. Был награжден специальной наградой за ценные изобретения в области морской авиации. А было ему в ту пору всего 23 года.

Свою первую воздушную победу штабс-капитан **Евграф Николаевич Крутень** одержал 30 июля 1915 года. Через год весной 1916 года штабс-капитан Е. Крутень серьезно поставил перед командованием вопрос о создании специальных истребительных авиагрупп. И в марте его назначили командиром 2-го авиационного отряда истребителей. Из всех русских летчиков Первой мировой войны Е. Н. Крутень внес наибольший вклад в разработку теории воздушного боя, написав на основе собственного практического опыта несколько брошюр-наставлений. В отношении количества воздушных побед летчика-истребителя имеется различное мнение. Считается, что Евграф Николаевич сбил 15 германских самолетов. Был награжден орденами: Святого Георгия — 4-й степени, Святого Владимира — 4-й степени, Святой Анны — 4-й степени, Святого Станислава — 2-й и 3-й степени; золотым Георгиевским оружием и французским «Военным крестом 1914—1918».

Погиб русский авиатор Е. Н. Крутень 19 июня 1917 года, возвращаясь с очередного боевого задания на самолете с пустым бензобаком. При заходе на посадку на малой высоте самолет командира истребительного отряда врезался в землю. Похоронен Евграф Николаевич на Лукьяновском кладбище города Киева, рядом с могилой Петра Нестерова.

Смирнов Иван Васильевич был родом из крестьянской семьи. Когда началась война, бежал из дома и поступил добровольцем в армию. На фронте отличился в боях, получив серьезное ранение, и в девятнадцать лет был награжден Георгиевским Крестом. После госпиталя Ивана приняли на курсы авиаторов. С 1915 году воевал в истребительном отряде. За два года сбил 12 самолетов, при этом сам не был сбит ни разу. Дослужился до поручика. Эмигрировал в Англию.

Аргеев Павел Владимирович после тяжелых ранений, полученных во время службы в пехоте, ушел в отставку. Но после выздоровления продолжил службу летчиком на русско-германском фронте. Сбил 6 самолетов, за боевые победы награжден орденами св. Георгия и св. Владимира. Октябрьская революция и последовавший за ней развал фронта заставил боевых офицеров Российской армии сделать трудный для них выбор. Летчик Павел Аргеев через Архангельск покидает Россию и едет во Францию на Западный фронт. В составе 124-й истребительной эскадрильи, укомплектованной иностранными добровольцами, он становится самым результативным пилотом. За 5 месяцев боев сбил еще 9 немецких самолетов.

Начало Первой мировой войны **Борис Васильевич Сергиевский** встретил инженером в Киеве, но был призван в армию, служил в пехоте. После ранения в 1915 году и длительного лечения в госпитале возвращается на фронт. А в начале 1916 года, когда объявили запись добровольцев в авиационный дивизион, Сергиевский подал прошение о переводе из пехоты в авиацию. После окончания Севастопольской военной авиационной школы получил назначение во 2-ой авиационный отряд истребителей под командованием Евграфа Крутеня. Борис Сергиевский быстро стал одним из лучших российских летчиков-истребителей. В 55 воздушных боях летчик Сергиевский уничтожил 11 самолетов противника и 3 аэростата. За боевые заслуги награжден орденами Святой Анны — 2, 3 и 4-й степени, Святого Станислава — 2 и 3-й степени, Святого Владимира — 4-й степени. Был произведен в штабс-капитаны, и после гибели Е. Н. Крутеня командовал истребительным отрядом. Эмигрировал в США.

Самым величайшим из русских асов-истребителей Первой мировой войны по праву считается **Козаков Александр Александрович** (1891—1919). Кавалер 16 боевых наград.

В своей первой воздушной победе военный летчик А. Козаков повторил подвиг штабс-капитана П. Нестерова. Он совершил второй воздушный таран в истории военной авиации. Из боя русский летчик вышел победителем и остался жив. Высочайший приказ о награждении А. Козакова Золотым Георгиевским оружием содержал следующие строки: *«за доблестный подвиг 18-го марта 1915 г., выразившийся в том, что по собственному почину взлетел у с. Гузов на своем аппарате, погнался за германским аэропланом, производившим разведку в нашем тылу и бросавшим бомбы в Гузовский аэродром, достиг его близ усадьбы Воля-Шидловского и, хотя не успел опрокинуть врага особым якорем, сбил его, с явной опасностью для собственной жизни, ударом своего аппарата о верхнюю плоскость неприятельского, в результате чего было прекращение противником разведки и метания бомб»*.

Молодой корнет Александр Козаков начал военную службу в уланском Белгородском полку в 1908 году. В 1913 году поручик уланского полка подает рапорт о переводе его в авиаотдел офицерской воздухоплавательной школы. С успехом ее оканчивает в 1914 году. За успехи в учебе награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

Началась Первая мировая война, но не сразу попадает летчик А. Козаков на фронт. Для военной авиации в России не хватало самолетов и поэтому только в ноябре 1914 года, получив самолет типа «Моран-Ж», он отправляется к месту службы. Участвует в боях во время знаменитого Брусиловского прорыва на Ковельском направлении. В воздушных сражениях Козаков сбил 9 самолетов неприятеля.

Козаков отличался незаурядными организаторскими способностями, был храбр, умело управлял самолетом. Все это и послужило решением для командования назначить его командиром 1-й истребительной авиагруппы. Ставшей впоследствии лучшей в русской авиации.

А всего русский ас А. А. Козаков одержал 17 воздушных побед. Признанных официально. Но фактически на его счету числится 32 победы. Ведь сбитые самолеты, упавшие за линией фронта, в актив летчиков не засчитывались.

События, разразившиеся в России после Октябрьской революции, серьезно изменили жизнь подполковника Козакова. Свой последний боевой вылет, находясь на службе в российской армии, он совершил в конце ноября 1917 года.

Пришедшие к власти большевики отменили офицерские звания, упразднили почти все боевые награды, полученные при «царском режиме». Офицер Козаков увидел во многих действиях большевиков угрозу кадровой армии, посчитал, что многое в устройстве России может безвозвратно рухнуть. Но Советская власть попыталась привлечь гражданина Козакова к практической работе по созданию Рабоче-крестьянского Красного Воздушного Флота. Даже был издан приказ о его назначении на должность начальника Главного Управления КВФ.

Однако Александр Александрович сделал свой, как ему казалось, правильный выбор: вместе со многими русскими летчиками он вошел в состав Славяно-Британского отряда, воевавшего на стороне Антанты. В боях с Красной Армией Козаков одержал свою последнюю победу в воздухе — им был сбит гидросамолет, управляемый красноретом (но неизвестно вошла ли эта победа в число тех 32, ведь факт его участия в боях против Красной Армии долгое время умалчивался).

Не поняв действий новой власти, не приняв того устройства, к которому она вела народные массы, Козаков был вынужден защищать свой мир, — с традициями и честью старой русской армии. Но надежды на сохранение старого мира рухнули с поражением войск интервентов, которые в спешном порядке эвакуировались из Мурманска под натиском Красной Армии. От службы в Лондоне Козаков отказался, не пошел он на службу и в армию Колчака. Козаков понял бесполезность этой борьбы, понял ошибку, совершенную им и многими его сослуживцами-летчиками.

Группу пилотов бывшего Славяно-Британского отряда провожали в армию Колчака в Сибирь, на Восточный фронт. Был вечер 21 июля 1919 года. Александр Козаков, в честь этого события и прощаясь с боевыми товарищами, поднялся в воздух на разведывательном самолете «Сопвич». На небольшой высоте он продемонстрировал каскад пилотажных фигур, и вдруг его самолет стал резко набирать высоту. Затем, внезапно сделав поворот через крыло, самолет пошел в отвесное пикирование... С треском и грохотом аппарат врезался в землю недалеко от ангара. Подбежавшие летчики извлекли из-под обломков Козакова, он был еще жив, но подоспевшая помощь медиков была уже бесполезна. При падении Козаков сломал позвоночник. Он умер на руках товарищей, не сказав ни слова. Было русскому летчику А. А. Козакову всего 30 лет... Летчики, видевшие его полет и падение, выразили общее мнение — это было самоубийство.

Никто из английских летчиков, входивших в состав Славяно-Балтийского авиаотряда, не пришел на похороны Александра Козакова, награжденного за победы в воздушных боях одним из высших орденов Великобритании...

Спустя год после гибели героя врангелевский журнал «Наша стихия» поместил обширную статью, посвященную памяти выдающегося русского летчика Александра Александровича Козакова. Статья заканчивалась словами генерал-майора В. М. Ткачева: «Россия должна гордиться этим человеком!»

Да, Россия должна гордиться людьми, приумножающими ее славу своими ратными и созидательными подвигами. И Родина все должна сделать для того, чтобы в памяти народной сохранились имена героев, встающих на защиту Отечества, приумножающих его силу и твердость.

И в этом ряду героев должны стоять на почетном месте русские летчики Первой Мировой войны, своими боевыми победами внесшие вклад в укрепление и развитие военно-воздушного флота России

Библиография

Литература

1. Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. М. 1986 г.
2. Советский энциклопедический словарь. ЛСЭ. 1985 г.
3. Мировая авиация. Полная энциклопедия. «Де Агостини». 2009 г.

Электронный ресурс

1. army.armor.kiev.ua Ладыгин И. В. Русские соколы.
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki> Биографии русских летчиков.
3. www.petroplan.ru Казаков А. А.
4. airaces.narod.ru Военные летчики Первой мировой и Гражданской войны — Красные соколы.

ЕВРЕИ — ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая Мировая война (28 июля 1914 — 11 ноября 1918) — один из самых крупных вооруженных конфликтов в человеческой истории — в России по праву была названа II-й Отечественной. Патриотический подъем, охвативший все население страны, не оставил в стороне и евреев. Их процент в армии в те годы был выше, чем в составе населения России: всего в войсках евреев насчитывалось около пятисот тысяч. Еврейская молодежь, из-за «процентной нормы» обучавшаяся за границей, в большинстве вернулась в Россию. Многие, даже освобожденные от призыва, молодые люди шли на фронт добровольно. Кроме солдат в армии было много и офицеров-евреев.

Как среди представителей любого народа в армии, так и среди евреев были примеры и отрицательного отношения к воинской дисциплине. Но тысячи воинов проявили себя вполне достойно, воевали храбро и профессионально и были награждены за участие в войне орденами и медалями. *Свыше трех тысяч* из них награждено Георгиевскими крестами, а *сорок человек* стали полными Георгиевскими кавалерами, то есть получившими четыре награды — I, II, III и IV степеней, *кавалерами «полного банта»*.

В составе еврейского «Союза Георгиевских кавалеров» на начало 1918 года было около 2500 человек. Этот Союз активно выступал против Брестского мира и призывал к войне до победного конца — до полного освобождения страны от германско-австрийских оккупантов.

Полными кавалерами были знаменитые комдивы гражданской войны: Самуил Пинхусович Медведовский, Давид Аркадьевич Гутман (Шмидт), писатель-полярник Яков Кальницкий.

И что удивительно, даже ортодоксальные раввины совершенно спокойно относились к ношению евреями на груди креста. Не было ни единого случая запрета ношения награды, на тыльной стороне которой было выбито «За Веру, Царя и Отечество».

Среди георгиевских кавалеров были и дети: Мальтинский Исаак — 14 лет, Боч Давид — 14 лет, Касм Исаак — 15 лет, Кейлин Маркус — 16 лет, Еверович Соломон — 17 лет, Гольберг Исаак — 15 лет, Гутман Иосиф — 13 лет.

В рядах Русской Императорской армии были не только низшие чины, но и офицеры, и генералы — этнические евреи, потомки кантонистов, принявших христианство, ибо человек иудейского вероисповедания в царской России офицером и генералом стать не мог. Среди них можно отметить генерал-майора Сергея Владимировича Цейля (1868—1915), окончившего Академию Генерального штаба, с 1914 г. командира дивизии, погибшего на фронте в 1915 г.; А. Ханукова — генерал-майор, начальник штаба армейского корпуса, расстрелянного в 1918 г. за отказ служить в Красной Армии; генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова (1851—1919) — сына ссыльно-каторжного, главнокомандующего Юго-Западным фронтом, награжденного орденом св. Владимира I степени с мечами и Александра Невского с бриллиантами; М. Алексеева — генерала, способствовавшего отстранению от власти Николая II, а затем принявшего участие в выступлении генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства;

Генерал Н. Деникин в книге «Путь русского офицера» писал: «Из моего и смежных выпусков академии Генштаба я знал лично семь офицеров еврейского происхождения, из которых шесть ко времени Мировой войны достигли генеральского чина».

Евреи не были в стороне и во время революции и Гражданской войны, воюя и на той, и на другой стороне. Так в составе сводного батальона школы прапорщиков инженерных войск они участвовали в защите Зимнего дворца. Во время Петроградского

восстания 29—30 октября 1917 г. погибло около 50 юнкеров-евреев. На Дону в отряде есаула В. Чернецова, одном из первых казачьих партизанских соединений, сражавшихся с большевиками, воевали студент Б. Ширман и четыре брата Гершанович. Евреи вступали и в формировавшуюся на Дону Добровольческую армию генерала Л. Корнилова. Особенно много было их в студенческом батальоне Добровольческой армии.

Многих из них, несомненно, вдохновляли ставшие известными слова впоследствии полного Георгиевского кавалера Иосифа Трумпельдора из его рапорта своему ротному командиру при обороне Порт-Артура 24 ноября 1904 г.:

«У меня осталась одна рука; но эта одна — правая. А потому, желая по-прежнему делить с товарищами боевую жизнь, прошу ходатайства Вашего благородия о выдаче мне шашки и револьвера».

Источники:

1. «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920.— библиографический справочник. Отв. сост. В. М. Шабанов / М.: Русский Мир, 2004 г.
2. «Георгиевский архив», Часть 1, Часть 2 и Часть 3, Екатеринбург, 2004.
3. Шишов А. В. Георгиевские кавалеры.— М., 1993.
4. Куксин И. Е. Рецензия на справочник Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920. Библиографический справочник. Отв. сост. В. М. Шабанов. М., «Русский мир», 2004. 928 с., илл.
5. Йоханан Петровский-Штерн. Евреи в русской армии.— М.: Новое литературное обозрение, 2003.
6. Форум Союза возрождения родословных традиций <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=3176>

*Материал подготовил Яков Шафран,
Член Союза писателей и переводчиков
при МГО СП России,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова*

Елена Оленич
(г. Тула)

К 95-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, К 75-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ И 50-ЛЕТИЮ ЗДАНИЯ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Оленич Елена Ивановна, родилась в г. Воронеже в 1963 году. В 1984 году закончила Тульское областное музыкальное училище им. А. С. Даргомыжского по специальности «Теория и история музыки». Работает в ТОХМ с 1988 года. В 1992 году закончила Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, искусствовед. Заведующая Тульским областным художественным музеем.

Целых пятьдесят лет юноша страдал многими недугами: не было нескольких пальцев на ноге, была сломана рука, отбиты крылышки на шапочке и кадуцее! Что уж говорить о лире, у которой отсутствовали струны! Вы, конечно, догадались, что речь идет о «Меркурии (Гермесе)» — одной из самых известных скульптур нашего музея.

Все эти годы столь «нездоровое» состояние памятника вызывало сочувствие публики, а часто и удивление: «Неужели его нельзя отреставрировать?!» Однако неужность Меркурия долгие годы оставалась болью и сотрудников самого музея. Для ее решения требовались деньги (немалые) и специалисты-реставраторы. Ни того, ни другого у музея не было. Регулярная подача заявок в ФЦП «Культура России» результатов не давала, и лишь в 2011 году на средства, выделенные по целевой программе «Культура Тульской области», удалось

пригласить реставраторов по мрамору из ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря и восстановить целостность скульптуры.

В начале лета 2012 года реставрация была завершена и теперь, наконец, всякий проходящий в музей зритель сможет увидеть произведение профессора Хопфгартена во всем блеске!

В 1965 году из Главного ботанического сада Академии наук СССР в Тульский областной художественный музей были безвозмездно переданы 14 произведений скульптуры, выполненных из мрамора. Среди них была и большая скульптура, изображающая «юношу, играющего на лире». По характерным атрибутам (крылатые жезл-кадуцей и шапочка) был определен изображенный персонаж античной мифологии — Гермес (римск. Меркурий), бог торговли и прибыли, разумности и красноречия, вестник богов и покровитель путешес-

венников, изобретатель лиры и свирели. Сзади на основании скульптуры высечено «EMILHOPFGARTENFECROMA 1844».

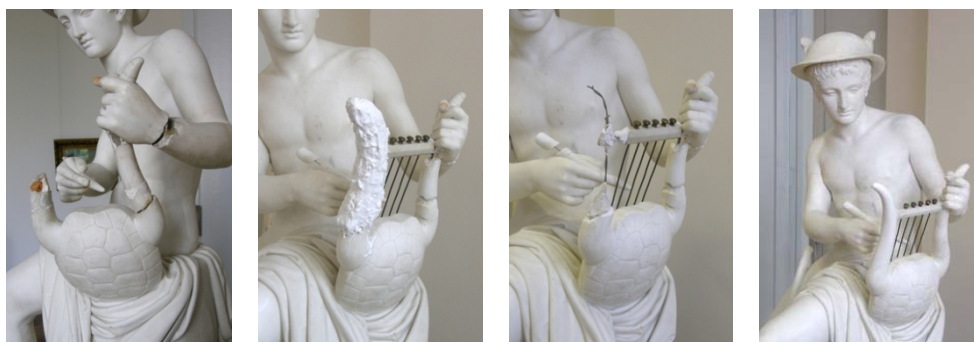
Состояние произведения на момент поступления в собрание музея было крайне тяжелым и, по сути, она имела не экспозиционный вид. А между тем автор «Гермеса» немецкий скульптор Эмиль Александр Хопфгартен (Берлин, 1821—1856, Висбаден) является известным представителем немецкого классицизма. Он происходил из семьи, имевшей непосредственное отношение к искусству. Его отец — берлинский формовщик Генрих Хопфгартен — выполнял заказы на изготовление форм для отливки бронзовых скульптур для самого Христиана Даниэля Рауха (1777—1857), основателя немецкой классицистической скульптурной школы. Двоюродный брат Август был живописцем. Обучался Эмиль Александр в Прусской Академии искусств (Берлин) и у немецкого скульптора Эмиля Вольфа (1802—1879). В 1840 году он отправился в Италию, где в течение трех лет был учеником у Вильгельма Хопфгартена, своего дяди, совершенствуя мастерство и изучая памятники скульптуры в Риме, Неаполе, Флоренции. Именно в этот период была исполнена скульптура «Гермес» (1844) из собрания Тульского музея. Обращение к античному сюжету, идеализированное воплощение образа, спокойная, уравновешенная композиция, прекрасное владение искусством обработки мрамора, позволяющее ощутить «дыхание жизни» в холодном камне — все выдает в мастере представителя стиля классицизма. Хопфгартен находился под большим влиянием своих учителей, виднейших скульпторов, отдавших дань этому стилю. Прежде всего, Христиана Даниэля Рауха и Эмиля Вольфа (работы этих мастеров также представлены в экспозиции музея), который в свою очередь был учеником великого датского скульптора Бертеля Торвальдсена (1770—1844). Хопфгартен, как молодой скульптор, находящийся в начале своего творческого пути и впитывающий достижения и находки своих предшественников, часто использовал их композиции в качестве образцов. Так в «Гермесе» ясно угадывается прообраз — композиция знаменитой скульптуры Торвальдсена «Меркурий со свирелью» (1818), слегка измененная Хопфгартеном и данная в зеркальном отображении. Вот эта необычная поза полусидящей, полустоящей фигуры привлекла в свое время датчанина своей оригинальностью и пластической привлекательностью, и позже его ученики и последователи осваивали ее в своих произведениях.

Наиболее известным произведением Эмиля Александра Хопфгартена стал мраморный саркофаг супруги Великого герцога Люксембургского Адольфа-Вильгельма Нассау Елизаветы Михайловны (1855), русской принцессы, племянницы Николая I и внучки императора Павла I, скончавшейся после тяжелых родов в 19-летнем возрасте. В память о ней герцогом при помощи русского двора был возведен в Висбадене храм-памятник, где и установлен саркофаг. В качестве благодарности за искусную работу Хопфгартен получил от Николая I орден Св. Станислава 2 степени, который давался гражданским лицам за особые деяния во славу Отечества. К сожалению, талантливый скульптор ушел из жизни в возрасте 35 лет, на самом пике своих творческих возможностей.

Работы по реставрации скульптуры проводились в самом музее группой специалистов из Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени Академика И. Э. Грабаря под руководством заведующего отделом каменной скульптуры Д. Е. Котова.

Были осуществлены следующие реставрационные процессы: очищена поверхность мрамора; демонтированы ранее склеенные фрагменты скульптуры, старые пироны, которые от времени подверглись коррозии; очищены и подготовлены к восстановлению на места сохранившиеся фрагменты скульптуры; изготовлены формы для восполнения утраченных деталей с аналогий и произведено восполнение их в имитирующем материале; изготовлены и укреплены новые пироны из металла, не подверженного коррозии; установлены и укреплены на места все детали скульптуры; обработаны мастиковкой соединительные швы и проведена их тонировка в сопредельный тон; произведена гидрофобизация — финальное влагоотталкивающее покрытие поверхности скульптуры.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтить и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются бесплатно преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотеку работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
- 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла,

поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru Интернета, а также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «День литературы», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Орла, Калуги, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурно-просветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (бесплатно) наш журнал — сообщите об этом письменно зав. редакцией (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в

начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, вы-

сылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2014.— №№ 1, 2.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах (г. Бийск Алтайского края). — 2014.— № 1, 2.
3. *Рябухин Б. К.* Волжский царь: Роман хроника-дайджест.— Рязань: Изд-во «Литера М», 2013.— 737 с.
4. *Жуков Н. А.* Поэтические мысли и откровения: пятистрочия.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 45 с.
5. Родники Красивомечья: поэтический альманах / Сост. Н. И. Титов.— Тула: Нкография, 2013.— 80 с.
6. *Гоманчук Г. А.* Ромашковый луг: Сборник стихов.— Тула, 2014.— 66 с.
7. *Мельников И.* Как скромный гений: Стихотворения.— Рязань: Вектор Н, редакция сб. «Парадоксы творчества», 2014.— 32 с.
8. *Семенюченко Л.* Анюта — Узорница: Сказы.— Брянск: ООО «Ладомир», 2014.— 68 с., ил.
9. День тульской поэзии 2013: ежегодник / Сост. В. Ф. Пахомов.— Тула: Гриф и К, 2013.— 140 с. (В сборнике представлены многие тульские авторы и члены редколлегии «Приокских зорь»).
10. *Макаров Н. А.* Афганцы Тулы: Документально-художественное издание / Предисл. В. Груздева и А. Альховика.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 3.— Тула: Изд-во «Папирус», 2013.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Дэкаф: Северные повести (Шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова; Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 300 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Чтобы память не гасла: Стихи и проза / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2013.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной

ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2013-го года уже объявлены в № 1, 2014 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2014-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ

**ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ
В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 15 (6458), 16—22.04.2014

ЛИТДАТА

Почетный гражданин Тулы, заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева, известный краевед и писатель Вячеслав Иванович Боть отметил 85-летие. Более 55 лет он посвятил музейному делу, участвовал в создании ведущих музеев Тулы и Тульской области, внес большой вклад в развитие литературного краеведения, сохранение исторического и культурного наследия города и области.

В вересаевском музее прошел творческий вечер краеведа.

От редакции: Вячеслав Иванович Боть — бессменный член редколлегии «Приокских зорь», начиная с первого номера издания. Редколлегия и редакция журнала присоединяются к поздравлению «Литературной газеты».

НАЛАЖИВАЕМ ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

«Общеписательская литературная газета» (главный редактор Владимир Федоров) решила установить творческое содружество с журналом «Приокские зори», в частности, учредить на своих полосах постоянную «страничку», посвященную нашему журналу. А в № 1, 2014 «ПЗ» был опубликован литературоведческий очерк Нины Поповой «Единение судеб – перекрестка строк (Гумилевские традиции в творчестве Владимира Федорова)»

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

В одноименном очерке, опубликованном в «Московском Парнасе» (№ 2, 2014, с. 3—9) Ирина Кедрова пишет:

«Обратимся к писателям, имена которых не гремят на весь мир, однако они своими поэтическими и прозаическими строками, критическим взглядом, точным словом отстаивают идею сохранения и укрепления звания россиянина, жителя удивительного мира, с давних времен называемого Россией. Это авторы, которые публикуются в альманахе «Московский Парнас», в журнале «Приокские зори», да и в других изданиях,— Тамара Булевич, Геннадий Дулепов, Наталья Квасникова, Роман Тишковский, Алексей Яшин, Александр Остапов и другие.

Алексей Яшин — главный редактор литературно-публицистического журнала «Приокские зори» — собрал вокруг себя творческий коллектив единомышленников, которые искренне радуют за современную отечественную литературу, стремятся создать писателю условия приближения к читателю.

Сам Алексей Яшин выступает, как автор, постоянно. Его проза словно вышла из XIX века: сочна в слове, сильна духом и чрезвычайно образна. Вместе с тем, *это проза нашего времени*, в ней раскрываются надежды современного россиянина, критическое отношение и происходящим явлениям и событиям, пока не утраченные Отечеством достижения, характер и гордость североморца.

Алексей Яшин постоянно призывает авторов журнала к обсуждению наболевших вопросов развития современной литературы. Здесь обсуждали его «Манифест нового критического реализма», высказывали отношение к «бумажной» и «электронной» литературе, отстаивали русскую литературу XIX века и советскую литературу XX века, искали героя нашего дня, пытаются разобраться во взаимовлиянии литературного процесса и ноосферы. Кто-то отнесется к этим поискам скептически, однако вспомним слова из пьесы Д. И. Фонвизина: «... *то вздор, чего не знает Митрофанушка*». И мы будем дальше двигаться по пути знания, продолжая поиски истины».

БОЛЬШИЕ ЮБИЛЕИ

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

<http://www.redstar.ru/index.php/component/k2/item/14931-yuriyu-bondarevu-90#startOfPageId14931>

Редколлегия и редакция российского литературного журнала «Приокские зори» (Тула) просит Вас передать наши горячие поздравления Юрию Васильевичу Бондареву с Юбилеем и пожелания здоровья, долгих лет жизни и новых творческих достижений!

Бондарев Юрий Васильевич

http://www.yuribondarev.ru/index.php?option=com_contact&Itemid=25

Уважаемый Юрий Васильевич!

Редколлегия и редакция всероссийского литературного журнала «Приокские зори» от всей души поздравляет Вас с Юбилеем! Ваши произведения — примеры патриотизма, служения Родине, народу и великой русской литературе вдохновляли, вдохновляют и будут вдохновлять нас всегда. Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих достижений!

С МАЙСКИМИ ПРАЗДНИКАМИ РЕДАКЦИЮ ПОЗДРАВИЛИ:

Федор Ошевнев из Ростова-на-Дону, Ирина Кедрова из Москвы, Владимир Корнилов из Братска, Сергей Лебедев из Тольятти, Игорь Карлов из Мапуту (Мозамбик), Тамара Булевич из Красноярск, Юрий Черняков из Петрозаводска и многие, многие другие. Спасибо!

СЛОВА ОДОБРЕНИЯ ИЗ БРАЗИЛИИ

Редакция «Приокских зорь» получила от проживающего в Бразилии Бориса Петровича (это сербская фамилия) письмо ободрения — письмо человека, глубоко озабоченного напряженной и нервической ситуацией в современном мире. В тексте кириллицей мы специально сохранили орфографию автора письма, чтобы показать близость наших языков: русского и сербского:

Уважаемые российские братья и сестры!

В этот тяжелый час для славянских народов я хотел бы выразить мою духовную поддержку всем русским людям.

Мы, сербы, прошли через унижения от великого империалистической власти в 1990-е годы и понять процесс разделяй и властвуй. Я счастлив, что крымские энергичный матрица сохраняется в пределах российского влияния. Это очень темно час для всего человечества и мы должны ближе друг к другу в молитвах и медитациях для цивилизации проходит через ускоряющий процесс разложения. *С любовью из Бразилии Борис Петрович*

Dear Russian brothers and sisters!

At this hard hour for Slavic people I wish to extend my spiritual support to all Russian people.

We, Serbs, have passed through humiliation from the great imperialistic power in the 1990s and understand the process of divide and conquer. I am happy that the CRIMEAN energetic matrix is preserved within Russian influence. This is a very dark hour for the whole humanity and we need to be closer together in prayers and meditations for the civilization is passing through an accelerating decomposition process. *With love from Brasilia, Boris Petrovic*

<http://www.tesla.org.br>

НЕВОСПОЛНИМЫЕ УТРАТЫ

<http://www.rusnovosti.ru/news/312620>

Русская служба новостей
Пятница, 11.04.2014
Новости

11.04.2014, 10:06

Ушел из жизни создатель ракетных комплексов «Игла» и «Точка»

Конструктор Сергей Непобедимый умер в Коломне в возрасте 92 лет. Его похоронят на Федеральном военном мемориальном кладбище, сообщили телеканалу LifeNews в пресс-службе Конструкторского бюро машиностроения.

При жизни Сергей Непобедимый получил едва ли не все награды и премии за создание ракетного оружия в стране: Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, трижды лауреат Госпремии СССР, лауреат премии Совета Министров СССР, трижды кавалер ордена Ленина.

* * *

На 88-м году ушел из жизни великий писатель XX века Габриэль Гарсиа Маркес, автор «Ста лет одиночества» (Нобелевская премия по литературе), «Осени патриарха» и «Полковнику никто не пишет». Уже при жизни его называли современным Сервантесом. Весь литературный мир скорбит.

НАС ПРИГЛАШАЮТ

Фракция политической партии «Либерально-демократическая партия России» в Государственной Думе РФ приглашает Вас принять участие в работе круглого стола на тему: «Духовное наследие имама Хомейни: к 25-летию со дня ухода из жизни». В качестве почетного гостя в работе круглого стола примет участие внук имама Хомейни – ходжат-оль-ислам Ясер Хомейни. Заседание круглого стола состоится 3 ию-

ня 2014 г. в зале фракции ЛДПР: комн. № 1004 (10-й этаж старого здания). Предварительная запись: тел.: 8-(495) 692-97-45. Принимаются письменные доклады выступлений для последующего издания материалов круглого стола в виде брошюры: docavdeev@yandex.ru. Начало в 13.00. Проход участников и гостей осуществляется через подъезд № 10 со стороны Георгиевского переулка по списку с паспортом на руках с 12.00 до 12.45. Адрес: Москва, Охотный ряд, д. 1.

С уважением, Международный отдел ЛДПР

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА РЕДКОЛЛЕГИЙ ЖУРНАЛОВ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» И «ЗОЛОТАЯ ОКА» (КАЛУГА) С ЧИТАТЕЛЯМИ И ПИСАТЕЛЯМИ ТУЛЫ

Встреча состоялась в конце прошлого года в Тульской центральной городской библиотеке имени Л. Н. Толстого. Организатор встречи — МУК «Тульская библиотечная система». Публикуем фотоматериалы встречи.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

Ордена Г. Р. Державина литературно-художественный
и публицистический ежеквартальный журнал

Издается Тульским госуниверситетом при поддержке Академии российской литературы.
Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ71-00079
от 05.03.2009 выдано УФС по надзору в сфере связи и массовых телекоммуникаций по Тульской области

Исх. № _____

« _____ » _____ 201 ____ г.

Тел. (4872) 35-06-73; E-mail: priok.zori@mail.ru

Для почтовой корреспонденции: 300025, г. Тула, а/я 920

В электронной форме журнал на сайте www.pz.tula.ru

Дорогие авторы и читатели!
Поздравляем Вас с Днем Победы!
Здоровья, счастья, творческих и иных успехов в жизни!

Редколлегия и редакция

ОТВЕТЫ НА ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ДНЕМ ПОБЕДЫ

★ Резцов Владимир sensei419@yandex.ru

Спасибо, Алексей Афанасьевич! Вас также с Днём Победы! Желаю доброго здоровья, творческих успехов, а всем нам — вскоре стать современниками новой, сокрушительной победы над фашизмом!

Ваш В. Резцов

★ Лариса Яшина larisayashina@gmail.com

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!!! Вас, А.А. всех коллег и так хочется ПОБЕДЫ РАЗУМА над этим сатанизмом!!! Л. Я.

★ Шигин Борис borisshigin@yandex.ru

Спасибо за поздравление, и Вас с праздником!

С уважением Борис Шигин

★ yefim gammer yefim_gammer@mail.ru

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Дорогие коллеги! Поздравляю вас с 69-й годовщиной Победы. Творчества, здоровья, благополучия! Накануне этого дня в журнале «Литературный Иерусалим» я напечатал рассказ и эссе «Кровные братья Победы». Выставлено на евразийском журнальном портале «Мегалит», см. ссылку:

http://www.promegalit.ru/public/9288_efim_gammer_krovnoe_bratstvo_pobedy.html

Здесь представлены многие российские и иностранные журналы. По моим сведениям, бесплатно. На мой взгляд, и «Приокские зори» могут быть выставлены здесь. Занимается этим: Александр Петрушкин wronkain@mail.ru Напишите ему, чтобы выставил ваш журнал.

См. сайт Мегалита: <http://www.promegalit.ru/index.php> Ефим Гаммер

★ Нина Попова info@popovanina.ru

Добрый день, Алексей Афанасьевич! Благодарю Вас за поздравление! Примите и от меня сердечное поздравление с майскими праздниками. Всё передам Кириллу Усанину, всемерно будем стараться для ПЗ.

Всего доброго Вам, близким Вам людям и соратникам по творческому фронту, Нина Попова

★ Лебедев Сергей sergeilebedew@yandex.ru

С Великим Праздником — Днем Победы над фашизмом! Всем здоровья и мира. А главное пожелание, чтобы Победа советского народа не забывалась никогда! С. Лебедев.

★ Прохоров Сергей proh194216@yandex.ru

Литературно-художественный журнал *Истоки*

Дорогие друзья, авторы нашего журнала!

Поздравляю Вас с Днём Победы!

Пусть ваше Слово несёт только добрый Свет и Правду о нашей жизни, о нашей истории. Чтобы рождённое в ваших умах и душах это Слово, попадая в умы и души ваших читателей, давало только здоровые всходы.

От нас - журналистов, писателей немало зависит наше человеческое сосуществование в большом доме по имени Земля. Ложь во имя лжи, но не добра, искажения своей, чужой истории во имя зла порождают вражду, преступления, войны. Пример тому сегодняшнее состояние на Украине.

Память об Отечественной войне должна ещё более сплотить нас в борьбе за Мир. Удачи Вам в вашем творчестве!
Редактор журнала "Истоки" Сергей Прохоров

★ Селичкин Алексей selomur@yandex.ru

Главного редактора журнала и редколлегию с Великим ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ! «Правда в том, что тогда победили. // Правда в том, что всегда победим!»
Алексей Селичкин.

★ Ольга Борисова borisova_om_60@mail.ru

Спасибо за поздравление! Поздравляю и Вас с нашим Днём ПОБЕДЫ! Мирного неба! С уважением, Ольга.

★ Irina Zhuravleva irajour@mail.ru

Спасибо!! Они в нашей памяти навсегда!
Журавлева Ирина

★ Ефименко Любовь lotus454578@yandex.ru

Спасибо. Вас я тоже поздравляю с Днём Победы, чтобы у нас всегда было мирное небо над головой.

★ Борис Кобринский kba_05@mail.ru

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Спасибо за поздравление.
Мои поздравления Вам с днем Великой Победы! Всего наилучшего,
Б. А. Кобринский

★ Мусаев Рагим ragim71@yandex.ru

Большое спасибо, Алексей Афанасьевич! И Вам наилучшие пожелания в День Победы! С уважением, Рагим Мусаев

★ George Artamonov gartamonov@yahoo.com

Дорогой Алексей Афанасьевич! Спасибо за поздравление с днем Победы — воистину великим и святым праздником. Самые лучшие пожелания Вам и «Приокским зорям». Журнал становится все краше и интереснее.

Дай Бог Вам здоровья и успехов в журнальном деле. Искренне Ваш,
Р. Артамонов.

★ Авдеев Геннадий docavdeev@yandex.ru

Добрый День, дорогой Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас и весь коллектив редакции с Днем Победы! Примите самые добрые пожелания от меня и моего мужа. Людмила Авдеева

★ Museum-estate Yasnaya Polyana yaspol@tgk.tolstoy.ru

Дорогие коллеги, дорогие друзья! Мы от всей души благодарим Вас за Ваши сердечные тёплые поздравления! Поздравляем Вас с великим праздником — Днём Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.! Мы желаем Вам мирного неба над головой, счастья и созидательного труда на долгие годы! Ваши яснополянцы
[mailto: yaspol@tgk.tolstoy.ru](mailto:yaspol@tgk.tolstoy.ru)

Игорь Карлов igor2112@mail.ru

И. Кедрова kedirina@yandex.ru

markin геннадий markingennady@yandex.ru

Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас с великим праздником Днём Победы! Желаю Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и, конечно же, дальнейших творческих успехов! С уважением, Г. Маркин

Ерхова Галина erkova@yandex.ru
С Великим Днем 9 Мая!

Рухович Иосиф ruhovich@yandex.ua

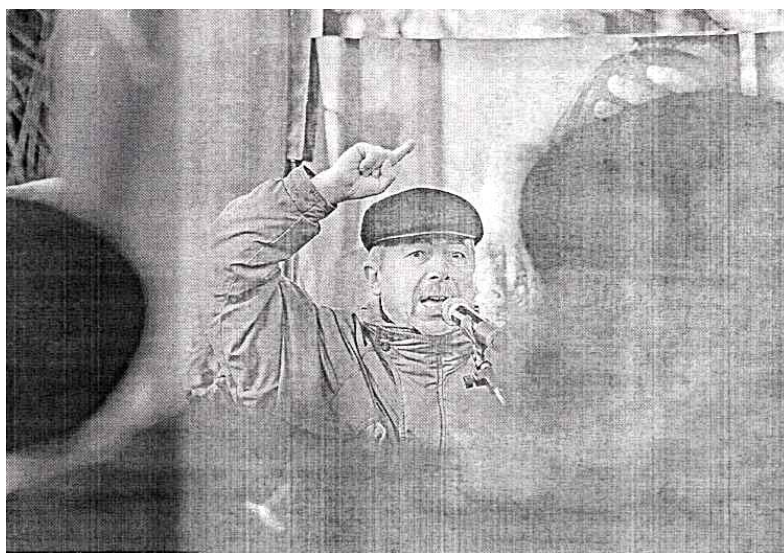
С днём победы! С великим праздником нашей Отчизны! И Вам, Алексей Афанасьевич побед в Вашей многотрудной литературной деятельности! Алексей Афанасьевич! Присланные мною главы из романа могут рассматриваться как отдельные рассказы, связанные персонажами. Роман даже имел подзаголовок «роман в рассказах». Если не подойдёт, я пришлю отдельные рассказы. И. Рухович.

Ирина Мадрига madriga10000@gmail.com

Алексей Афанасьевич! С Днем Победы Вас. На Закарпатье сегодня тоже празднуют. Но — без торжеств, увы. Новости не радуют, к сожалению. Приходится ходить за вдохновением в лес — <https://www.facebook.com/media/set/?set=a.623797307689502.1073741905.100001777160619&type=1&l=ca729bfeb5> С искренними пожеланиями добра и творческих удач, Ирина.

НАГРАДЫ НАШИХ АВТОРОВ

Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова Владимир Резцов (г. Калининград)
читает свою поэму «Песня о Гришке Отрепьеве»

ТЕЛЕГРАММА

по адресу: 660009, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 110.
Губернатору Красноярского края Льву Николаевичу Кузнецову.

Уважаемый Лев Николаевич!

Сегодня на III Съезде Международной гильдии писателей в Москве был вручён Знак «Личность-2013» известной в России и за рубежом писательнице Тамаре Анатольевне Булевич.

С её яркими, самобытными произведениями о богатстве и красоте сибирской природы, об особом характере сибиряков-красноярцев давно знакомы не только российские, но и читатели Германии, Казахстана, Литвы, Белоруссии, Украины, где она не раз проводила творческие встречи и презентации своих книг.

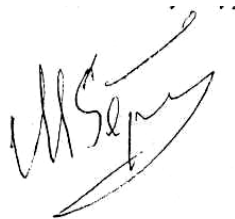
Свыше пятисот голосов в конкурсе «Личность-2013» отдали за неё красноярцы и поклонники из городов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Кемеровской и Омской областей, а также зарубежные читатели.

Литературное мастерство Тамары Анатольевны регулярно отмечается российскими и международными наградами. Она дважды лауреат международной литературной премии с вручением Золотых медалей им. К. Симонова за повести «Фрося-Ефросинья» и «Тропой любви» /2007, 2012/, лауреат конкурса «Её величество книга!» за повесть о солдате-фронтовике Егоре Дёмине «Плач рябины» /Германия, 2013/, за активное и талантливое творчество Союз писателей России вручил ей Почётную грамоту /2013/.

И это её достойный, весомый личный вклад в копилку Года культуры в России достижений россиян-сибиряков на федеральном и международном уровне, подарок литературной общественности и читателям края и города Красноярска.

Президент Международной гильдии писателей,
Заслуженный работник культуры РФ

М. С. Серебро

Академия
русской литературы
(по состоянию на 5 февраля 2014 г.)

Леонид Ханбеков — президент

ПРАВЛЕНИЕ

Валерий Поволяев
Виктор Линник
Всеволод Кузнецов

Олег **Севрюков**
Алексей **Яшин** (г. Тула)

КОЛЛЕГИЯ ПРОЗЫ

Тамара **Булевич** (г. Красноярск)
Евений **Бузни**
Виктор **Ермаков** (г. Красноярск)
Татьяна **Камаева**
Ирина **Кедрова**
Алексей **Корнеев** (г. Чехов)
Виктор **Кудинов**
Алексей **Мещеряков** (г. Красноярск)
Александр **Остапов** (г. Белокуриха)
Иван **Павлов**
Валерий **Поволяев**
Юрий **Поляков**
Виталий **Пшеничников** (г. Красноярск)
Евгений **Скоблов**
Дмитрий **Федотов**
Алексей **Яшин** (г. Тула)

КОЛЛЕГИЯ ПОЭЗИИ

Руководители: Борис **Рябухин**, Юрий **Богданов**
Николай **Алешин**
Владимир **Амоков** (г. Чехов)
Юрий **Бердников**
Юрий **Богданов**
Анатолий **Богданович**
Вадим **Богословский**
Николай **Бухаринов** (г. Соликамск)
Александр **Волин**
Галина **Дубинина**
Нина **Дубовицкая**
Геннадий **Дулепов** (г. Юбилейный)
Алексей **Зайцев** (г. Челябинск)
Владимир **Зайцев** (г. Раменское)
Алексей **Иванников** (г. Саратов)
Борис **Катковский**
Зинаида **Катуржевская** (г. Армавир)
Виктор **Кашкин**
Наталья **Квасникова**
Ольга **Коваленко (Бугримова)** (г. Тула)
Анатолий **Ковалев**
Сергей **Коротков**
Алексей **Кухарев** (г. Челябинск)
Алёна **Ларина**
Владимир **Лищук**
Надежда **Ма Динь** (г. Кемерово)
Галина **Мамонтова** (г. Лобня)
Александр **Матвеев**
Николай **Никонов** (г. Гуково)
Сергей **Мнацаканян**

Лариса Назаренко
Григорий Осипов
Надежда Охрименко
Нина Попова
Иосиф Рухович (г. Томилино, Моск. обл.)
Евгений Ряпов
Олег Севрюков
Валерий Скрагленко (ФРГ)
Валентин Сорокин
Людмила Стальнова
Иван Тимченко
Альбина Толчинская
Алексей Третьяков (г. Красноярск)
Инна Шахова
Татьяна Шелепина (г. Алексин)
Надежда Шлезигер

КОЛЛЕГИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ

Анатолий Белозерцев (г. Челябинск)
Наталия Гай (г. Москва)
Дмитрий Горбунцов
Альберт П. Иванов
Виктор Кононов (г. Краснодар)
Дмитрий Королев
Сергей Луконин
Игорь Нехамес
Анатолий Омельчук (г. Тюмень)
Геннадий Пискарев
Дмитрий Силкан
Александр Тарасов
Александр Теренин

КОЛЛЕГИЯ ДРАМАТУРГИИ

Денис Касперов
Александр Стефанович
Владимир Федоров
Зинаида Фомина

КОЛЛЕГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Всеволод Кузнецов — руководитель
Наталя Бурмистрова
Анатолий Полетаев
Светлана Шиманская
Виктор Широков

КОЛЛЕГИЯ КРИТИКИ

Роман Тишковский — руководитель
Афиноген Кузьмин
Михаил Кузьмич (г. Витебск, Белоруссия)

КОЛЛЕГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Надежда Борцова (Каракас, Венесуэла)
Лидия Думцева
Альберт А. Иванов
Виктор Кологрив

Тамара **Лисицкая**
Галина **Лялина** (г. Донской)
Аркадий **Мар** (Нью-Йорк, США)
Людмила **Премудрых** (г. Сургут)
Любовь **Сидорова**
Анатолий **Чекулаев** (г. Новочеркасск)

КОЛЛЕГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА

Георгий **Анн**
Алексей **Корнеев**
Марсель **Салим (Салимов)** (г. Уфа)
Олег **Никулин** (г. Туапсе)
Александр **Шепель** (п. Новомихайловский)

РУКОВОДИТЕЛИ КОМИССИЙ

Татьяна **Камаева** — по работе с поэтами песенниками.
Борис **Катковский** — по работе с молодыми авторами.
Дмитрий **Силкан** — по связям с общественными организациями и СМИ
Ольга **Карагодина** — оргсекретарь.
Виктор **Кашкин** — казначей.

КАНДИДАТЫ

Валентина **Гончарова** (г. Геленджик)
Николай **Никонов** (г. Гуково)

УЧИТЬ ПРЕКРАСНОМУ!

Автор нашего журнала, его большой друг, профессор Анатолий Афанасьевич Пережогин разработал уникальную программу цикла уроков литературы, которую мы ниже публикуем.

ЗАЯВКА

на участие в уроках литературы

Название проектов:

- проект № 1: «Дай Бог всем душам враз блеснуть!»
- проект № 2: «Какая у любви должна быть сила?..»
- проект № 3: «Одним дыханием с тобой живу!..»
- проект № 4 «Фотостихосказки и притчи»
- проект № 5: «Он пришёл дать нам волю» (к 75-летию В.С. Высоцкого)
- проект № 6: «Параллели»
- проект № 7: «Лунный путь пролегает по зеркалу вод...»
- проект № 8: «И поздней осенью весна бывает!..»
- проект № 9: «О, научись читать в строках любовь!..»

Руководитель проектов:

- Фамилия, имя, отчество: Пережогин Анатолий Афанасьевич
- Должность: профессор
- Телефон, факс, e-mail: 8-916-527-91-34, 516-77-01 peana@mail.ru

Краткое содержание проекта № 1 «Дай Бог всем душам враз блеснуть!»:

Это авторское поэтическое обращение к М. Ю. Лермонтову (<http://www.cultandart.ru>)

/poetry/68307-daj_bog_vsem_dusham_vraz_blesnut_dialog_s_m_ju_lermontovym), Е. А. Баратынскому и Ф. И. Тютчеву, Н. В. Гоголю (http://www.cultandart.ru/poetry/70734-ja_i_gogol_i_chem_razlichajutsja_segodnja_raj_i_ad) и М. А. Булгакову (http://www.cultandart.ru/poetry/67797-na_novodevichem_v_den_120letija_eleny_sergeevny_bulgakovej), В. С. Высоцкому (<http://youtu.be/30TloNKABEY>), перемежаемое небольшим рассказом. Исполнители: член Союза писателей-переводчиков МГО СПР, Заслуженный литератор «Содружества Творческих Сил», профессор Анатолий Пережогин (авторское драматическое чтение, рассказ) и лауреат международного фестиваля-конкурса имени С.В. Рахманинова (г. Санкт-Петербург, 2005 г.), сотрудница Московской государственной филармонии Елена Зорина (ф-но).

Краткое содержание проекта № 2: «Какая у любви должна быть сила?..»: Диалог пианиста и поэта по фортепианному циклу С. С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» в исполнении: дипломанта международного конкурса имени С. В. Рахманинова (г. Санкт-Петербург, 2005 г.), сотрудницы Московской государственной консерватории ЕЛЕНА ЗОРИНОЙ (фортепьяно) и члена Союза писателей-переводчиков, Заслуженного литератора Содружества Творческих Сил, профессора МГОУ АНАТОЛИЯ ПЕРЕЖОГИНА (драматическое чтение своих стихов)

См. также статью о спектакле: <http://www.mosoblpress.ru/43/33718/>

Краткое содержание проекта № 3 «Одним дыханием с тобой живу!..»: Музыкально-поэтическая композиция по фортепианному циклу П. И. Чайковского «Времена года» в исполнении концертмейстера Московской государственной консерватории, дипломанта международного конкурса ЕЛЕНА ЗОРИНОЙ (ф-но) и дипломанта литературного фестиваля-конкурса им. Ф. И. Горбунова, члена Союза писателей-переводчиков и «Содружества Творческих Сил» поэтессы РАИСЫ КРИНИЦКОЙ.

См. также статью о спектакле «Одним дыханием с тобой живу!..»: http://www.mosoblpress.ru/regions/24/rubric_43/50589/?PAGEN_4=7&PAGEN_5=1

Краткое содержание проекта № 4 «Фотостихосказки и притчи»: Это стихи (см. например: <http://gazetakoroleva.ru/?number=2009102&st=353> и <http://gazetakoroleva.ru/?number=2009120&st=323> и <http://gazetakoroleva.ru/?number=2009040&st=325>), сопровождаемые не только музыкой, но и показом фотоиллюстраций. Исполнители: члены Союза писателей-переводчиков МГО СПР и МРОО «Содружество Творческих Сил» РАИСА КРИНИЦКАЯ и АНАТОЛИЙ ПЕРЕЖОГИН (авторское драматическое чтение), дипломант международного конкурса имени С.В. Рахманинова (Санкт-Петербург, 2005 г.) сотрудница Московской государственной консерватории, ЕЛЕНА ЗОРИНА (ф-но).

Краткое содержание проекта № 5 «Он пришёл дать нам волю» (к 75-летию В. С. Высоцкого): Музыкально-поэтический спектакль по стихам В. С. Высоцкого и автора-исполнителя члена Союза писателей-переводчиков, Заслуженного литератора «Содружества Творческих Сил», профессора АНАТОЛИЯ ПЕРЕЖОГИНА в сопровождении сотрудницы Московской государственной консерватории, дипломанта международного конкурса им. С. В. Рахманинова ЕЛЕНА ЗОРИНОЙ (ф-но).

В программе прозвучит поэма (венки сонетов) о Высоцком, прочитанная на праздновании 75-летия в Доме-музее на Тагаке: <http://youtu.be/30TloNKABEY> См. также статью «Уважаемый Владимир Семёнович!..»: <http://www.mosoblpress.ru/43/114871/>

Краткое содержание проекта № 6 «Параллели»: Как известно, люди живут в параллельных мирах, отделяемые друг от друга возрастом, социумом, расстояниями... Но когда они начинают жить осознанно и одухотворенно, наполняя смыслом каждый миг, тогда возможны пересечения этих миров – пересечения, которые делают людей счастливыми... В своём музыкально-поэтическом диалоге это демонстрируют член Союза писателей-переводчиков, Председатель Пушкинского Клуба г. Сочи НИНА НИКУЛИНА (драматическое авторское чтение) и Заслуженный литератор «Содружества Творческих Сил», член Союза писателей-переводчиков, профессор АНАТОЛИЙ ПЕРЕЖОГИН (драматическое авторское чтение). Им изысканно помогает сотрудница Московской государственной консерватории, дипломант международного конкурса им. С. В. Рахманинова ЕЛЕНА ЗОРИНА (ф-но). Затрагиваются поистине вечные темы: от творчества и сути Поэзии, от Любви во всех её проявлениях – к Родине, возлюбленной или возлюбленному, своим родным... до Дружбы и сотрудничества людских душ.

См. также: <http://sochi.com/news/?id=44639>

http://www.mognb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1546:news317&catid=50:news-statyi

http://www.mosoblpress.ru/mass_media/3/113/item132685/

Краткое содержание проекта № 7 «Лунный путь пролегает по зеркалу вод...»: Музыкально-поэтическая композиция составлена из редко исполняемых произведений советских композиторов Николая Платонова, Александра Пирумова, Марии Дранишниковой и Александра Ключарёва и стихов Анатолия Пережогина. Исполнители: лауреаты международных конкурсов АЛЕКСЕЙ БАЛАШОВ (гобой), АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ (ф-но) и член Союза писателей-переводчиков, Заслуженный литератор «Содружества Творческих Сил», профессор АНАТОЛИЙ ПЕРЕЖОГИН (драматическое чтение своих стихов).

См. также статью «Содружество музыки и слова»: http://www.mosoblpress.ru/mass_media/3/113/item22692/

Краткое содержание проекта № 8 «И поздней осенью весна бывает!...»: В музыкально-поэтической форме представлены животрепещущие темы неустанных поисков себя, обретения любви и достижения открытости миру – осознания глубинной внутренней связи с ним. В сопровождении классической музыки в проникновенном исполнении сотрудницы Московской государственной консерватории, дипломанта международного конкурса ЕЛЕНА ЗОРИНОЙ (ф-но) разворачивается 3-хчастное действо – театрализованный диалог «мужского» и «женского» сонетов (в шекспировской форме) в авторском исполнении членов Союза писателей-переводчиков России и «Содружества Творческих Сил» РАИСЫ КРИНИЦКОЙ и АНАТОЛИЯ ПЕРЕЖОГИНА.

Часть I озаглавлена «Сумерки: сомнения, мечты», часть II — «Восход: встреча», часть III — «Свет: снова дома...» От разочарований, потерь, ошибок, одиночества к возрождению высокой мечты; от мечты к её воплощению и от воплощения мечты к превращению мира в родной дом — вот лейтмотив спектакля «И поздней осенью весна бывает!...» Всё происходящее на сцене успешно приводит слушателей в состояние «здесь и сейчас». А это, как известно, имеет терапевтический эффект.

См. также статью о спектакле «Жива любовь, жива!...»: http://www.anpnews.ru/podlipki/show.shtml@d_id=125738.html

Краткое содержание проекта № 9 «О, научись читать в строках любовь!..»:
К 450-летию Уильяма Шекспира (23.04.2014) готова музыкально-поэтическая композиция по сонетам Шекспира в переводах Анатолия Пережогина. Исполнители: Лауреаты международных конкурсов МАРИЯ ПРОКОПЬЕВА (скрипка), ЕВГЕНИЙ ПРОКОПЬЕВ (скрипка), ЕЛЕНА ЗОРИНА (ф-но) и член Союза писателей-переводчиков, Заслуженный литератор «Содружества Творческих Сил», профессор АНАТОЛИЙ ПЕРЕЖОГИН (драматическое чтение своих переводов). См., например: <http://video.yandex.ru/users/cao-televidenie41/view/21> и <http://youtu.be/Jrt0T-Az8jM>

В концертных программах могут быть показаны фрагменты спектаклей с использованием готовой фонограммы (в отсутствие музыкантов).

СКАЗАНИЕ О СЕВЕРЕ

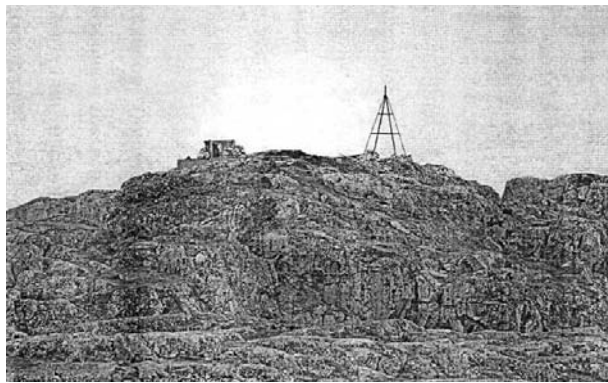
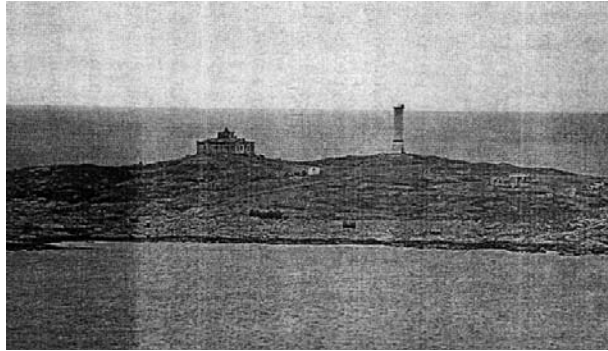
От главного редактора. ...Я всегда утверждал и постоянно повторяю: в отличие от сборников «по поводу», альманахов и пр., «толстый» литературный журнал есть коллективное произведение с внутренней симметрией, угадываемой композицией и более-менее выдержанным единством стиля. Такими были «Современник» А. С. Пушкина и «Отечественные записки» Н. А. Некрасова, на которые мы и равняемся.

Это к тому, с чего мы этот номер журнала начали — тем (примерно) и завершаем: сказанием о Севере. Если в «Колонке главного редактора» мы устанавливали связь творчества Кнута Гамсуна с природой Северной Норвегии, то ниже помещаем несколько фотографий почти тех же мест северной окраины Кольского полуострова и именно там, где Россия «в лице» Мурманской области граничит с Норвегией. Их нам прислал наш читатель из Мурманска Сергей Владимирович Меркулов. Мы и раньше (и не раз!) публиковали скромные виды мурманского побережья Баренцева моря — бывших, а частично и нынешних, «владений» Краснознаменного Северного флота (КСФ). Опять же с ним наш журнал поддерживает дружеские отношения в публикациях писателей, служивших и живших в тех самых «владениях».

...С Сергеем Меркуловым мы окончили — в разное время — среднюю школу № 1 имени М. А. Погодина, первого директора в 30-е годы, в нынешнем Городе воинской славы Полярном, до начала 60-х гг. бывшем «столицей» КСФ. Рассматривая публикуемые ниже снимки Меркулова, все встречаю знакомые места, ибо семья наша почти пятнадцать лет жила на береговых и островных маяках гидроотдела КСФ и Главсевморпути Кольского залива: Ретинский, Палагубский, Седловатый, Большой Олений...

Кажется, жизнь в тех местах невозможна, но только со стороны кажется. О своей малой родине написаны мною книги: «Страна холода», «Дэкаф», «Тяжело дышит синий норд» и другие. Тепло на душе становится, глядя на эти скалы и хилую растительность...

А если, уважаемый читатель «ПЗ», доведется взять в руки один-другой томик Кнута Гамсуна, то не премините еще раз взглянуть на эти снимки.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» сердечно поздравляет заведующего отделом поэзии журнала Владимира Вадимовича Резцова с 60-летием! Желаем Вам, дорогой Владимир Вадимович, отменного здоровья, жизненных удач, а главное — поэтических творческих успехов.

Поздравляем члена редколлегии «Приокских зорь» Валерия Ивановича Ксенофонтова с приемом в Союз писателей и переводчиков Московской городской организации Союза писателей России и желаем дальнейших успехов в творчестве!

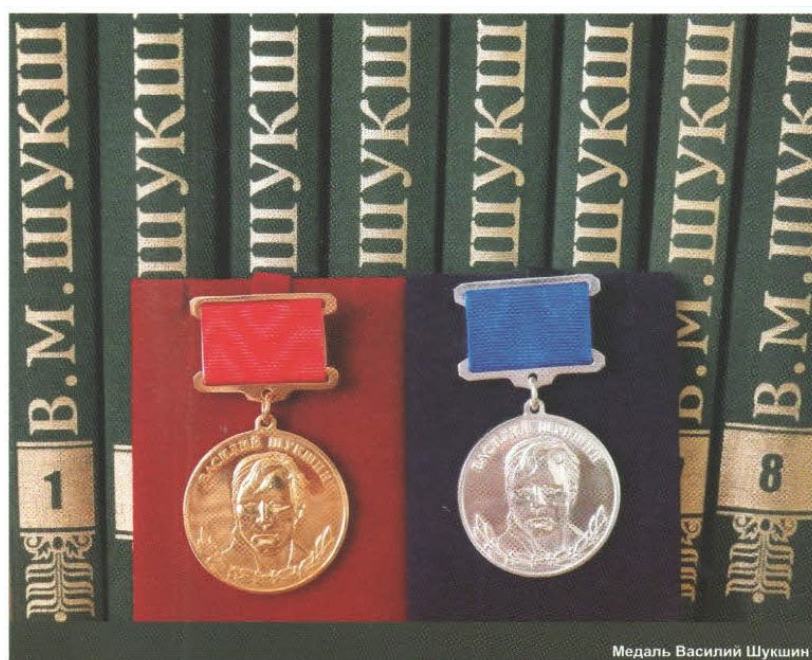
Поздравляем нашего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина с приемом в члены белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» и надеемся на укрепление российско-белорусских литературных связей.

МЕДАЛЬ «ВАСИЛИЙ ШУКШИН»

В этом году исполняется 85 лет со дня рождения Василия Макаровича Шукшина: писателя, актера, режиссера. Впечатляет его наследие, оставленное нам. За 16 лет творческой деятельности он создал 2 романа, свыше 120 рассказов, сыграл в кино 25 ролей, поставил как режиссер 5 полнометражных фильмов. Его творчество знают и любят во всем мире. Мы гордимся своим земляком.

В память о выдающемся Мастере учреждена медаль его имени. Инициатива принадлежит главному редактору журнала «Бийский Вестник» Виктору Буланичеву. Она горячо поддержана Союзом писателей России, другими творческими Союзами и общественными организациями.

Эта Всероссийская общественная награда будет вручаться во многих регионах России людям, внесшим большой вклад в изучение и популяризацию творческого наследия В.М. Шукшина; в многонациональную российскую литературу, культуру, искусство и сохранение русского языка.

Медалей Василия Шукшина в 2014 году удостоены члены редколлегии «Приокских зорь»: Наталия Диомидовна Парыгина, Вячеслав Иванович Боть и Алексей Афанасьевич Яшин.

Редколлегия и редакция журнала поздравляют удостоенных столь высокой награды!

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.09.2014
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы, исключая поэзию, представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. Поэзия представляется по e-mail: sensei419@yandex.ru зав. отделом поэзии Резцову Владимиру Вадимовичу.

С признательностью — редколлегия журнала

**ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ КОНЦА XIX —
НАЧАЛА XX ВВ., ТРУДИВШИЕСЯ НА ИМПЕРАТОРСКОМ
ТУЛЬСКОМ ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ**

С. И. Мосин

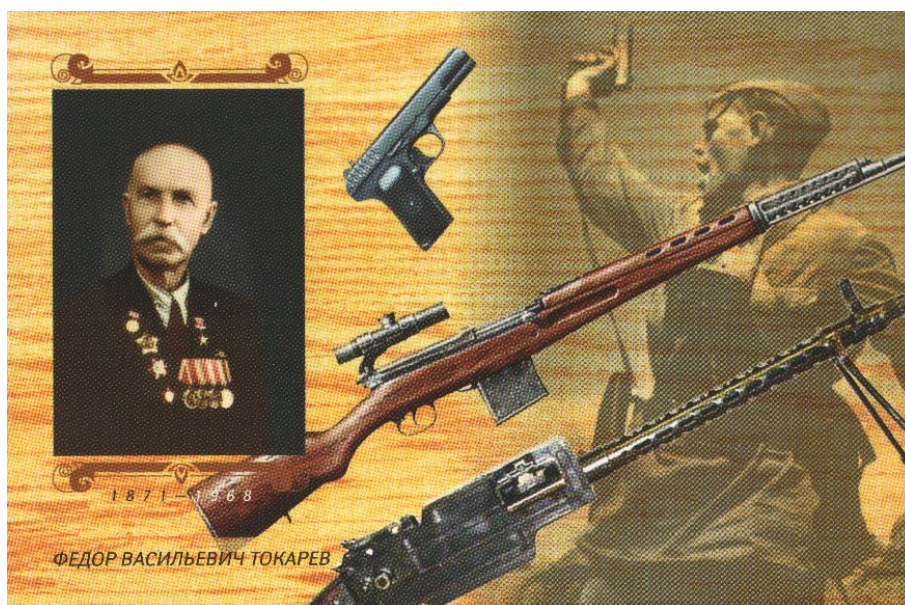

П. П. Третьяков

**ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ НАЧАЛА XX ВВ.,
ТРУДИВШИЕСЯ НА ОРДЕНОНОСНОМ ТУЛЬСКОМ
ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ**

В. А. Дегтярев

Ф. В. Токарев

(Открытки-коллажи публикуются с разрешения © Издательство «Свамия»: комплект открыток «Тула — город оружейников»; авторы: В. Н. Кузнецов, Е. А. Петрова, Ирина Александрина, Виктор Сумароков, А. Михайлов)